

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

ПОЛИТОЛОГИЯ

2016. № 2

Редакционная коллегия

Н.М. Беляева (отв. секретарь), Н.В. Борисова, П.В. Панов,
К.А. Сулимов, Л.А. Фадеева (гл. редактор)

Редакционный совет

Акаха Тсунео, д.ф.н., профессор, директор Центра Восточно-азиатских исследований, Институт международных исследований (Монтерей, США)

Бусыгина Ирина Марковна, д.п.н., профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ.

Бушар Мишель, профессор, Университет Северной Британской Колумбии (Канада).

Малинова Ольга Юрьевна, д.ф.н., профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН.

Морозова Елена Васильевна, д.ф.н., профессор, Кубанский государственный университет.

Мацузато Кимитака, д.ю.н., профессор, Центр славянских исследований университета Хоккайдо (Япония).

Подвинцев Олег Борисович, д.п.н., профессор, Институт философии и права УрО РАН.

Рахшмир Павел Юхимович, д.и.н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Росс Камерон, д.ф.н., Университет Данди (Великобритания).

Саква Ричард, профессор, Кентский университет (Великобритания).

Сморгунов Леонид Владимирович, д.ф.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.

Фадеева Любовь Александровна, д.и.н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Редактор – составитель номера Л.А.Фадеева

© Редакционная коллегия, 2016

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свид. о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-53183 от 14 марта 2013 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Беляева Н.М.</i> «Новый» взгляд государства на молодежную политику в России в середине 2010-х гг.	5
<i>Воробьев А.Н.</i> Американская ассоциация политической науки, Эврон Киркпатрик и поведенческая революция 1950-1960-х годов.....	19
<i>Гаджиев М.М.</i> Роль органов власти в разрешении межнациональных и межэтнических конфликтов в Республике Дагестан.....	35
<i>Дуйшеналиева А.Д.</i> Расширение полномочий местных кенешей как фактор демократизации кыргызстанского общества.....	44
<i>Кнурова В.А.</i> Институт президентства в информационном пространстве современного мира.....	52
<i>Митрохина Е.М., Ожегов Е.М.</i> Влияние партийного состава парламента на социально-экономическую политику в регионе: эмпирический анализ.....	61
<i>Титков А.С.</i> Индекс демократии для регионов России: динамика 1990-х – 2010-х годов.....	81
<i>Чирун С.Н.</i> Молодежный политический экстремизм: причины и формы.....	105

Мировая политика и международные отношения

<i>Девятков А.В.</i> Внешняя культурно-образовательная политика Германии и развитие немецкой «мягкой силы».....	118
<i>Бражалович Ф.Л., Ключников М.И., Туров Н.Л.</i> Российская миротворческая операция в Приднестровье: прошлое и настоящее	138
<i>Плотников Д.С.</i> Конструирование исторического прошлого в государствах Центральной Азии в контексте выстраивания взаимоотношений с Россией на современном этапе.....	156
<i>Шевченко Р.И.</i> Брикс и Россия: военный аспект	168
<i>Мазур О.А.</i> Позиция Турции по отношению к курдскому вопросу в Сирии...	177
К сведению авторов	185

Review of Political Science

Review of Political Science is a peer-reviewed academic journal publishing original research in all subfields of political science: Russian politics, comparative politics, political theory, political sociology, world politics and international relations, public policy and decision-making.

The main aim of the journal is to provide a forum for scholars to share and discuss the results of their work.

Review of Political Science is included in the list of the leading academic journals that are recommended by High Certification Commission (VAK) of the Ministry of Education and Science of Russian Federation.

Review of Political Science, founded in 2007, is published quarterly by Political Science Department of Perm State University, Russia.

After publishing, full-text versions of the issues are available on the website of the journal as well as on the website of electronic library – elibrary.ru.

Editorial Board

Editor-in-Chief – Lyubov Fadeeva, Professor, Head of Political Science Department, Perm State University

Executive Secretary – Natalya Belyaeva, Associate Professor of Political Science Department, Perm State University

Members of Editorial Board:

Nadezhda Borisova, Associate Professor of Political Science Department, Perm State University

Petr Panov, Professor of Political Science Department, Perm State University

Konstantin Sulimov, Associate Professor of Political Science Department, Perm State University

Editorial Council

Akaha Tsuneo (Monterey Institute of International Studies, USA)

Busygina Irina (MGIMO University, Russia)

Bouchard Michel (University of Northern British Columbia, Canada)

Malinova Olga (INION of Russian Academy of Science, Russia)

Matsuzato Kimitaka (Slavic Research Center of Hokkaido University, Japan)

Morozova Elena (Krasnodar University, Russia)

Podvintsev Oleg (Perm Center of Russian Academy of Science, Russia)

Rakhshmir Pavel (Perm State University, Russia)

Ross Cameron (Dundee University, United Kingdom)

Sakwa Richard (Kent University, United Kingdom)

Smorgunov Leonid (Sankt-Petersburg University, Russia)

Fadeeva Lyubov (Perm State University, Russia)

CONTENT

<i>Belyaeva N.M.</i> The state's "fresh" approach to the youth policy in Russia in the mid-2010s.....	5
<i>Vorobyev A.N.</i> American political science association, Evron Kirkpatric and behavioral revolution of the 1950-1960s	19
<i>Gadzhiev M.M.</i> The role of the authorities in resolving interethnic conflicts in the Republic of Dagestan.....	35
<i>Duishenaliyeva A.D.</i> Expansion of local councils' powers as a democratization factor for Kyrgyzstan society.....	44
<i>Knurova V.A.</i> The institution of presidency in the information space of the modern world.....	52
<i>Mitrokhina E.M., Ozhegov E.M.</i> Parliament structure influence on socio-economic policy in Russian regions: empirical analysis.....	61
<i>Titkov A. S.</i> The democracy index for Russian regions: dynamics from 1990s to 2010s	81
<i>Chirun S.N.</i> Youth political extremism: causes and forms.....	105

World politics and international relations

<i>Devyatkov A.V., Kushnir K.A.</i> Germany's cultural and educational policy abroad and development of German "soft power".....	118
<i>Brazhalovich F.L., Klyuchnikov M.I., Turov N.L.</i> Russian peacekeeping operation in Transnistria: past and present	138
<i>Plotnikov D.S.</i> Constructing the past of Central Asia in the context of building relations with Russia at the present stage.....	156
<i>Shevchenko R.I.</i> The military aspect of Russia's cooperation with Brics	168
<i>Mazur O.A.</i> Turkey's position towards the Kurdish issue in Syria.....	177

Information for the authors	186
--	------------

УДК-323(470+571)

**«НОВЫЙ» ВЗГЛЯД ГОСУДАРСТВА НА МОЛОДЕЖНУЮ
ПОЛИТИКУ В РОССИИ В СЕРЕДИНЕ 2010-х ГОДОВ**

Н.М.Беляева¹

В статье представлен кросс-темпоральный анализ политического курса государства в отношении молодежи в 2000-е гг.: проведено сравнение понимания государством содержания, основных приоритетов и механизмов реализации государственной молодежной политики в середине 2000-х и 2010-х гг. Выявлены факторы, обусловившие отказ от проектного подхода и переход к системе государственно-частного партнерства в реализации государственной молодежной политики.

Ключевые слова: государственная молодежная политика; проектный подход; молодежный образовательный форум; реестровый механизм; государственно-частное партнерство.

Формирование государственной молодежной политики в современной России начинается на рубеже 1980–1990-х гг., что было связано с изменением социально-политического устройства страны, подготовкой проекта закона СССР по молодежной политике, активизацией мирового сообщества в области решения проблем молодежи.

Становление институционально-правовых основ и механизмов реализации государственной молодежной политики в России в 1990-е–2000-е гг. носило «маятниковый характер»: инициатива в молодежном вопросе переходила с федерального уровня на региональный и обратно. Такой «маятник» был обусловлен политическими факторами: изменением характера политического режима в стране, федеративных отношений от децентрализации к централизации, политическими процессами в регионах. Несмотря на «маятниковый характер», основные рамки формирования и развития молодежной политики устанавливал федеральный центр.

В начале 2000-х гг. инициатива по формированию молодежной политики вновь переходит на федеральный уровень, что обусловлено рядом факторов политического и социального характера. С начала 2000-х гг. начинает-

---

¹ Беляева Наталья Михайловна – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: belnatalya@yandex.ru.

ся постепенная эволюция политического режима в сторону усиления вертикали президентской власти, централизации отношений федерального центра и регионов, все большего проявления авторитарных тенденций: введение федеральных округов во главе с полномочными представителями Президента РФ, главных федеральных инспекторов в субъектах федерации, изменение порядка формирования Совета Федерации, отмена прямых выборов губернаторов, введение пропорциональной составляющей в избирательные системы по выборам региональных legislатур, процесс укрупнения регионов. Таким образом, к середине 2000-х гг. проявила себя тенденция унификации регионального разнообразия. В ситуации централизации федеративных отношений вполне закономерен переход инициативы по развитию институционально-правовых основ молодежной политики на уровень центра.

Изменение отношения государства к молодежи в тот период было обусловлено также действием внешнеполитических и социальных факторов. Внешним фактором явились события начала 2000-х гг. на территории Грузии, Украины, Киргизии, где молодежь выступила движущей силой «цветных революций», приведших к смене политического руководства в этих странах.

Социальным фактором явилось появление в России в начале 2000-х гг. поколения «новой пассионарной молодежи», представители которой не имели сформировавшейся системы политических ценностей, следовательно, находились в поиске своего места в системе, в поиске приложения своих сил и энергии [3, 126].

Еще одним фактором социального характера явилась ситуация в самой молодежной среде: ухудшение состояния здоровья молодежи. По данным 2001г., в России число нездоровых детей превышало 90%. К началу 2000-х гг. резко снизилась готовность призывников к службе в армии, расширилась география и интенсивность заболеваний молодежи наиболее опасными болезнями (туберкулезом, СПИДом, половыми инфекциями), ситуация усугублялась ростом более чем в два раза токсикомании, наркомании, алкоголизма, правонарушений среди подростков и молодежи. К наркотикам пристрастились до 2 млн молодых россиян, 250 тыс. из них приобрели хроническую зависимость. Также возросло неравенство в доступе сельской молодежи, детей из малообеспеченных семей к качественному образованию, возросла безработица в молодежной среде (каждый пятый молодой человек находился в поиске работы) [5].

Таким образом, несмотря на усилия региональных властей по разработке и внедрению правовой базы молодежной политики во второй половине 1990-х гг., наблюдался рост недовольства молодых граждан качеством жизни, по-прежнему были низки ожидания молодежи помощи со стороны госу-

дарства, незамеченными оставались усилия по стабилизации социально-экономической ситуации в стране и выходу из кризиса.

Данная ситуация в молодежной среде в начале 2000-х гг. была не в последнюю очередь обусловлена проблемами в финансировании молодежной политики: так, финансовое обеспечение мероприятий ФЦП «Молодежь России» на 2001-2005 гг. определялось из расчета 2 руб. на молодого человека в год, что во многом обусловило отказ от программно-целевого подхода в реализации молодежной политики.

Названные социальные и политические факторы обусловили формирование нового подхода к государственной молодежной политике, основанного на провозглашении субъектности молодежи, а также инициировании государством новых механизмов по интеграции общественно-активной молодежи в политическую систему и социальные практики.

В середине 2000-х гг. государство начинает играть активную роль в молодежной политике, что выразилось в следующих моментах.

Первым значимым шагом государства стали разработка и принятие в декабре 2006 г. Стратегии государственной молодежной политики РФ (на период до 2016 г.), где закладывалось понимание молодежи как равноправного субъекта выработки и реализации молодежной политики, делалась ставка на субъектность молодежи в общественно-политической деятельности общества.

Стратегия государственной молодежной политики РФ с учетом тенденций социально-экономического и общественно-политического развития страны определила три основных приоритета в отношениях государства с молодежью:

- Системное вовлечение молодежи в многообразные социальные практики и развитие навыков самостоятельной жизнедеятельности молодых жителей страны.
- Выявление, продвижение, поддержка активности и достижений молодежи в социально-экономической, общественно-политической, творческой и спортивной сферах.
- Интеграция молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в жизнь общества. К ним, прежде всего, относятся инвалиды, выпускники сиротских и коррекционных учреждений, образовательных учреждений закрытого типа, жертвы насилия, военных действий, катастроф, переселенцы и мигранты, лица, освободившиеся из мест лишения свободы, молодые люди и семьи, оказавшиеся в социально-опасном положении, безработные, ВИЧ-инфицированные и молодые люди, зависимые от употребления психоактивных веществ [9].

Названные приоритеты максимально полно охватывали разные направления жизни молодого человека и способствовали комплексному решению проблем в молодежной среде.

В качестве основного механизма реализации и финансирования мероприятий данной сферы Стратегия определила проектный подход, отказавшись от программно-целевого финансирования. В документе были обозначены несколько федеральных проектов: «Российская молодежная информационная сеть “Новый взгляд”», «Доброволец России», «Карьера», «Команда», «Успех в твоих руках», «Шаг навстречу».

Вторым шагом по усилению роли государства в сфере молодежной политики стало создание молодежных политических организаций. Впервые возникают организации, созданные непосредственно органами официальной власти для оказания воздействия на молодежь с целью воспитания лояльного существующему режиму молодого поколения (Наши, Молодая гвардия, Россия молодая).

Основным институтом коммуникации политических акторов с провластными молодежными политическими организациями становится проведение молодежных образовательных форумов. Наибольшую известность приобрел молодежный образовательный форум «Селигер», который с 2005 по 2014 гг. ежегодно проводился на о. Селигер в Тверской области, близ г. Осташков (в 370 км от Москвы). Первоначально организатором форума было молодежное движение «Наши». В первом форуме принимали участие порядка 3000 чел. В 2005–2008 гг. форум был закрытым лагерем для активистов и комиссаров молодежного движения «Наши». Лагерь проходил в одну смену в течение двух недель и был разбит на следующие направления: экономическое, социальное, туристическое, массовые акции. В лагере собирались комиссары и активисты движения «Наши» со всех региональных и городских отделений, делились своим опытом, проходили идеологическую и спортивную подготовку, отрабатывали приемы ведения массовых акций, социальной работы. Фактически лагерь был тренировочной базой для подготовки будущих комиссаров движения.

В 2009 г. в рамках Федеральной программы «Год молодёжи» форум был преобразован во Всероссийский молодежный образовательный форум «Селигер» и стал открытым для всей активной и талантливой молодежи. Соответственно, начиная с 2009 г. «Наши» курировали форум совместно с Федеральным агентством по делам молодёжи [2, 90].

Наконец, в первой половине 2000-х гг. создаются и получают развитие новые инструменты развития политической активности молодежи в государственном ключе: молодежный парламентаризм, система гражданского образования, проектная деятельность. Введение данных инструментов было

направлено на интеграцию политически и общественно активной молодежи в политическую систему, но, главным образом, на формирование у молодежи государственнической системы ценностей, основу которой можно представить следующим образом: «Мы живем в демократической по российскому образцу стране, которой управляет сильный политический лидер-профессионал».

Бесспорно, что молодежный парламентаризм и проектная деятельность способствуют развитию инициативности молодежи, формированию ее гражданских качеств и становлению зрелой жизненной позиции. Кроме того, оба механизма предоставляют молодежи возможность принимать активное участие в выработке и реализации молодежной политики. И это, несомненно, сильные стороны механизмов.

Но при этом как молодежный парламентаризм, так и проектная деятельность обладают рядом ограничений для молодежи по возможности влияния на политический процесс, поскольку как организационный состав молодежного парламента, федерального или регионального уровней, так и окончательное решение по финансированию проекта, предложенного молодежной организацией, принимаются органами власти. Политическая практика предоставляет множество фактов, когда органами власти поддерживаются проекты, соответствующие общей стратегии политического курса региона или государства в целом, а в молодежные парламенты не допускаются представители оппозиционных молодежных организаций.

Если молодежный парламентаризм как механизм взаимодействия власти и молодежи был востребован молодежными политическими организациями и движениями, то отношения государства с общественно активной молодежью выстраивались через систему федерального и региональных реестров молодежных общественных организаций, а также через проектную деятельность. В реестр включаются общероссийские, международные и межрегиональные молодежные и детские объединения, которые являются юридическими лицами и действуют не менее одного года с момента государственной регистрации; а также насчитывают не менее 3000 членов [11].

Анализ Федеральных реестров за несколько лет (с 2002 по 2005 гг.) свидетельствует, что молодежными организациями-«долгожителями» в Федеральном реестре являлись Российский союз молодежи, Детские и молодежные социальные инициативы, Национальная молодежная лига, Молодежный союз юристов РФ, Союз эмжековцев России, Российский аграрный молодежный союз. При анализе характера деятельности молодежных организаций, входящих в Федеральный реестр, наблюдались некоторые преимущества в государственной поддержке, оказываемой молодежным движениям, сосредоточивающим свою деятельность на формировании условий для полно-

ценного интеллектуального и творческого становления личности молодого человека, на патриотическом воспитании молодежи, особенно студенчества. При этом государство несколько пренебрегало физическим развитием молодых граждан, а также практически выпускало из поля зрения проблемы воспитания лидеров молодежного движения России.

Таким образом, деятельность государства в сфере молодежной политики в первой половине 2000-х гг. свидетельствует о заинтересованности официальной власти в решении проблем молодого поколения, а также о целенаправленной политической социализации молодежи в соответствии с ценностями политической элиты.

«Новый», совершенно отличный, взгляд государства на молодежную проблематику начинает формироваться в середине 2010-х гг. Изменение подхода к молодежной политике со стороны государства обусловлено рядом внешнеполитических и экономических факторов. К началу 2010-х гг. стало вполне очевидно, что угроза «цветных» революций для России неактуальна, а следовательно, исчезла необходимость в деятельности пропрезидентского «антиоранжевого» молодежного движения «Наши». С другой стороны, изменения в международной обстановке в связи с событиями на Украине и последовавшими экономическими санкциями со стороны стран Запада обострили и без того напряженную в результате кризиса конца 2000-х гг. экономическую ситуацию в стране.

Экономическая ситуация и дефицитные бюджеты РФ в последние годы привели к сокращению объемов финансирования мероприятий молодежной политики.

По данным доклада Росмолодежи «Молодежь России 2000–2025: развитие человеческого капитала»: “По принятому федеральному бюджету на 2013 г. и плановый период 2014–2015 гг. расходы на молодежную политику и оздоровление детей в 2015 г. резко сокращаются, возвращаясь в реальном выражении на уровень 2010 г., который был ниже уровня 2008 г.” (рис. 1) [4].

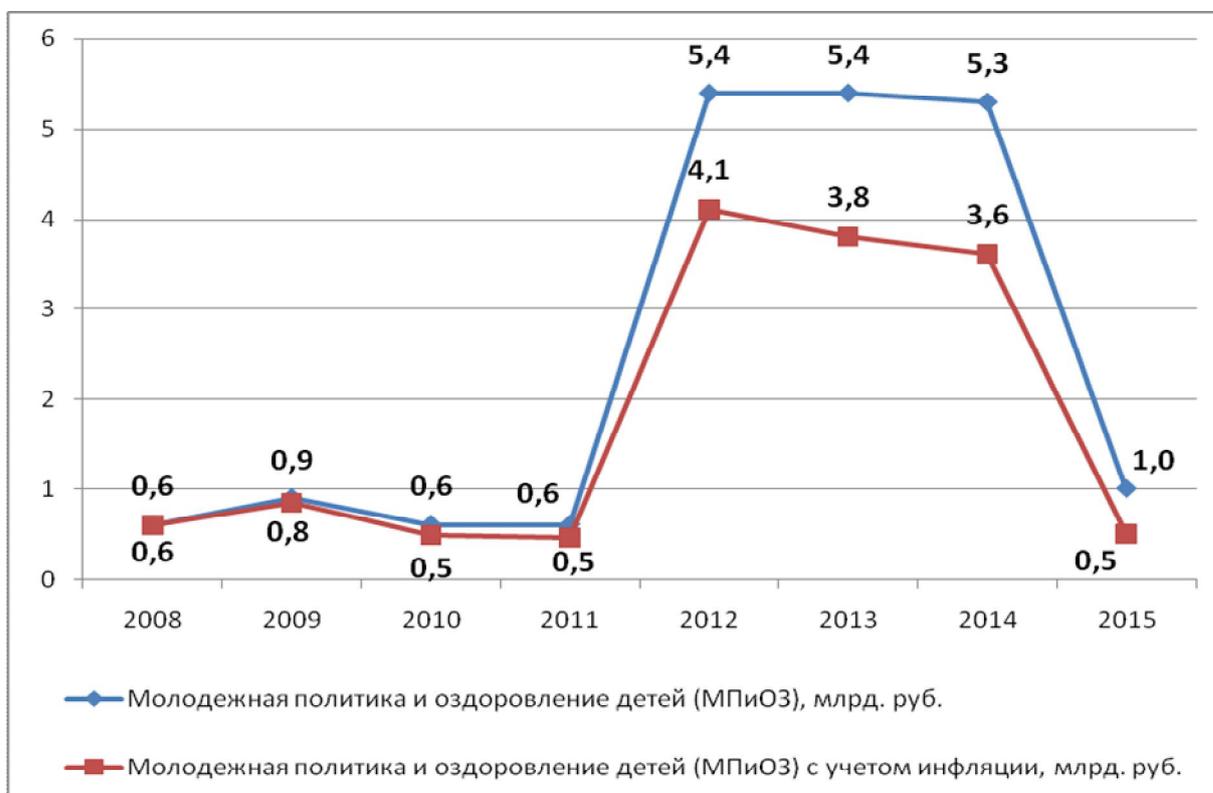

Рис. 1. Расходы федерального бюджета на молодежную политику и оздоровление детей в текущих ценах и с учетом инфляции, млрд руб.

Изменение в положении России на международной арене, а также экономические причины привели к необходимости пересмотра отношений государства с молодежью и выработке «нового» понимания государственной молодежной политики.

«Новый» взгляд государства на молодежную политику сформулирован в Распоряжении Правительства РФ от 29.11.2014 г. «Основы государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г.». Данный документ вносит изменения в само понимание властью сущности государственной молодежной политики.

Если Стратегия ГМП 2006 г. определяла государственную молодежную политику как систему «государственных приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, развития ее потенциала в интересах России» [9], то в Распоряжении 2014 г. государственная молодежная политика понимается как «направление деятельности Российской Федерации, представляющее собой систему мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового и научного характера, реализуемых на основе взаимодействия с институтами гражданского общества и гражданами, актив-

ного межведомственного взаимодействия, *направленных на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи*, расширение возможностей для эффективной самореализации молодежи и повышение уровня ее потенциала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, *глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, а также упрочения ее лидерских позиций на мировой арене»* [8].

Комплексное и в то же время емкое определение государственной молодежной политики отражает, во-первых, два приоритета в деятельности государства в молодежной среде, а во-вторых, является зеркалом сложившейся международной ситуации. Можно утверждать, что государственная молодежная политика в ближайшие десять лет будет сфокусирована исключительно на гражданском и духовно-нравственном воспитании молодого поколения в соответствии с ценностями патриотизма, православия, защиты национальных интересов. Непосредственным исполнителем данной задачи будет отданное в ведение Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь) ФГБУ «Роспатриотцентр» (ФГБУ «Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи»).

При такой расстановке приоритетов необходимо понимать, что основные сферы жизни молодого поколения (образование, трудоустройство, досуг, молодые семьи, здоровье и др.) окажутся в поле наименьшего внимания государства, что неизбежно приведет к нарастанию проблем.

Сокращение государственного финансирования сферы молодежной политики на практике привело не только к формированию ее нового смысла, но и к ряду серьезных изменений самого политического курса в отношении молодежи, практики реализации государственной молодежной политики.

Во-первых, с 2015 г. Росмолодежь отказалось от проведения Молодежного образовательного форума «Селигер» как чрезвычайно масштабного мероприятия и реального инструмента коммуникации политических лидеров с представителями талантливой, активной и думающей молодежи. Практика проведения «Селигера» была заменена несколькими образовательными тематическими форумами с гораздо более скромным количеством участников и объемом финансирования:

- «Территория смыслов на Клязьме», Владимирская область (форум молодых учёных и преподавателей общественных наук, IT-технологий, здравоохранения, журналистики, депутатов и молодых лидеров, специалистов в области межнациональных отношений, руководителей социальных НКО и проектов, молодых журналистов);

- «Таврида», Крым (форум профессионалов в сфере дизайна, архитектуры и урбанистики, поэзии и писательского ремесла, композиторов, музы-

кантов и хореографов, скульпторов и художников, актёров и режиссёров театра и кино, историков);

- «Итуруп», остров Курильской гряды (форум молодых ученых, магистрантов, аспирантов и специалистов, чья сфера научных интересов связана с развитием Востока России);

- «Балтийский Артек», Калининградская область (форум специалистов сферы образования) [6].

Во-вторых, с 2015 г. из Федерального реестра молодежных и детских общественных объединений была исключена молодежная организация «ДИМСИ» (Детские и молодежные социальные инициативы) как реализующая традиционно большое количество проектов по разным направлениям гражданской социализации молодежи, деятельность которой требует от государства больших финансовых вложений. Соответственно, в реестре остались «Национальная организация скаутского движения России», «Российский союз молодежи», «Российский спортивный союз молодежи», «Общественная Малая академия наук «Интеллект будущего», «Всероссийский студенческий союз», «Всероссийский студенческий корпус спасателей», «Российский союз сельской молодежи», «Россия молодая», «Российские студенческие отряды», «Ассоциация учащейся молодежи Российского союза молодежи «Содружество», «Ассоциация студентов и студенческих объединений России», «Всероссийский межнациональный союз молодежи» [7].

Наконец, изменения коснулись и вопросов реализации государственной молодежной политики. В частности, в «Основах государственной молодежной политики в России на период до 2025 г.» в качестве основных механизмов реализации политического курса в отношении молодежи провозглашено: «разработка и анализ комплексных программ по реализации государственной молодежной политики...», «развитие системы государственно-частного партнерства в целях вовлечения в реализацию государственной молодежной политики бизнес-сообщества, общественных объединений и граждан» [8]. Таким образом, в «новой» молодежной политике государство отказывается от актуального сегодня в мировой практике проектного подхода как требующего финансовых и иных материальных затрат и возвращается к идее комплексных целевых программ, которые традиционно сопровождаются проблемой недофинансирования.

Более того, государство несколько раз в документе провозглашает идею государственно-частного партнерства с целью привлечения инвестиций бизнеса в сферу молодежной политики. Необходимо отметить, что эта идея зародилась еще в Стратегии ГМП 2006 г. как идея о взаимодействии государства, институтов гражданского общества и бизнеса. В Основах ГМП 2014 г.

государственно-частное партнерство становится ключевым механизмом реализации и финансирования мероприятий в отношении молодежи.

В 2015 г. начинает формироваться нормативно-правовая база государственно-частного партнерства в России посредством принятия 13 июля 2015 г. федерального закона № 224-ФЗ "О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации". В рамках данного документа государственно-частное партнерство понимается как юридически оформленное на определенный срок (не менее трех лет) и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве, соглашения о муниципально-частном партнерстве, заключенных в соответствии с настоящим Федеральным законом в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества [10].

Как отмечают Баженова В.С., Пивоваров Н.А.: «Причины создания ЧГП во всех странах одинаковы: это необходимость в модернизации инфраструктуры и соответствующих капиталовложениях, неэффективность управления, ограниченность бюджетных средств, недостаточные инвестиции частных структур, связанные с высокими рисками формирующегося рынка. Практика зарубежных стран показывает, что частно-государственное партнерство уместно в том случае, когда необходим компромисс - объединение средств и деление рисков. Необходимо отметить, что такая форма сотрудничества может формироваться только при проведении государством открытых конкурсов.

Понятие и механизмы ЧГП укоренились и используются в мировой практике привлечения частных компаний для долговременного финансирования и управления общественной инфраструктурой, включая широкий круг объектов - транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство, благоустройство и т.п.» [1].

Наиболее популярными сферами реализации государственно-частного партнерства в России стали:

- а) ЖКХ - передача муниципального жилищного фонда на обслуживание коммерческой фирме, создание управляющих компаний в сфере управления и обслуживания жилищного фонда;
- б) обеспечение жилого сектора теплом и горячей водой;
- в) социальная сфера - создание социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних;

- г) сотрудничество в области образования;
- д) транспорт - строительство автодороги;
- е) организация пассажирских перевозок;
- ж) недвижимость - строительство гостиницы;
- з) программа «Жилье - молодым»;
- и) экология и благоустройство - реконструкция территории городского сада, сооружение набережной, реконструкция площади [1].

По оценкам Баженовой В.С., Пивоварова Н.А., для того, чтобы партнерство успешно работало, необходимо сочетание многих факторов, имеющих отношение как к представителям обеих сторон партнерства, так и к среде, в которой они взаимодействуют в процессе реализации проекта. Что касается партнера со стороны государства, то международный и российский опыт свидетельствуют о том, что органы государственной и местной власти должны проявить политическую волю и взять на себя инициативу по привлечению бизнеса к совместной реализации проектов по оказанию услуг населению, если это является экономически оправданным.

Опыт реализации проектов в западных странах говорит о том, что партнерство государства и частного сектора не всегда бывает успешным. Существуют разные причины этого явления: различия в интересах, в корпоративной культуре государственного учреждения и частной фирмы [1].

Развитие государственно-частного партнерства в сфере молодежной политики осложняется особенностью данной сферы, которая состоит в том, что вложение финансовых и иных ресурсов осуществляется на средне- и долгосрочную перспективу, получение прибыли от вложений может быть отсрочено временем, что не всегда соответствует интересам государства, а тем более бизнеса, для которого прибыль выступает в качестве внутреннего источника финансирования и может быть направлена на расширение производства, внедрение новых технологий, обновление технического парка, повышение квалификации сотрудников и другие цели развития. Соответственно, сфера молодежной политики не является предметом, представляющим наибольший интерес для бизнес-структур, что может сказаться на финансировании и в целом реализации молодежной политики в России.

Кросс-темпоральное измерение политического курса в отношении молодежи свидетельствует о том, что государственная молодежная политика середины 2000-х гг., охватывающая все сферы жизни молодого поколения, характеризовавшаяся проведением масштабных форумов и введением проектного механизма и молодежного парламентаризма как механизмов интеграции молодежи в общественно-политические и социально-экономические практики, за десять лет претерпела серьезные изменения. «Новый» взгляд государства на молодежную политику в середине 2010-х гг. предполагает рас-

смотрение ее исключительно как духовно-нравственное и гражданско-патриотическое воспитание молодого поколения, характеризуется отказом от масштабных мероприятий и попытками развития государственно-частного партнерства как механизма реализации данного политического курса.

Библиографический список

1. *Баженова В.С., Пивоваров Н.А.* Государственное регулирование инновационно-технологического развития в современных условиях. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2006. 200 с.
2. *Беляева Н.М.* «Актуальное» в политике идентичности и проблема субъектности (на примере молодежного форума «Селигер») // *Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций / под ред. П.В.Панова, К.А.Сулимова, Л.А.Фадеевой.* М.:РОСПЕН, 2012. Гл. 5. С. 90–104.
3. *Беляева Н.М.* Воспитание гражданской активности молодежи в рамках государственной молодежной политики // *Вестник Пермского университета. Серия Политология.* Пермь, 2012. Вып. 4. С. 126–136.
4. Доклад Федерального агентства по делам молодежи «Молодежь России 2000–2025: развитие человеческого капитала». Часть 1. М., 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://vmo.rgub.ru/files/report-937-2.pdf>.
5. *Коврижных Ю.В.* Государственная молодежная политика: современное состояние и перспективы // *Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ.* М., 2001. №10 (141).
6. Образовательные форумы Росмолодежи [Электронный ресурс]. URL: <https://fadm.gov.ru/activity/events/194>.
7. О федеральном реестре молодежных и детских объединений, пользующихся государственной поддержкой: приказ Федерального агентства по делам молодежи № 89 от 11 июня 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70308334/>.
8. Основы государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г.: распоряжение Правительства РФ № 2403-р от 29 нояб. 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf>.
9. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://vmo.rgub.ru/policy/act/strategy.php>.
10. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 224-ФЗ от 13 июля 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/.

11. О государственной поддержке молодежных и детских общественных организаций: Федеральный закон от 28 июня 1995г. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/103544/>.

THE STATE'S "FRESH" APPROACH TO THE YOUTH POLICY IN RUSSIA IN THE MID-2010s

N.M. Belyaeva

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Perm State University

The article presents a cross-temporal analysis of the political course of the state towards youth in the 2000s. A comparison of the state understanding of the content, main priorities and mechanisms for implementing the state youth policy in the mid-2000s and 2010s is made. The factors that have led to the rejection of the project approach and transition to public-private partnership in implementing the state youth policy are revealed.

Keywords: state youth policy; project approach; youth educational forum; register mechanism; public-private partnership.

References:

1. *Bazhenova V.S., Pivovarov N.A.* State Regulation of Innovative and Technological Development Under the Modern Conditions. Ulan-Ude, East Siberia State University of Technology and Management Publ., 2006. 200 p. (In Rus.).
2. *Belyaeva N.M.* The "Current" in Identity Politics and the Problem of Subjectivity (a case study of the Youth Forum "Seliger"). *Struggle for Identity and New Institutions of Communications*. Ed. by P.V. Panov, K.A. Sulimov, L.A. Fadeeva. Moscow, ROSPEN Publ., 2012. Chapter 5. P. 90–104. (In Rus.).
3. *Belyaeva N. M.* Cultivation of Youth Civic Engagement in the Framework of the State Youth Policy. *Review of Political Science*, Perm, 2012. Iss. 4. P. 126–136. (In Rus.).
4. Report of the Federal Agency for Youth Affairs "Youth of Russia, 2000–2025: Human Capital Development". Part 1. Moscow, 2013. Available at: <http://vmo.rgub.ru/files/report-937-2.pdf>. (In Rus.).
5. *Kovrizhnykh Yu.V.* State Youth Policy: Current Status and Prospects. *Analytical Bulletin of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation*. Moscow, 2001. № 10 (141). (In Rus.).

6. Educational Forums of the Rosmolodezh. Available at: <https://fadm.gov.ru/activity/events/194>. (In Rus.).
7. The Federal Agency for Youth Affairs Order "On the Federal Register of Youth and Children's Associations Enjoying State Support" of June 11, 2015 № 89. (In Rus.).
8. The RF Government Decree "Basic Principles of the State Youth Policy in the Russian Federation for the Period up to 2025" of November 29, 2014 № 2403-R. (In Rus.).
9. Strategy of the State Youth Policy in the Russian Federation until 2016. (In Rus.).
10. RF Federal Law "On Public-Private Partnership, Municipal-Private Partnership in the Russian Federation and Amendments Being Made to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" of July 13, 2015 № 224-FZ. (In Rus.).
11. RF Federal Law "On the State Support of Youth and Children's Public Organizations" of June 28, 1995 №98-FZ. (In Rus.).

УДК-32

**АМЕРИКАНСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ,
ЭВРОН КИРКПАТРИК И ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
1950–1960-х ГОДОВ**

А.Н.Воробьев¹

В статье анализируется роль институциональных трансформаций в Американской ассоциации политической науки и влияние ее исполнительного директора Эврона Киркпатрика на поведенческую революцию 1950–1960-х гг. На основе широкого круга источников описываются состояние ассоциации и ее реформирование в 1940–1960-х гг., деятельность Эврона Киркпатрика на посту исполнительного директора ассоциации, а также то, какое влияние эти факторы оказали на развитие поведенческого движения и превращение бихевиорализма в доминирующий подход в американской политической науке.

Ключевые слова: поведенческая революция; бихевиорализм; Американская ассоциация политической науки; Эврон Киркпатрик.

Историографические дебаты, охватившие американскую политическую науку в конце 1980-х–начале 1990-х гг., привели к профессионализации исследовательской области истории политической науки и увеличению количества работ по данной теме. Одним из проявлений данных тенденций стал рост объема наших знаний о послевоенной политической науке и поведенческой революции 1950–1960-х гг., а также пересмотр традиционного представления о поведенческой революции, склонного анализировать ее в категориях «научной революции», причины которой кроются в интеллектуальном превосходстве поведенческого подхода над другими.

Современная историографическая рефлексия о поведенческой революции включает в себя пересмотр концептуальных оснований данного явления и проблематизацию вопроса о преемственности и революционности бихевиорализма [12, 2], анализ происхождения и трансляции историко-графического мифа о поведенческой революции [5], а также детальное рассмотрение биографий ведущих представителей бихевиорализма [13]. Однако,

---

¹ Воробьев Алексей Николаевич – ассистент кафедры политологии и права исторического факультета Красноярского государственного педагогического университета им В.П. Астафьева. E-mail: politscience@mail.ru.

по нашему мнению, наиболее важно то, что исследователи обратились к поиску внеинтеллектуальных причин поведенческой революции, таких как политический контекст [4], поддержка бихевиорализма со стороны филантропических фондов [14] и т.д.

Продолжая тенденцию анализа внеинтеллектуальных аспектов поведенческой революции, в своей статье мы хотели бы обратить внимание на институциональную эволюцию Американской ассоциации политической науки (American Political Science Association, APSA) в 1940–1960-х гг., деятельность Эврона Киркпатрика на посту исполнительного директора APSA и на то, как эти факторы сказались на развитии и статусе поведенческого движения в послевоенной политической науке.

APSA: от «научного общества» к «профессиональной ассоциации»

В послевоенные годы в APSA произошли важные организационные изменения, способствовавшие ее преобразованию из «научного общества» в «профессиональную ассоциацию». В этот период APSA находилась в состоянии глубокого организационного кризиса. До конца 1940-х гг. она функционировала без центрального офиса. Организационные обязанности делились между секретарем-казначеем ассоциации и главным редактором выпускаемого APSA журнала *American Political Science Review* (APSR) [26, 54-55], при этом власть и возможности президента и исполнительного совета были ограничены; они осуществляли скорее наблюдение за деятельностью APSA, нежели реальное управление ею.

Одной из базовых проблем APSA в этот период можно назвать неустойчивую финансовую систему. Хотя на протяжении Второй мировой войны количество членов организации оставалось примерно одинаковым, наблюдалось значительное снижение ее доходов. Это было связано, во-первых, с отсутствием у всех членов ассоциации возможности оплатить взносы, во-вторых, с частой задержкой получения сборов, что привело в итоге к бюджетному дефициту и ограничению финансирования различных инициатив в рамках APSA, невозможности обеспечить поддержку исследований, печать и распространение документов и т.д. Также это послужило причиной усиления критики в адрес ассоциации, поскольку многие политологи ожидали большего количества предоставляемых услуг за свои членские взносы.

Финансовый кризис обострил многие организационные проблемы, связанные с децентрализацией и общими проблемами контроля и управления ассоциацией.

Один из аспектов организационного кризиса связан с возросшей автономией комитетов. Существующие институциональные условия позволяли им проводить собственные научные изыскания, критиковать исследовательские практики и стандарты, принятые в дисциплине, и выражать протестную

точку зрения. Руководство APSA в то время не могло противодействовать данным тенденциям по ряду причин: во-первых, организационная структура ассоциации не позволяла президенту и исполнительному совету осуществлять эффективный контроль над действиями комитетов (при этом бюджетные ограничения послевоенных лет еще более усугубляли проблему: к примеру, в 1947 г. Джон Гаус предложил провести специальную сессию исполнительного совета APSA «в целях обеспечения лучшей координации и более компетентного руководства работой многочисленных комитетов» [24, 148], однако для организации этой встречи не удалось найти средств); во-вторых, финансовые трудности ассоциации и увеличение активности филантропических фондов способствовали распространению практики финансирования комитетов независимо от APSA.

Помимо автономии комитетов, ассоциация столкнулась с целым спектром сепаратистских движений, угрожавших ее целостности. Так, в середине 1940-х гг. была предпринята неудачная попытка слияния APSA с Американской Экономической Ассоциацией [24, 153]. В свою очередь, специалисты по международным отношениям обсуждали возможность создания собственной профессиональной организации, а American Society for Public Administration рассматривалась многими специалистами по государственному управлению как реальная альтернатива APSA¹.

К концу 1940-х гг. внутри ассоциации стала заметна группа «реформистов»², стремящаяся к изменению существующего положения дел и предпринявшая ряд конкретных шагов по изменению ситуации.

В результате целенаправленных действий «реформистов» в 1947 г. с поста был смещен секретарь-казначей Кеннет Колгров (занимал должность с 1937 г.), а в 1949 г. – главный редактор APSR Фредерик Огг (занимал должность с 1926 г.), что сделало ассоциацию более восприимчивой к изменениям.

Параллельно предпринимались действия по изменению «дефектной» структуры ассоциации. В 1947 г. на собрании исполнительного совета Валдимер Кей предложил организовать Комитет по конституционной структуре ассоциации для изучения «конституционных вопросов, которые, по мнению

---

¹ Несмотря на кризис и организационную слабость, APSA являлась важнейшим фактором профессиональной и дисциплинарной идентичности. Выпускаемые ассоциацией биографические справочники, содержащие сведения о ее членах, были для многих единственным источником информации о том, кто есть кто в политической науке. См., например, воспоминания Хайнца Юлау [10, 426].

² Вероятно, на формирование данной группы косвенное влияние оказала Вторая мировая война, во время которой значительное число политологов было нанято на работу в правительственные учреждения Вашингтона, что способствовало интенсификации коммуникации в исследовательской среде. Однако запрос на реформы в ассоциации обозначился непосредственно после окончания войны. По свидетельству одного из «реформистов», Пендлетона Херринга, «многие из нас чувствовали, что ассоциации необходимо начать новую жизнь» [15, 92].

комитета, обеспечат перспективу большей эффективности в деятельности ассоциации» [24, 151]. Благодаря Пендлетону Херрингу инициатива комитета была материально поддержана фондом Карнеги [15, 93], а также одобрена на ежегодном собрании APSA. В результате сложных согласований и активных дебатов в 1949 г. предложения комитета окончательно доработали и появилась возможность их реализации. Были инициированы следующие изменения [24, 151–152]:

1. Учреждение поста President–Elect (избранный, но ещё не вступивший в должность президент). Он автоматически становился членом исполнительного комитета и мог использовать свой однолетний срок для ознакомления с проблемами, которыми будет занят в качестве президента.

2. Упразднение исполнительного совета. Вместо него были учреждены: (1) совет; (2) исполнительный комитет, куда вошли президент, President–Elect, исполнительный директор и три назначенные президентом человека, один из которых являлся председателем программного комитета (он занимался планированием и организацией ежегодных собраний ассоциации). Почти все полномочия исполнительного совета перешли к исполнительному комитету.

3. Учреждение постоянного офиса в Вашингтоне. Незначительное улучшение финансового состояния ассоциации и грант от фонда Карнеги дали возможность назначения небольшого штата сотрудников под руководством исполнительного директора. Изначально эта должность предполагала неполный рабочий день. На таких условиях ее занимали Эдвард Личфилд (1950–1953 гг.) и Джон Гэндж (1953–1954 гг.). Первым исполнительным директором, нанятым на полный рабочий день, стал Эврон Киркпатрик.

Помимо описанных институциональных реформ, преодолению кризисных тенденций в APSA способствовали послевоенные трансформационные процессы в американской образовательной системе, которые благоприятствовали резкому росту количества преподавателей политической науки. Это привело к увеличению числа членов ассоциации¹ и укреплению ее бюджета.

В целом, несмотря на преодоление послевоенного кризиса, к середине 1950-х гг. APSA находилась в рамках скромного бюджета, а деятельность постоянных сотрудников в Вашингтоне была малоэффективной. Процессы, связанные с трансформацией APSA из научного общества в профессиональную ассоциацию, активизировались после прихода в 1954 г. на должность исполнительного директора Эврона Киркпатрика.

---

¹ В 1940 г. количество членов APSA составляло 2,857 чел., в 1950 г. – 5,126 чел., а к 1970 г. количество членов выросло до 18,006 чел. [6, 12].

Эврон Киркпатрик и APSA

Прежде чем перейти к рассмотрению деятельности Эврона Киркпатрика на посту исполнительного директора APSA, необходимо хотя бы кратко остановиться на его биографии¹.

Эврон Киркпатрик родился 15 августа 1911 г. в небольшом городе Рааб в штате Индиана. Детство Киркпатрик провел со своей матерью, которая, несмотря на отсутствие образования, хорошо понимала роль книг в становлении личности ребенка и на скопленные деньги покупала сыну произведения Диккенса, Эмерсона и других авторов.

Киркпатрик окончил школу в 16 лет и как лучший ученик отправился в Иллинойский университет для продолжения образования. В университете он познакомился с начинающим политологом Чарльзом Хайнеманом, под влиянием которого всего за четыре года получил степени бакалавра и магистра. После этого Йельский университет предложил Киркпатрику стипендию для обучения в докторантуре по политической науке, и осенью 1932 г. он уехал из Иллинойса. Обучение в докторантуре Йельского университета заняло у Киркпатрика всего два года, и, продолжая работу над диссертацией, в 1935 г. он был принят на кафедру политической науки в университет Миннесоты на должность инструктора.

В начале карьеры в университете Миннесоты Киркпатрик преподавал вводные курсы об американском правительстве, а также вел вечерние занятия и заочные курсы. Его главными академическими достижениями в этот период стала защита в 1939 г. диссертации, посвященной регулятивной деятельности Федеральной комиссии по связи, а также выпуск в 1941 г. ридера по американской политике «The People, Politics, and the Politicians: Readings in American Government», в который были включены тексты молодых исследователей (таких как Валдимер Кей и Стюарт Чейз), что в некоторой мере отражало растущее недовольство Эврона Киркпатрика доминирующим дескриптивным и юридическим подходом в дисциплине.

Также в этот период Киркпатрик стал активно вовлекаться в политическую жизнь Миннесоты. Вместе со своим учеником Хьюбертом Хамфри, приехавшим в университет Миннесоты в 1937 г., ему удалось собрать вокруг себя неформальную группу людей, интересовавшихся текущей политической ситуацией в Миннесоте. Они в целом поддерживали «новый курс» Франклина Рузвельта, но также являлись яркими антикоммунистами. В дальнейшем члены данной группы, получившей название «Миннесотская мафия», стали широко известны на политической арене. Наиболее успешным был Хьюберт Хамфри, занимавший пост мэра Миннеаполиса (1945–1948 гг.), сенатора от

---

¹ Специализированной литературы, посвященной Эвруну Киркпатрику, не существует. Детали его биографии взяты нами из следующих источников: [7; 21].

Миннесоты (1949–1964 гг. и 1971–1978 гг.) и вице-президента США (1965–1969 гг.)¹. Дружеские отношения между членами «Миннесотской мафии», сохранившиеся вплоть до 1980-х гг., часто являлись важным ресурсом помощи и поддержки друг для друга.

После нападения японцев на Перл-Харбор в 1941 г. Киркпатрик предпринял попытку устроиться на военную службу, но из-за состояния здоровья ему было отказано. Спустя некоторое время, благодаря коллеге с кафедры географии, он узнал, что Управление стратегических служб, первая объединенная разведывательная служба в США, ищет специалистов по политике и политическим системам. В 1943 г. Киркпатрик был принят в исследовательское и аналитическое подразделение для проведения полной инвентаризации реализуемых в управлении проектов. После тщательного знакомства с персоналом управления Киркпатрик был шокирован количеством работающих в нем коммунистов, о чем доложил главе управления Уильяму Доновану, согласившемуся, что это является серьезной проблемой. По рекомендации Киркпатрика в управление наняли его друга, Уилмура Кендала, главной задачей которого было очищение организации от коммунистов. После этого Киркпатрик стал одним из ведущих офицеров управления и другом Уильяма Донована.

Управление стратегических служб было расформировано в 1945 г., и Киркпатрик вернулся в университет Миннесоты. Однако уже в 1947 г. Дин Ачесон, заместитель госсекретаря, предложил Киркпатрику вновь приехать в Вашингтон для работы в государственном департаменте (которому была передана часть полномочий упраздненного Управления стратегических служб, в том числе его исследовательское и аналитическое подразделения).

Окончательно покинув университет Миннесоты и обосновавшись в Вашингтоне, Киркпатрик активно действовал и чувствовал себя своим как в мире разведывательного сообщества, так и в Демократической партии, в среде политических ученых и в государственном департаменте, для которого он занимался разработкой новой программы психологической войны.

В 1954 г. в APSA было решено перевести должность исполнительного директора на полную ставку². Президент ассоциации Ральф Банч предложил на эту должность Эврона Киркпатрика, и после обсуждения его кандидатура была одобрена³.

---

¹ Помимо Хьюберта Хамфри, успеха на политической арене достигли Орфилль Фримэн, губернатор Миннесоты в 1955–1961 гг., Юджин Маккарти, сенатор от Миннесоты в 1959–1971 гг., Евгения Андерсон, ставшая послом США в Данию в 1949–1953 гг. и Болгарию в 1962–1964 гг., а также ряд других политиков.

² Напоминаем, что с момента основания в 1949 г. до 1954 г. эта должность предполагала частичную занятость.

³ Вероятно, немаловажную роль в одобрении кандидатуры Киркпатрика сыграла поддержка со стороны его преподавателя и друга Чарльза Хайнемана. Пендлетон Херринг, один из влиятельных «реформистов», в

До 1954 г. деятельность национального офиса ассоциации практически полностью ограничивалась организацией ежегодных собраний. К моменту прихода на должность Киркпатрика у офиса был долг в 14 000 дол [21, 543]. Первой мерой, предпринятой Киркпатриком, стал заем денег на нужды офиса. Благодаря ему значительно улучшилось экономическое состояние ассоциации. Используя свои организаторские и политические навыки и связи, приобретенные в Вашингтоне, Киркпатрику удалось наладить взаимодействие APSA с крупнейшими филантропическими фондами и государственными институтами. Финансовые поступления в виде грантов от данных организаций стали важнейшим источником пополнения бюджета ассоциации. В результате доход APSA от членских взносов и грантов увеличился с 47,783 дол в 1954 г. до 2,500,000 дол в 1969 г. [6, 41]. Также в 1968 г., при помощи Макса Кампельмана, казначея ассоциации и близкого друга Киркпатрика, удалось купить здание для национального офиса, где он находится по сей день [21, 543]. Кроме того, при Киркпатрике улучшилось внутреннее руководство ассоциацией, удалось увеличить постоянный штат национального офиса. При этом, с другой стороны, проявилась тенденция к формированию олигархического режима в рамках APSA. Так, Nominating Committee, выдвигающий кандидатуры на основные должности в ассоциации, с 1958 по 1967 гг. никогда не предлагал более одного человека на каждый пост. За эти годы ни одна из 149 представленных кандидатур не оспаривалась на ежегодных деловых встречах, которые скорее выполняли функцию ратификации, а не принятия решений [27, 358]¹.

В 1950–1960-е гг. благодаря улучшению финансовой ситуации значительно увеличился перечень функций и услуг, предоставляемых ассоциацией. Стало активно развиваться образовательное направление деятельности ассоциации. Так, под руководством Киркпатрика были основаны летние семинары, на которых политологи из небольших колледжей могли обучиться у своих коллег из крупных исследовательских университетов современным методам исследования и преподавания политической науки [21, 543–544].

Киркпатрику также удалось получить крупный грант от фонда Форда для финансирования Congressional Fellowship Program – программы, позволяющей политологам, журналистам и государственным служащим более де-

---

1954 г. обращался к Хайнеману с просьбой охарактеризовать Киркпатрика и получил положительную оценку [16, 14].

¹ Также олигархический характер управления в APSA можно проиллюстрировать следующим примером: в конце 1960-х гг. на одной из встреч исполнительного комитета Киркпатрик сообщил, что его пенсионная программа оказалась недостаточно профинансирована. Его друг Макс Кампельман, занимавший должность казначея ассоциации, предложил сделать единовременный крупный платеж в пенсионный фонд Киркпатрика. Данная инициатива была быстро одобрена исполнительным комитетом без какого-либо согласования на ежегодной деловой встрече [18, 157].

вяти месяцев работать в конгрессе и изучать его. С 1953 по 1973 гг. в программе приняли участие 541 человек. Результатом участия политологов в данной программе стало более трехсот публикаций о конгрессе, законодательном процессе и государственной политике [25, 420]. Также благодаря Киркпатрику был профинансирован ряд других инициатив. В их числе: State Legislative Service Program – программа, помогающая впервые избранным законодателям штатов сориентироваться в работе легислатуры посредством семинаров и предоставления специализированной литературы; гранты иностранным ученым для участия в ежегодном собрании ассоциации и т.д.

Одной из самых важных и трудоемких задач для Киркпатрика стали признание и поддержка политической науки в Национальном научном фонде. Исследовательская программа по социальным наукам в фонде была основана в 1957 г. и предполагала поддержку исследовательских проектов в области антропологии, экономики, социологии, истории и философии науки. Политическая наука была исключена из области интересов фонда, политика рассматривалась как слишком спорный объект исследования – наряду с сексом, расой и религией, изучение которых также не финансировалось [23, 182].

Такое отношение к политической науке вызвало ожидаемую критику со стороны Эврона Киркпатрика и других политологов. В начале 1960-х гг. Киркпатрик начал кампанию по включению политической науки в программу фонда. Помимо прямого обращения к руководству национального научного фонда он использовал свои связи в конгрессе, чтобы убедить законодателей в ошибочности политики фонда и необходимости включения политической науки [18, 158].

В 1963 г. Киркпатрик, комментируя состояние переговоров с Национальным научным фондом, сообщал: «У меня были многочисленные письма и беседы как с чиновниками фонда, так и со служащими и членами APSA. Ни в письмах, ни в разговорах мне не было дано рационального объяснения или оправдания политики фонда по отношению к политической науке, поддающегося объективному анализу. Иногда утверждают, что в политической науке нет фундаментальных исследований; в других случаях говорят, что, по мнению фонда, политические исследования слишком тесно связаны с противоречивыми вопросами государственного управления, чтобы поддерживать их; как и в другие времена, считается, что политическая наука не соответствует стандартам научной объективности, установленным фондом: количественные измерения и т.п. Эти аргументы как основание для исключения политической науки сегодня не соответствуют нашей дисциплине больше чем психологии, экономике, антропологии и социологии» [24, 154].

В результате долгих и сложных переговоров программа фонда, посвященная политической науке, была организована в 1965 г. и в первый фискальный год включала семнадцать исследовательских грантов с суммарным финансированием 335,650 дол [24, 154].

В целом, к концу 1960-х гг. APSA становится одной из самых крупных профессиональных ассоциаций с национальным офисом, собственным зданием, крупным бюджетом, широким набором программ и стипендий, а также установившейся общественной репутацией политической науки как одной из базовых социальных наук.

Поведенческая революция и APSA

Теперь необходимо рассмотреть, как описанные выше институциональные трансформации в APSA были связаны с развитием поведенческого движения в 1940–1960-х гг.

В 1940–1950-е гг. ассоциация постоянно подвергалась критике со стороны бихевиоралистов за свою традиционную направленность. В среде поведенчески ориентированных политологов часто обсуждался вопрос об учреждении собственной профессиональной организации, а некоторые исследователи, уверенные в том, что APSA никогда не признает бихевиорализм, переходили в другие ассоциации (Американская Психологическая Ассоциация, Американская Социологическая Ассоциация), которые были более лояльны к поведенческим исследованиям [1, 298].

Особенно подвергалась критике редакционная политика Фредерика Огга на посту главного редактора *American Political Science Review*. Как вспоминал Остин Ранни, «я был очень хорошо осведомлен о распространенном недовольстве, что [APSR] был частной территорией Фреда Огга в течение двадцати трех лет. Многие люди говорили, что он стал чрезвычайно консервативным журналом, в котором нет ничего интересного, что он не восприимчив к новым разработкам в области политической науки» [20, 227]. Не менее важной проблемой для бихевиоралистов являлась дискриминация поведенческого подхода при организации ежегодных собраний ассоциации. Поэтому неудивительно, что бихевиоралисты стали активно содействовать реформированию ассоциации¹. Реформирование ассоциации рассматривалось ими в качестве необходимой предпосылки для достижения своей цели, состоявшей в том, чтобы «убедиться, что исследования в рамках поведенческого подхода будут одобрительно признаны журналом *American Political Science Review* и им будет обеспечено соответствующее место на ежегодных собраниях ассоциации» [22, 169].

---

¹ Движение «реформистов», инициировавшее реформы в APSA, не следует ассоциировать только с бихевиоралистами. Движение не было гомогенным, различные ученые и группы преследовали различные цели.

После отставки Фредерика Огга, произошедшей благодаря усилиям реформистов, на пост главного редактора APSR была предложена кандидатура Тэйлора Коула, хорошо зарекомендовавшего себя в должности редактора журнала *Journal of Politics*. Исключительная активность и настойчивость реформистов и бихевиоралистов, в первую очередь, тех, кто входил в исполнительный совет ассоциации, позволили назначить именно Коула. Во-первых, исполнительный совет отклонил кандидатуры, предложенные *Nominating Committee*. Во-вторых, кандидатура Коула не была вынесена на широкое обсуждение во время ежегодного собрания ассоциации. Некоторые члены APSA возразили, что «важные и далеко идущие решения относительно APSR были приняты без широкого обсуждения на общем собрании членов ассоциации» [19, 918]. В ответ на это президент APSA Куинси Райт сослался на конституцию ассоциации, которая предоставляет исполнительному совету свободу действий с целью обеспечения «последовательной смены» редакторов.

С приходом на пост главного редактора Тэйлора Коула произошёл ряд технических и институциональных трансформаций, а также изменилось отношение к бихевиорализму в APSR. Хотя в методологическом отношении Коул был скорее эклектиком, нежели бихевиоралистом, в начале 1950-х гг. он присоединился к реакции против доминирования формально-правового подхода в политической науке [8, 126]. Наряду с общим изменением редакционной политики Коул предпринял ряд конкретных действий по реформированию журнала.

Во-первых, произошла децентрализация администрации APSR, были назначены новые члены редакционной коллегии. Добавили новых редакторов секций, разделы *Book Notes* и *Bibliography* реорганизовали, перестроили и передали в руки нескольких подредакторов. Также появилась новая секция «Методология и исследования в социальных науках», редактором которой стал бихевиоралист Герберт Саймон. Во-вторых, было принято решение увеличить количество симпозиумов, особенно по методологическим вопросам.

В целом, благодаря смене главного редактора и децентрализации APSR стал более открытым для поведенческого движения, тем не менее все также остро стояла проблема с репрезентацией бихевиорализма на ежегодных собраниях. Важную роль в преодолении данной ситуации сыграл Эврон Киркпатрик. Хотя сам Киркпатрик не был бихевиоралистом, в середине 1950-х гг. он сблизился со многими представителями поведенческого движения и стал оказывать им поддержку¹. В 1956 г. усилиями Киркпатрика и его друзей Хайнца Юлау и Гарольда Лассуэлла, занимавшего в тот год пост президента

---

¹ Близкими друзьями Киркпатрика были бихевиоралисты Остин Ранни, Гарольд Лассуэлл, Хайнц Юлау, Уоррен Миллер, Джэк Пелтасон и др.

APSA, впервые в истории ассоциации в программу ежегодного собрания был включен ряд секций, посвященных исследованиям политического поведения [11, 279]. Однако уже к 1959 г. бихевиорализм стал охватывать традиционные исследовательские области, и было решено отказаться от специальных секций по политическому поведению, а результаты поведенческих разработок представлять и обсуждать на регулярных секциях, посвященных политическим партиям, законодательным органам, международным отношениям, государственному управлению и т.д. [17, 16].

Изменение отношения к поведенческому подходу в ассоциации проявилось также в увеличившемся представительстве бихевиоралистов в структурах ассоциации. К примеру, в период с 1958 по 1967 гг. процент исследователей политического поведения, занимающих должности в Nominating Committee, был значительно выше, чем в целом по ассоциации. Согласно справочникам ассоциации, исследователей политического поведения в ассоциации было лишь 1,9%, однако в Nominating Committee их число составляло 27% [27, 362]. Вероятно, этому немало поспособствовал Эврон Киркпатрик.

Также большую роль в развитии поведенческого движения сыграло признание политической науки в Национальном научном фонде, что произошло при решающем участии Киркпатрика. Благодаря поддержке фонда стало возможным проведение многих крупных эмпирических проектов, а также развитие институциональной базы поведенческого движения (поддержка фонда и лично Киркпатрика сыграла решающую роль в развитии таких проектов, как Межуниверситетский консорциум политических исследований и American National Election Studies).

Существенную роль Киркпатрика в продвижении бихевиорализма отмечает Дэвид Истон, занимавший в конце 1960-х гг. ряд ответственных должностей в APSA и имевший возможность непосредственно наблюдать за деятельностью исполнительного директора. В своих воспоминаниях он констатировал, что Киркпатрик «стал очень влиятельным человеком в дисциплине. Влиятельным настолько, что те из нас, кто был склонен к бихевиорализму, очень быстро заняли привилегированное положение благодаря сочувствию Киркпатрика. Он оказал нам огромную поддержку в изменении повестки дня, программ ассоциации, следя за тем, чтобы правильные люди вошли в комитеты по разработке программ и были приглашены для участия в работе ассоциации. И, в конце концов, должность редактора APSR перешла в руки человека, более симпатизирующего изменениям, происходившим в дисциплине» [9, 16].

Заключение

К 1981 г., когда Эврон Киркпатрик покинул пост исполнительного директора APSA, бихевиоралисты из протестного движения превратились в од-

ну из самых влиятельных групп в дисциплине. Большинство президентов ассоциации, избираемых в этот период, были представителями бихевиорализма, и пост исполнительного директора ассоциации после Киркпатрика занял бихевиоралист Томас Манн, выпускник Мичиганского университета – одного из центров поведенческой революции.

Конечно, не стоит абсолютизировать роль институциональных изменений в ассоциации и считать Киркпатрика ведущим актором поведенческой революции. Тем не менее, чрезвычайно важно учитывать то, как бихевиоралисты участвовали в трансформации APSA и использовали новые институциональные возможности в своих целях, и то, как методологические и политические склонности исполнительного директора влияли на поддержку или подавление различных научных групп. Это дает нам более детальную и точную картину развития поведенческого движения в послевоенный период и дисциплинарной истории в целом.

Библиографический список

1. *Миллер У.И.* Политическое поведение: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна; науч. ред. Е.Б. Шестопап. М.: Вече, 1999. С. 297–308.
2. *Adcock R.* Interpreting behavioralism // Eds. R. Adcock, M. Bevir, S. C. Stimson / Modern political science: Anglo-American exchanges since 1880. Princeton, NJ: Princeton University Press 2007. Pp. 180–208.
3. *Adcock R.* A Disciplinary History of Disciplinary Histories: The Case of Political Science // Eds R. E. Backhouse, P. Fontaine / A Historiography of the Modern Social Sciences. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2014. Pp. 211–236.
4. *Byers B.E.* The political origins of the "behavioral revolution" in political science, 1937–1951. Ph.D Dissertation. The University of North Carolina at Chapel Hill, 1997.
5. *Berkenpas J.* The Behavioral Revolution? History and Myth in American Political Science // Paper presented at the Western Political Science Association's annual meeting (Portland), 2012.
6. *Bloland H.G., Bloland S.M.* American Learned Societies in Transition: The Impact of Dissent and Recession. N.Y.: McGraw-Hill, 1974.
7. *Collier P.* Political Woman: The Big Little Life of Jeane Kirkpatrick. N.Y.: Encounter Books, 2012.
8. *Cole R.T.* The Recollections of R. Taylor Cole: Educator, Emissary, Development Planner. Durham, N. C.: Duke University Press, 1983.

9. *Easton D.* Transcript of interview by John Gunnell // American Political Science Association Oral History Collection. Louie B. Nunn Center for Oral History, University of Kentucky Libraries, Lexington, 1988, November 19.
10. *Eulau H.* Micro-Macro Dilemmas in Political Science: Personal Pathways Through Complexity. Norman: University of Oklahoma Press, 1996.
11. *Eulau H.* Good-Bye to Two Dear Friends: Warren Miller and Dwaine Marvick: A Personal Memoir // PS: Political Science and Politics. 1999. Vol. 32, №2 Pp. 278–280.
12. *Farr J.* Remembering the revolution: Behavioralism in American political science // Political science in history: Research programs and political traditions / Eds J. Farr, J. S. Dryzek, S. T. Leonard. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. Pp. 198–224.
13. *Gunnell J.G.* The Reconstitution of Political Theory: David Easton, Behavioralism, and the Long Road to System // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 2013. Vol. 49, №2. Pp. 190–210.
14. *Hauptmann E.* The Ford Foundation and the Rise of Behavioralism in Political Science // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 2012. Vol. 48, №2. Pp. 154–173.
15. *Herring P.* Transcript of interview by Fred Greenstein // American Political Science Association Oral History Collection. Louie B. Nunn Center for Oral History, University of Kentucky Libraries, Lexington, 1978, July 28.
16. *Hyneman Ch.* Transcript of oral history interview by Austin Ranney // Charles S. Hyneman papers, Collection C2, Office of University Archives and Records Management, Indiana University, Bloomington, 1979.
17. *Kirkpatrick E.M.* The Impact of the Behavioral Approach on Traditional Political Science // Essays on the Behavioral Study of Politics / Ed. Austin Ranney. Urbana: University of Illinois Press, 1962. Pp. 1–29.
18. *Oren I.* Our Enemies and US: America's Rivalries and the Making of Political Science. Ithaca: Cornell University Press, 2003.
19. *Patterson S.C., Ripley B D., Trish B.* The American Political Science Review: A Retrospective of Last Year and the Last Eight Decades // PS: Political Science and Politics. 1988. Vol. 21, №4. Pp. 908–925.
20. *Ranney O.* Oral History // Political Science in America: Oral Histories of a Discipline / Ed. Michael A. Baer, Malcolm E. Jewell, Lee Sigelman. Lexington: The University Press of Kentucky, 1991. Pp. 215–230.
21. *Ranney A.* Evron M. Kirkpatrick // PS: Political Science & Politics. 1995. Vol. 28, №3. Pp. 543–544.
22. *Simon H.A.* Models of My Life. Cambridge: MIT Press, 1996.
23. *Solovey M.* Shaky Foundations: The Politics-Patronage-Social Science Nexus in Cold War America. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press., 2013.

24. *Somit A., Tanenhaus J.* The Development of American Political Science: From Burgess to Behavioralism. Boston: Allyn and Bacon, Inc., 1967.
25. The 20th Anniversary of the APSA Congressional Fellowship Program // *PS: Political Science & Politics*. 1973. Vol. 6, № 4. Pp. 420–422.
26. *Waldo D.* Political Science: Tradition, Discipline, Profession, Science, Enterprise // *Handbook of Political Science*, vol. 1, Political Science: Scope and Theory / Ed. Fred Greenstein, Nelson W. Polsby. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1975. Pp. 1–130.
27. *Wolfe A.* Practicing the Pluralism We Preach: Internal Processes in the American Political Science Association // *The Antioch Review*. 1969. Vol. 29, №3. Pp. 353–374.

**AMERICAN POLITICAL SCIENCE ASSOCIATION, EVRON
KIRKPATRICK AND BEHAVIORAL REVOLUTION OF THE 1950-1960s**

A.N. Vorobyev

Assistant, Department of Political Science and Law, Faculty of History, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev

The article analyzes the role of institutional transformations in the American Political Science Association and the influence of its executive director Evron Kirkpatrick on the behavioral revolution of the 1950-1960s. On the basis of a wide range of resources, the state of the Association, its reformation in the 1940-1960s, and activity of Evron Kirkpatrick as its executive director are described. Additionally, the impact these factors had on the development of the behavioral movement and behavioralism becoming a dominant approach in the American political science is revealed.

Keywords: behavioral revolution; behavioralism; American Political Science Association; Evron Kirkpatrick.

References:

1. *Miller W.* Political Behavior, Old and New. A New Handbook of Political Science. Eds. Robert E. Goodin, Hans-Dieter Klingemann; Scientific ed. E.B. Shestopal. Moscow, Veche Publ., 1999. P. 297–308. (In Rus.).
2. *Adcock R.* Interpreting behavioralism. Modern political science: Anglo-American exchanges since 1880. Ed. by R. Adcock, M. Bevir, S. C. Stimson. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2007. P. 180–208. (In English).

3. *Adcock R.* A Disciplinary History of Disciplinary Histories: The Case of Political Science. A Historiography of the Modern Social Sciences. Ed. by R. E. Backhouse, P. Fontaine. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2014. P. 211–236. (In English).
4. *Byers B.E.* The political origins of the "behavioral revolution" in political science, 1937–1951. Ph.D Dissertation. The University of North Carolina at Chapel Hill, 1997. (In English).
5. *Berkenpas J.* The Behavioral Revolution? History and Myth in American Political Science. Paper presented at the Western Political Science Association's annual meeting (Portland), 2012. (In English).
6. *Bloland H.G., Bloland S.M.* American Learned Societies in Transition: The Impact of Dissent and Recession. N.Y.: McGraw-Hill, 1974. (In English).
7. *Collier P.* Political Woman: The Big Little Life of Jeane Kirkpatrick. N.Y.: Encounter Books, 2012. (In English).
8. *Cole R.T.* The Recollections of R. Taylor Cole: Educator, Emissary, Development Planner. Durham, N.C.: Duke University Press, 1983. (In English).
9. *Easton D.* Transcript of interview by John Gunnell. American Political Science Association Oral History Collection. Louie B. Nunn Center for Oral History, University of Kentucky Libraries, Lexington, 1988, November 19. (In English).
10. *Eulau H.* Micro-Macro Dilemmas in Political Science: Personal Pathways Through Complexity. Norman: University of Oklahoma Press, 1996. (In English).
11. *Eulau H.* Good–Bye to Two Dear Friends: Warren Miller and Dwaine Marvick: A Personal Memoir. PS: Political Science and Politics. 1999. Vol. 32, №2. P. 278–280. (In English).
12. *Farr J.* Remembering the revolution: Behavioralism in American political science. Political science in history: Research programs and political traditions. Ed. by J. Farr, J. S. Dryzek, S. T. Leonard. Cambridge, Cambridge University Press, 1995. P. 198–224. (In English).
13. *Gunnell J.G.* The Reconstitution of Political Theory: David Easton, Behavioralism, and the Long Road to System. Journal of the History of the Behavioral Sciences. 2013. Vol. 49, №2. P. 190–210. (In English).
14. *Hauptmann E.* The Ford Foundation and the Rise of Behavioralism in Political Science. Journal of the History of the Behavioral Sciences. 2012. Vol. 48. №2. P. 154–173. (In English).
15. *Herring P.* Transcript of interview by Fred Greenstein. American Political Science Association Oral History Collection. Louie B. Nunn Center for Oral History, University of Kentucky Libraries, Lexington, 1978, July 28. (In English).

16. *Hyneman Ch.* Transcript of oral history interview by Austin Ranney. Charles S. Hyneman papers, Collection C2. Office of University Archives and Records Management, Indiana University, Bloomington, 1979. (In English).
17. *Kirkpatrick E.M.* The Impact of the Behavioral Approach on Traditional Political Science. Essays on the Behavioral Study of Politics. Ed. by Austin Ranney. Urbana: University of Illinois Press, 1962. P. 1–29. (In English).
18. *Oren I.* Our Enemies and US: America's Rivalries and the Making of Political Science. Ithaca: Cornell University Press, 2003. (In English).
19. *Patterson S. C., Ripley B. D., Trish B.* The American Political Science Review: A Retrospective of Last Year and the Last Eight Decades. PS: Political Science and Politics. 1988. Vol. 21. №4. P. 908–925. (In English).
20. *Ranney O.* Oral History. Political Science in America: Oral Histories of a Discipline. Ed. by Michael A. Baer, Malcolm E. Jewell, Lee Sigelman. Lexington: The University Press of Kentucky, 1991. P. 215–230 (In English).
21. *Ranney A. Evron M. Kirkpatrick PS:* Political Science & Politics. 1995. Vol. 28, №3. P. 543–544. (In English).
22. *Simon H.A.* Models of My Life. Cambridge, MIT Press, 1996. (In English).
23. *Solovey M.* Shaky Foundations: The Politics-Patronage-Social Science Nexus in Cold War America. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2013. (In English).
24. *Somit A., Tanenhaus J.* The Development of American Political Science: From Burgess to Behavioralism. Boston: Allyn and Bacon Inc., 1967. (In English).
25. The 20th Anniversary of the APSA Congressional Fellowship Program. PS: Political Science & Politics. 1973. Vol. 6. № 4. P. 420–422. (In English).
26. *Waldo D.* Political Science: Tradition, Discipline, Profession, Science, Enterprise. Handbook of Political Science, vol. 1, Political Science: Scope and Theory. Ed. by Fred Greenstein, Nelson W. Polsby. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1975. P. 1–130. (In English).
27. *Wolfe A.* Practicing the Pluralism We Preach: Internal Processes in the American Political Science Association. The Antioch Review. 1969. Vol. 29. №3. P. 353–374. (In English).

УДК-323.1(470+571)

РОЛЬ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В РАЗРЕШЕНИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

М.М.Гаджиев¹

Данная статья посвящена актуальной для современной политической науки теме – межэтническим и межнациональным отношениям в Республике Дагестан. Автор обращается к исследованию специфики деятельности органов власти и управления Республики Дагестан в сфере межэтнических и межнациональных отношений. Анализируются возможные перспективы укрепления позиций власти в сфере межэтнических и межнациональных отношений.

Ключевые слова: Дагестан; власть; межэтнические отношения; этнополитические конфликты; сепаратизм.

Этническое и конфессиональное многообразие Дагестана, заключающееся в сосредоточении на относительно небольшой территории нескольких десятков народов, создает очень сложную систему межнациональных, межэтнических и межконфессиональных отношений в регионе. Ведь каждая этническая группа, проживающая в Дагестане, обладает собственными политическими традициями, культурой, религиозными предпочтениями.

Сложность межэтнических и межнациональных отношений в республике предполагает создание особой, не имеющей аналогов в российской политической практике, в том числе и в соседних северокавказских республиках, системы управления. Поскольку на постсоветском этапе развития российской государственности первое время не уделялось достаточного внимания вопросам сохранения общероссийской национальной идентичности, укрепления отношений между народами и этническими группами страны, проблема межэтнических и межнациональных отношений в современной России стала крайне острой и актуальной [8, 99]. Произошло серьезное обострение межэтнических отношений и в Дагестане, где прежде не было отмечено противоречий и конфликтов именно на национальной, этнической почве. Одной из причин возникновения многочисленных конфликтогенных ситуаций стало

---

¹ Гаджиев Магомедэмин Магомедрасулович - доцент кафедры философии и социально-политических наук Дагестанского государственного университета, кандидат политических наук. E-mail: Gadjiev.dgu@mail.ru.

© Гаджиев М.М., 2016

массовое переселение жителей горных районов республики на равнину, начавшееся еще в 1960–1970-е гг. и активизировавшееся после распада Советского Союза и перехода к рыночной экономике [6].

С помощью существующей системы управления поддерживается сложный паритет этнических групп в административных структурах республики. Учитывая этнополитическую и этносоциальную специфику Республики Дагестан, важнейшими задачами органов власти и управления в этом контексте становится нормативно-правовое, административно-политическое, экономическое и социокультурное обеспечение этнического паритета и сосуществования в мире и стабильности многочисленных дагестанских этносов.

Одним из важнейших направлений становится профилактика, предотвращение и урегулирование этнополитических конфликтов на территории республики. Межэтнические отношения представляют собой одну из наиболее значимых сфер дагестанской политики, учитывая всю сложность этнического состава населения республики. Система этнического квотирования в органах власти и управления представляет собой один из важнейших компонентов выстраивания этнического паритета в Дагестане. Собственно, такая модель присутствует во многих этнически неоднородных странах мира, где отсутствует национальное большинство. Типичный пример страны, где система политического управления устроена по схожим с Дагестаном принципам - Ливан.

В отличие от других субъектов Российской Федерации, в Дагестане длительное время существовал коллегиальный орган управления регионом – Государственный совет из 14 человек [10, 75]. Каждый из членов Государственного совета представлял один из 14 основных титульных этносов Дагестана. Государственный совет избирался Конституционным собранием Дагестана, также сформированным с учетом квот по этническому признаку. Председатель Государственного совета обладал основной полнотой власти в Республике Дагестан. Затем система государственного управления в республике была реформирована. В 2006 г. был введен пост президента Республики Дагестан, однако уже в 2011 г. было принято решение об изменении названия должности руководителя республики, с 2014 г. изменения вступили в силу. В настоящее время руководитель региона называется просто Главой Республики Дагестан. За всю постсоветскую российскую историю на пост председателя Госсовета, затем президента и главы республики, назначались лица даргинской или аварской национальностей. По мнению Яцека Залесны, в Дагестане произошла трансформация власти, заключающаяся в переходе от коллегиального управления республикой к единоличному – президентскому [5, 30]. Это неизбежно оказывает влияние и на сферу межэтнических и международных отношений в республике. Переход к президентской модели ор-

ганизации позволяет превратить фигуру президента в «надклановую», стоящую над противоречиями этнических кланов и выполняющую рекомендации федеральной власти [9].

Несмотря на то, что система государственного управления в Дагестане длительное время выходила за рамки существующих принципов государственного управления в других регионах Российской Федерации, именно подобная модель организации управления способствовала поддержанию политической стабильности и гражданского мира в сложной по этническому и конфессиональному составу населению республике [3, 227–228]. Российская власть в свое время продемонстрировала определенную политическую дальновидность и не стала настаивать на унификации дагестанской системы управления в соответствии с общероссийскими критериями. Ведь подобная «ливанская модель» организации управления является гарантией эффективного предупреждения межэтнических и межнациональных конфликтов в Дагестане. Между тем риск обострения межэтнических и межнациональных противоречий в Дагестане был весьма велик еще в конце 1990-х гг. – так, именно в Дагестане сформировались партии, организованные по этническому принципу и настаивавшие на выделении этнических административных субъектов – Кумыкии, Лезгистана и т.д. [7, 32–33].

1990–2000-е гг. сопровождалось ростом межнациональных и межэтнических конфликтов на постсоветском пространстве. Поскольку Северный Кавказ и, в том числе Дагестан, обладали наибольшим конфликтогенным потенциалом, перед органами государственной власти и управления встала серьезная задача – не допустить ухудшения межэтнических отношений в Дагестане и добиться формирования в республике такой управленческой системы, которая бы устраивала все этнические группы. В сфере разрешения межнациональных и межэтнических конфликтов важнейшую роль играли традиционные механизмы урегулирования конфликтных ситуаций.

Тем не менее, российское государство в некоторых случаях не отказывалось и от привычных для него силовых методов умиротворения беспокойных регионов, прибегая к потенциалу правоохранительных органов, спецслужб и вооруженных сил. Наиболее жесткая реакция российского государства последовала из-за деятельности сепаратистских группировок, которые требовали выхода определенных территорий из состава Российской Федерации или Дагестана. С другой стороны, с лояльно настроенной частью представителей национальных движений власть стремилась прийти к компромиссу, и система этнического квотирования в дагестанских органах управления играла в достижении согласия по принципиальным вопросам очень важную роль.

В решении проблем, существующих в сфере межнациональных и межэтнических отношений на Северном Кавказе, можно выделить несколько

основополагающих государственных стратегий. Попытаемся рассмотреть их более подробно. Прежде всего, это силовая стратегия, традиционная для Российской империи, Советского Союза и, отчасти, постсоветской России. В рамках силового подхода межэтнические конфликты рассматриваются как результат деятельности неких экстремистских групп или отдельных экстремистов, нейтрализация которых, по мнению государства, приведет к ликвидации самих конфликтов. В частности, в Дагестане и на Северном Кавказе в целом конфликтогенные ситуации связываются, в первую очередь, с деятельностью религиозно-фундаменталистского подполья [4, 330].

Таким образом, силовая стратегия подразумевает ликвидацию или нейтрализацию сопротивления радикальных группировок или отдельных радикально настроенных граждан. Как правило, силовая стратегия применяется в том случае, если государство уверено в своих силах и не склонно рассматривать противников как полноценный политический субъект, с которым следует вести переговоры. В выстраивании отношений с противником государство всецело рассчитывает на свой силовой потенциал, поэтому и не стремится прибегать к таким методам достижения гражданского мира, как переговоры и заключение компромиссных соглашений.

Большинство современных государств характеризуются полиэтничным составом населения, что обуславливает вероятность возникновения этнонационалистических и сепаратистских движений. Центробежные тенденции в жизни многих государств становятся одной из отличительных характеристик современной политической истории. Эффективность методов, применяемых государством в направлении предотвращения сепаратистских тенденций, является, в некоторой степени, и индикатором общего состояния государства – его социального и политического единства, силы вертикали власти, мощи правоохранительных органов и вооруженных сил.

По мнению В.А. Авксентьева, успешное урегулирование конфликтных ситуаций, вызванных сепаратистскими тенденциями, может включать несколько основных позиций, позволяющих нейтрализовать устремления сепаратистов. Во-первых, курс государства должен быть направлен не на полное уничтожение сепаратизма, что само по себе невозможно, а на его локализацию и маргинализацию, то есть – на придание сепаратистским тенденциям места на периферии политической жизни. Во-вторых, государство должно понимать и признавать неудовлетворительные условия существования конкретной этнической группы, становящиеся причиной ее недовольства, трансформирующегося в сепаратистскую деятельность. В-третьих, идеальным средством против распространения сепаратистских тенденций является федерализация государства еще до начала укоренения сепаратистских идей и лозунгов в сознании этнической группы. Наконец, государство должно от-

слеживать специфику международного восприятия конфликтной ситуации, отношение других государств и регионов страны к сепаратистам и их идеям. Урегулирование конфликтной ситуации может включать и принятие мер на уровне международных отношений [2].

Одним из важнейших залогов урегулирования этнополитических конфликтов на почве сепаратизма, таким образом, мы видим способность всех участников конфликта – и государства, и сепаратистских движений – к ведению взвешенного диалога, направленного на решение существующих противоречий. Сложность урегулирования этнотерриториальных конфликтов, тем не менее, не означает невозможности консенсуса и компромисса между их участниками. Что касается одной из главных проблем, неизбежно всплывающей на переговорах между сторонами конфликта, то она заключается в сакрализации этнической территории. Для любого народа территория его проживания наделена очень важной символической составляющей. Именно по этой причине этнотерриториальные конфликты быстро переходят на эмоционально-ценностный уровень, что становится препятствием для выработки и принятия рациональных решений по их урегулированию.

Помимо силового блока решения этнотерриториальных конфликтов, государство часто прибегает к административно-политическим методам урегулирования межнациональных и межэтнических противоречий. В административно-политических методах мы можем выделить собственно административные и общественно-политические методы. К общественно-политическим методам можно отнести комплекс мер, направленных на установление гармоничных отношений между субъектами конфликта с помощью общественных структур. Административные методы включают в себя соблюдение нормативно-правовых основ законодательства страны и контроль за ним со стороны государства. Важнейшую роль в данном случае выполняют органы исполнительной власти региона, которые и осуществляют надзор за исполнением законодательства страны на конкретной территории, населенной этническим меньшинством (меньшинствами).

Мы можем выделить следующий комплекс мероприятий, которые в наибольшей степени удовлетворяют потребностям текущей социально-политической и этнополитической ситуации в Дагестане. Во-первых, при руководстве муниципальных образований Республики Дагестан, для которых характерен смешанный в этноконфессиональном отношении состав населения, необходимо создание общественных советов по регулированию межэтнических отношений. В состав советов должны приглашаться представители религиозных организаций, общественные деятели, представители науки, культуры и искусства, ветеранских организаций. Деятельность таких советов,

носящая консультационный характер, в случае обострения межэтнических отношений, может быстро трансформироваться в миротворческую.

Второе необходимое мероприятие – регулярный мониторинг состояния межэтнических и межконфессиональных отношений в муниципальном образовании, с применением анализа публикаций в средствах массовой информации, опросов населения, обработки данных правоохранительных органов. В процессе мониторинга желательна консультативное взаимодействие с научным сообществом, эксперты которого способны проанализировать важнейшие тенденции развития межэтнических отношений, определить вероятные перспективы их трансформации и пути оптимального реагирования со стороны государственных структур. К мониторингу общей ситуации в сфере межэтнических отношений в регионе может также добавляться общее наблюдение за соблюдением принципов этнического паритета в кадровой политике органов государственного и муниципального управления. Следует выработать механизмы предотвращения монополизации отдельных сфер деятельности со стороны одних этнических групп и вытеснения других этнических групп из значимых сегментов общественной деятельности. Р.И. Абакаров предлагает проведение общественных экспертиз качества и уровня реализации республиканских программ в сфере управления межнациональными и межэтническими отношениями в регионе [1, 137–138].

Особое место в профилактике и предотвращении этнополитических конфликтов в Дагестане занимает контроль над ситуацией в сфере реализации земельного законодательства. Как мы уже отмечали выше, чаще всего именно споры из-за земельных угодий в современном Дагестане становятся одной из главных причин этнополитических конфликтов. Поэтому государственные и муниципальные органы власти и управления нуждаются в постоянном мониторинге ситуации с землепользованием.

Наконец, следует обратиться и к проблеме взаимодействия органов государственной власти Дагестана с некоммерческими общественными организациями, которые в условиях этнополитической специфики республики могут играть большую роль в сфере межнациональных и межэтнических отношений, выступать в качестве арбитров урегулирования этнополитических споров и конфликтов. Важность некоммерческих организаций как институтов гражданского общества заключается и в том, что они могут выступать в качестве посредников между властью и обществом. Существует достаточно наработанная нормативно-правовая база, позволяющая реализовывать взаимодействие государственных органов и некоммерческих организаций.

Учитывая сложность этнического состава населения Республики Дагестан, возможным способом повышения контроля за качеством деятельности местных органов власти станет введение специальной должности заместите-

ля полпреда Президента РФ в СКФО по Дагестану – специального представителя в Республике Дагестан. Также необходимым условием повышения эффективности национальной политики в республике является ужесточение ответственности чиновников республиканского руководства за недостаточную эффективность работы, создание системы контроля за их деятельностью.

Важным шагом на пути к дальнейшему преодолению возможных этнополитических конфликтов в регионе может стать применение принципа коллегиальности при выработке и принятии управленческих решений в тех областях, которые имеют особое значение для стабильности межнациональных и межэтнических отношений. Для принятия таких решений может быть сформирован совещательно-консультационный орган с привлечением депутатов федеральных и региональных законодательных органов власти, представителей действующих в регионе политических партий, религиозных организаций, органов исполнительной власти федерального, регионального и муниципального уровня.

Резюмируя вышесказанное, мы можем отметить, что этнополитическая ситуация в Республике Дагестан в настоящее время отличается определенной стабильностью, благодаря следующим основным факторам: 1) грамотно выстроенной системе национального квотирования, позволяющей учитывать интересы всех титульных народов Республики Дагестан, 2) наличие богатых традиций добрососедства, взаимопомощи, народной дипломатии и народного миротворчества в Дагестане, выступающих своеобразным иммунитетом от межнациональных, межэтнических и межконфессиональных конфликтов, 3) личностному фактору, заключающемуся в привлечении к управлению республикой и представительству национальных интересов наиболее уважаемых в Республике Дагестан политических и государственных деятелей, ученых, людей искусства, священнослужителей, 4) индивидуальному подходу федерального центра к проблеме организации политического администрирования в Дагестане, заключающемуся в отходе от универсальных моделей организации властной вертикали, характерных для остальных регионов Российской Федерации.

Библиографический список

1. *Абакаров Р.И.* Межэтнические отношения в Республике Дагестан (по материалам социологических исследований 2013 г.) // Вестник Дагестанского научного центра. 2013. № 51. С. 135–138.
2. *Авксентьев В.А.* Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. Ставрополь, 2001.

3. *Дадуев М.А.* Субъекты управления политическими процессами на субнациональном уровне в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 3. С. 227–232.
4. *Добаев И.П.* Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Д, 2003.
5. *Залесны Я.* Особенности системы государственной власти в Республике Дагестан // Юридическая наука. 2015. № 2. С. 24–32.
6. *Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л.* Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI в.: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб., 2011.
7. *Кисриев Э.Ф.* Национальность и политический процесс в Дагестане. Махачкала, 1998.
8. *Самыгин С.И., Верецагина А.В., Белов М.Т.* Угрозы национальной идентичности в информационном пространстве современного социума и риски информационной безопасности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2015. № 4. С. 78–85.
9. *Тишков В.А.* Межэтнические и конфессиональные отношения в Северо-Кавказском федеральном округе: экспертный доклад. М.; Ставрополь; Пятигорск, 2013.
10. *Труженникова Л.А.* Республика Дагестан в конце XX – начале XXI в.: эволюция высшей государственной власти // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 4. С. 74–78.

THE ROLE OF THE AUTHORITIES IN RESOLVING INTERETHNIC CONFLICTS IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN

M.M. Gadzhiev

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Socio-Political Sciences, Dagestan State University, Makhachkala, Russia

The article is devoted to such an important problem of modern political science as interethnic relations in the Republic of Dagestan. The author studies the specifics of the local governing bodies' activity concerning interethnic relations. The possible prospects of strengthening the positions of power in the sphere of interethnic relations are analyzed.

Keywords: Dagestan; power; interethnic relations; ethnopolitical conflicts; separatism.

References:

1. *Abakarov R.I.* Inter-ethnic relations in the Republic of Dagestan (based on sociological surveys, 2013). Herald of Dagestan Scientific Center. 2013. № 51. P. 135–138. (In Rus.).
2. *Avksentyev V.A.* Ethnic conflictology: in search for the scientific paradigm. Stavropol, 2001. (In Rus.).
3. *Daduev M.A.* Entities of political processes management at the subnational level in the Russian Federation. Theory and practice of social development. 2014. №3. P. 227–232. (In Rus.).
4. *Dobaev I.P.* Islamic radicalism: genesis, evolution, practice. Rostov-on-Don, 2003. (In Rus.).
5. *Zalesny Ya.* Features of the state power system in the Republic of Dagestan. Juridical Science. 2015. №2. P. 24–32. (In Rus.).
6. *Karpov Yu.Yu., Kapustina E.L.* Highlanders after the highlands. Migration processes in Dagestan in the 20th – early 21st century: their social and ethno-cultural consequences and prospects. St. Petersburg, 2011. (In Rus.).
7. *Kisriev E.F.* Nationality and the political process in Dagestan. Makhachkala, 1998. (In Rus.).
8. *Samygin S.I., Vereshchagin, A.V., Belov M.T.* Threats of national identity in the information space of the modern society and information security risks. Economical and humanities researches of the regions. 2015. № 4. P. 78–85. (In Rus.).
9. *Tishkov V.A.* Ethnic and confessional relations in the North Caucasus Federal District. Expert report. Moscow, Stavropol, Pyatigorsk, 2013. (In Rus.).
10. *Truzhenikova L.A.* The Republic of Dagestan in the late 20th - early 21st century: evolution of the highest state power. Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences. 2008. №4. P. 74–78. (In Rus.).

УДК-352:321.7

РАСШИРЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ МЕСТНЫХ КЕНЕШЕЙ КАК ФАКТОР ДЕМОКРАТИЗАЦИИ КЫРГЫЗСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

А.Д. Дуйшеналиева¹

Местные кенешы являются органами выработки и утверждения стратегии развития территорий. Они издают основные нормативные правовые акты местных сообществ, принимают решения по важнейшим вопросам организации жизнеобеспечения местных сообществ.

Ключевые слова: местное сообщество; кенешы; стратегии развития территорий.

Самоуправление представляет собой такую форму социального регулирования, при которой субъект управляет своими собственными делами, действует на основе принципов самоорганизации, самофинансирования, самоконтроля. Местное самоуправление - одна из форм самоуправления, созданная населением для решения вопросов местного значения, исходя из его интересов, местных традиций.

Главное звено в местном самоуправлении – это, конечно, местные представительные органы. Именно через них местное сообщество формирует исполнительные органы местного самоуправления, контролирует их деятельность по управлению муниципальной собственностью, формированию и исполнению местного бюджета.

Представительные органы местного самоуправления формируются избирателями, проживающими в границах местного самоуправления, путем выборов. Наличие выборных (представительных) органов местного самоуправления в местном самоуправлении является обязательным.

Систему местного самоуправления в республике составляют местные кенешы и их исполнительно-распорядительные органы. Конституция республики устанавливает местные кенешы в качестве основных органов местного самоуправления, формируемых населением. Местные кенешы являются ор-

---

¹ Дуйшеналиева Алтынай Джайлобековна – кандидат политических наук, доцент, Международный университет инновационных технологий, Кыргызская Республика, г.Бишкек. E-mail: duishenalieva-a81@mail.ru.

ганами выработки и утверждения стратегии развития территорий. Они издают основные нормативные правовые акты местных сообществ, принимают решения по важнейшим вопросам организации жизнеобеспечения местных сообществ.

Эти органы обладают исключительной прерогативой утверждать местные бюджеты соответствующей территории. Проекты бюджетов готовятся исполнительными органами: на территории городов, поселков и айлов - мэриями, городскими управами, айыл окмоту; на территории районов и областей - местными государственными администрациями. После принятия бюджета местные кенешы обладают правом контролировать его целевое использование, заслушивая на своих заседаниях отчеты соответствующих руководителей.

В соответствии с Законом Кыргызской Республики «О местном самоуправлении», «представительный орган местного самоуправления - выборный коллегиальный орган местного самоуправления, избираемый непосредственно населением соответствующей административно-территориальной единицы и наделенный полномочиями решать вопросы местного значения» [1, 2].

Ведущее положение среди других органов местного самоуправления и должностных лиц подтверждается наличием выборного органа местного самоуправления, который наделен правом представлять все население местного самоуправления, выражать его интересы, выступать от его имени. Только представительный орган обладает определенным объемом исключительных полномочий для решения вопросов местного значения. Никакие другие органы местного самоуправления и должностные лица не имеют и не могут присваивать себе эти исключительные полномочия. Представительному органу принадлежит правотворческая функция, т. е. он имеет право принимать общеобязательные локальные нормативные правовые акты по всем вопросам, отнесенным уставом местного самоуправления. Представительными органами местного самоуправления в айльных аймаках и городах являются местные кенешы.

Законодательство Кыргызской Республики предусматривает различный численный состав представительных органов местного самоуправления. Численный состав местных кенешей в Кыргызской Республике устанавливается с учетом численности населения соответствующей административно-территориальной единицы, кроме кенешей г. Бишкек и Ош:

- кенешы г. Бишкек, Ош - 45 депутатов;
- городские и айылные кенешы (по численности населения административно-территориальной единицы по состоянию на 1 января года, в котором проводятся выборы согласно статистическим данным):

- до 6000 - 11 депутатов;
- от 6001 до 20000 - 21 депутат;
- от 20001 и выше - 31 депутат [1, 15].

Итак, местные кенешы - представительные органы местного самоуправления, избираемые проживающими на соответствующей территории гражданами на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании [6, 32].

В Кыргызской Республике устанавливаются следующие местные кенешы:

- 1) айылный кенеш - представительный орган местного самоуправления в айылном аймаке;
- 2) городской кенеш - представительный орган местного самоуправления в городе.

Местные кенешы состоят из депутатов, избираемых на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Порядок проведения выборов депутатов местных кенешей определяется законом.

Местные кенешы являются юридическими лицами и вправе самостоятельно решать любые вопросы, отнесенные законодательством к их компетенции. Местные кенешы соответствующей административно-территориальной единицы - района вправе проводить совместные заседания местных кенешей и принимать совместное решение в виде постановления в соответствии с законодательством. Отмена решений местных кенешей в случае их противоречия Конституции и законам Кыргызской Республики осуществляется в порядке, установленном законодательством Кыргызской Республики [4, 70].

На сессии городского, айылного кенеша решаются следующие вопросы:

- установление порядка управления вопросами местного значения;
- утверждение местного бюджета и отчета о его исполнении, а также заслушивание информации о ходе исполнения бюджета и использовании внебюджетных фондов;
- утверждение и контроль за выполнением программ социально-экономического развития территории и социальной защиты населения;
- введение местных налогов, сборов и льгот по ним, а также установление ставок по ним;
- установление порядка пользования и распоряжения муниципальной собственностью местного сообщества, в том числе путем утверждения программы приватизации объектов муниципальной собственности, осуществление контроля за использованием муниципальной собственности;
- заслушивание отчета о деятельности соответствующего исполнительного органа местного самоуправления;

- досрочное прекращение полномочий депутатов в случаях, установленных законодательством;
- утверждение устава местного сообщества;
- выработка предложений по административно-территориальному устройству с целью их внесения в соответствующие органы государственной власти;
- избрание председателя кенеша и его заместителя, освобождение их от должности, отмена решений председателя кенеша, противоречащих законодательству Кыргызской Республики;
- принятие регламента кенеша;
- контроль за исполнением своих решений;
- утверждение структуры и штатной численности исполнительного органа местного самоуправления на основе типовых нормативов, определяемых Правительством;
- утверждение тарифов за использование холодной воды, канализации, теплоснабжения, а также за сбор, вывоз и уничтожение твердых бытовых отходов в соответствии с законодательством Кыргызской Республики;
- установление ограничений по времени и месту продажи алкогольных напитков и табачных изделий вплоть до запрета, правил проведения ритуальных мероприятий;
- установление порядка содержания ирригационных сетей, домовых и придомовых участков;
- решение других вопросов в соответствии с уставом местного сообщества и законодательством Кыргызской Республики.

На сессиях кенешей городов дополнительно решаются вопросы избрания мэра города, выражение недоверия мэру города и установление дифференцированных ставок налога на городские земли в пределах базовых ставок налога на городские земли.

На сессиях айылных кенешей дополнительно решаются следующие вопросы: избрание главы айыл окмоту, выражение недоверия главе айыл окмоту, установление дифференцированных ставок налога за пользование сельскохозяйственными угодьями с учетом баллов бонитета почв в пределах общей суммы земельного налога, установленного для айылного аймака, рассчитанного на базе утвержденной законодательством базовой ставки для соответствующего района, определение порядка сдачи в аренду земель Государственного фонда сельскохозяйственных угодий, сенокосов и использование не востребуемых и неиспользованных пастбищ.

По вопросам местного самоуправления глава города подотчетен городскому кенешу, а по исполнению делегированных полномочий – вышестоящим органам государственной власти [5, 104].

Основной организационно-правовой формой работы местных кеңешей являются их сессии. Порядок и периодичность проведения сессий определяются регламентом местного кеңеша [6, 34].

Первая сессия вновь избранного кеңеша созывается председателем кеңеша предыдущего созыва не позднее чем в двухнедельный срок после выборов депутатов местных кеңешей. Первую сессию местного кеңеша открывает старейший по возрасту депутат соответствующего местного кеңеша.

Сессии местных кеңешей проводятся открыто, не реже одного раза в квартал и по требованию не менее одной трети от общего числа депутатов местного кеңеша. Председатель представительного органа местного самоуправления организует его работу, представляет орган и председательствует на его заседаниях, подписывает протоколы заседания и его решения.

Депутат местного кеңеша пользуется правом решающего голоса по всем вопросам, рассматриваемым на заседаниях местного кеңеша и его органов, в состав которых он входит. Каждый депутат в местном кеңеше и его органах, в состав которых он входит, имеет один голос. Депутат, не входящий в состав какого-либо органа местного кеңеша, может принимать участие в его работе с правом совещательного голоса. Депутат местного кеңеша не может состоять на государственной службе или иной муниципальной службе, а также использовать свой депутатский мандат в целях, не связанных с депутатской деятельностью.

Депутат местного кеңеша поддерживает связи с избирателями, коллективами и объединениями граждан, выдвинувшими его кандидатом в депутаты, а также с коллективами других предприятий, учреждений, организаций, государственными органами, органами самоуправления и органами объединений граждан, расположенными на территории его избирательного округа, кроме того, депутат местного кеңеша периодически, но не менее чем один раз в год, обязан отчитываться о своей работе и работе местного кеңеша, в который он избран.

Избиратели могут давать наказы своим депутатам. Депутат ответственен перед избирателями своего избирательного округа и им подотчетен.

Представительный орган не должен рассматриваться как некое монолитное и неделимое образование. Определенные решения принимаются представительным органом в целом, но разнообразие вопросов, решаемых этим органом, вынуждает выделять в его составе более мелкие структурные единицы. Наиболее распространенными являются комиссии по направлениям деятельности, территориальные группы депутатов, фракции. Комиссии занимаются вопросами, входящими в определенные сферы деятельности местного самоуправления, территориальные группы выражают и по мере возможности реализуют интересы населения отдельных внутри муниципальных террито-

риальных образований, фракции представляют интересы политических объединений.

По полномочиям исполнительной власти, переданным для осуществления муниципалитетам, эти органы самоуправления, прежде всего, подотчетны не государству, а населению. Система муниципальных органов должна быть создана таким образом, чтобы обеспечивать общественный контроль за их деятельностью. Этот контроль должен осуществляться избираемым населением представительным органом, а также методами прямой демократии - на курултаях, сходах, собраниях по месту жительства, бюджетных слушаниях.

В конечном итоге необходимо повысить авторитет и ответственность постоянных и временных комиссий местных кенешей в подготовке и принятии нормативно правовых актов местных кенешей. Также надо разработать и внедрить на практике предметы ведения, полномочия, компетенции что, немаловажно, ответственности постоянных и временных комиссий за принимаемые решения местными кенешами в деле оказания услуг населению.

В Кыргызской Республике местные кенешы являются основой местного самоуправления. Как представительные органы местной власти местные кенешы призваны обеспечивать координацию и согласованную деятельность органов местного самоуправления. Поэтому совершенно очевидно то, что роль местного кенеша в системе органов местного самоуправления весьма значительна.

Депутатам местных кенешей всех уровней необходимо осознать всю полноту ответственности в связи с наличием у местного кенеша особого статуса в системе органов местного самоуправления. Понимание депутатами роли своего органа, а также ее исполнения даст наиболее эффективное и продуктивное взаимодействие органов местного самоуправления.

Местное самоуправление есть продукт демократии, одна из признанных форм осуществления народом принадлежащей ему власти. Степень развития самоуправления в данном качестве будет зависеть от степени развития демократии в обществе. Чем демократичнее оно будет, тем шире в нем будут развиты самоуправленческие начала. Именно такое общество, в котором местное самоуправление представляет собой как бы "нижний этаж" государственного здания, становится наиболее доступным, но не "посетителям", а "хозяевам", гражданам.

Основным продуктом деятельности местного самоуправления является оказание услуг населению, иными словами, он устанавливает в качестве главного предназначения муниципальных органов не осуществление власти над населением, а оказание этому населению требуемых услуг в обеспечении функционирования и развития социальной инфраструктуры.

Библиографический список

1. О местном самоуправлении: закон КР от 15 июля 2011 г. №101
2. О статусе депутатов местных кенешей: закон КР от 13 янв. 2000 г. №3
3. О выборах депутатов местных кенешей: закон КР от 14 июля 2011 г. №98
4. *Дуйшеналиева А.Дж.* Основы организации местного самоуправления в Кыргызской Республике. Бишкек, 2014.
5. *Карашев А.А., Тарбинский О.С.* Современное состояние местного самоуправления в Кыргызской Республике. Бишкек, 2002.
6. Настольная книга работников органов МСУ. Бишкек, 2004.
7. Учет приоритетов местного сообщества в процессе принятия решений органами МСУ по вопросам местного значения. Бишкек, 2015.

EXPANSION OF LOCAL COUNCILS' POWERS AS A DEMOCRATIZATION FACTOR FOR KYRGYZSTAN SOCIETY

A.D. Duishenalieva

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, International University of innovative technologies, Kyrgyz Republic, Bishkek

Local councils are bodies that elaborate and adopt strategies of local development. They issue main regulations of local communities, make decisions on the most important questions to provide sustenance of local communities.

Keywords: local community; local councils; strategies of local development.

References:

1. Kyrgyz Republic Law "On Local Self-Governance" of July 15, 2011 №101. (In Rus.).
2. Kyrgyz Republic Law "On the Status of Deputies of Local Councils" of January 13, 2000 №3. (In Rus.).

3. Kyrgyz Republic Law "On Elections of Deputies of Local Councils" of July 14, 2011 № 98. (In Rus.).
4. *Duishenalieva A. D.* Fundamentals of local self-governance organization in the Kyrgyz Republic. Bishkek, 2014. (In Rus.).
5. *Karashev A. A., Tarbinsky O. S.* The current state of the local self-governance in the Kyrgyz Republic. B., 2002. (In Rus.).
6. A handbook for LSG bodies personnel. Bishkek, 2004. (In Rus.).
7. Account of local community's priorities in the decision-making on local issues by local government bodies. Bishkek, 2015. (In Rus.).

УДК-32

ИНСТИТУТ ПРЕЗИДЕНТСТВА В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА

*В.А. Кнурова*¹

В статье анализируются основные подходы к позиционированию президента в современном информационном пространстве: выбор имиджа, приоритетных способов связи с общественностью и т.д., подчеркивается необходимость разделения процессов «доставки» и восприятия информации. Автор вводит понятие «уровень критичности информационной среды», рассматривает два вида информационных потоков между президентом и гражданами, ставит проблему искажения информационного пространства, делающую невозможной осуществление прямой связи общества и власти.

Ключевые слова: президентское лидерство; президент; СМИ; информационная среда; коммуникативные технологии; Интернет.

Активное развитие информационно-коммуникационных технологий, происходящее с каждым годом значительное ускорение информационного обмена в нашем обществе, разрастание информационного пространства в мировом масштабе привело к неизбежному внедрению этих явлений практически во все сферы современной жизни, в том числе и в политику. Осуществление полноценного и эффективного политического лидерства, равно как и государственного управления, вне этих информационных реалий уже невозможно. Наиболее заметно данное явление наблюдается, на наш взгляд, в сфере президентского лидерства, поскольку президент находится на вершине лидерской системы, а также в центре пронизывающих современное общество информационных потоков. Как пишет Р. Дентон, «все, что президент делает или говорит, имеет значение и о чем-то свидетельствует» [5, 14].

Целью данного исследования является анализ основных подходов к позиционированию президента в современном информационном пространстве. К задачам можно отнести изучение информационных потоков между прези-

---

¹ Кнурова Валентина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Теория и история государства и права» юридического факультета Астраханского государственного университета. E-mail: Vakescor03@mail.ru.

© Кнурова В.А., 2016

дентом и гражданами, искажения информации в ходе ее передачи, а также рассмотрение проблемы прямой связи между обществом и властью.

Учитывая, что развитие средств массовой информации (СМИ) привело к значительному увеличению размера аудитории, облегчило доступ публики к новостным ресурсам, изменило сам характер и скорость коммуникации, перед президентом и его командой встали принципиально новые задачи информационного позиционирования. Выбирая для себя стратегию презентации, президент сталкивается с рядом противоречивых требований.

С одной стороны, публика хочет видеть в роли национального лидера обычного человека, такого же, как остальные, но в то же время, ожидает от него выдающихся лидерских качеств. В первом случае президент должен соответствовать образу «простого, среднего» человека, быть ближе к народу, во втором – выказывать себя сильным, самостоятельным политиком, способным не только руководить, но и навязывать при необходимости свою волю окружающим, как во внутренней, так и во внешней политике.

«В случае решительных действий, политика президента именуется «диктаторской» и «неконституционной», но при недостатке решимости – «пассивной» и «слабой» [5, 12]. Президент должен быть сильным лидером в рамках предоставленных ему ограниченных полномочий, обладать повышенной уверенностью в себе, не проявляя при этом высокомерия и чувства превосходства [4, 2].

Серьезные требования предъявляются и к эмоциональной составляющей президентского лидерства. «Президент может показывать радость, но не слишком много. Он может показывать опасение, но не слишком много. Президент может показывать гнев, но не слишком много. Он может показывать раздражение, но не слишком много» [9, 23].

Проблема заключается не только в разности взглядов и предпочтений потенциального электората, но и в широчайшем охвате средств массовой коммуникации (СМК), который делает невозможным доступный в прошлом информационный ресурс, а именно, воздействие на строго определенную, обладающую сходными приоритетами часть публики. К примеру, если вспомнить спорное интервью Д. Картера журналу «Плейбой», данное в ходе кампании по выборам президента в 1980 г., то аналитики отмечали, что замечания, высказанные Д. Картером, полностью соответствовали аудитории журнала, однако стали невыгодны и даже неуместны, когда достигли большой национальной аудитории [5, 241].

Расширяющийся охват современных СМИ фактически делает невозможными для политиков выступления, ориентированные на конкретную аудиторию. Специалисты по президентской риторике отмечают, что это – одна из причин ее возрастающей обобщенности и уклончивости.

Таким образом, для победы на выборах и сохранения высокого уровня общественной поддержки в дальнейшем президенту необходимо создать коалицию из чрезвычайно разных, порой противоположных друг другу избирателей, имеющих весьма отличающиеся причины для его поддержки. «Обычно интересы сторонников победившего кандидата в президенты находятся в противоречии по многим ключевым вопросам и ожидания того, что кандидат будет делать, как только приступит к исполнению своих служебных обязанностей, также значительно разнятся» [6, 261].

Т. Кронин считает, что эффективный политический лидер знает о существовании этих противоположностей и разбирается в том, как управлять ими. В своей работе «Парадоксы американского президентства» он выделяет девять подобных противоречий, большинство из которых напрямую касаются проблемы грамотной информационной презентации президента [4, 2–4].

Следующий выбор, который должен сделать глава государства для позиционирования себя в информационном пространстве – это выбор приоритетных каналов и способов связи. Современному президенту доступен очень широкий спектр информационных методов и поводов: интервью, пресс-конференции, обращения, официальные выступления, встречи в неформальной обстановке, ведение собственной странички в социальных сетях и т.д.

Некоторые исследователи высказывают опасения, что столь значительная доступность для президента способов передачи информации о себе и своей политике приведет к нарушению конституционного равновесия, склонив его в пользу главы государства [8, 91]. Здесь важно выбрать те приоритетные направления, в которых конкретный политический лидер чувствует себя наиболее уверенно и выгодно, а потому способен добиться максимального результата: формат доклада или дискуссии, выступление перед телевизионными камерами или на митинге перед тысячами собравшихся и т.д.

С другой стороны, крайне недальновидно избирать однонаправленную информационную стратегию президентской презентации, поскольку итогом может стать потеря значительного процента аудитории. Большое количество имеющихся сегодня источников политических новостей требует от национального лидера их охвата. Несмотря на то, что «телевизионный зритель, зависящий от одной вечерней передачи и сообщенных в ней новостей, быстро становится аномалией» [7, 194], сложно отрицать существование групп людей, предпочитающих определенные каналы, программы или сайты и довольно редко прибегающих к иным, менее привычным источникам информации.

Нахождение своего места в современном информационном пространстве влияет не только на имидж и популярность президента. Как считает М. Кумар, «чтобы руководить эффективно, он должен ощущать связь между

коммуникациями и управлением, а затем использовать это знание» [11, 408]. Иными словами, «чтобы вести за собой, президент должен эффективно связаться» [8, 159].

Утверждая, что глава государства обладает множеством инструментов для того, чтобы быть услышанным, множеством преимуществ для донесения имеющейся у него информации в любое время суток («президент может донести любое сообщение, куда он хочет») [10, 164], необходимо разделять процессы доставки информации и ее восприятия. Президентские возможности влияния на восприятие и интерпретацию информации аудиторией более ограничены.

Одним из ключевых факторов, влияющих на развитие политического лидерства и на его сущность, является, на наш взгляд, уровень критичности окружающей информационной среды. Ф. Смоллер, анализируя содержание телевизионных новостей, касающихся американских президентов, приходит к выводу, что, несмотря на широкий новостной охват, доступный президенту, значительная часть информации является негативной по содержанию.

Для обозначения данного явления он предлагает термин «отрицательный охват». «Под отрицательным охватом я подразумеваю, что тон большинства сообщений, касающихся президента после первых шести месяцев исполнения им служебных обязанностей, неблагоприятен». Сопоставив большой массив данных, исследователь констатирует, что данная тенденция не просто повторяется, а прогрессирует, т.е. каждый последующий американский президент получает более негативное освещение, нежели его предшественник [12, 4, 59].

Подобное положение вещей, безусловно, затрудняет для президента его политическую практику, однако, с другой стороны, является гарантом соблюдения демократических норм. В условиях существования подконтрольных СМИ у президента есть прямая возможность управлять новостным потоком, задавая как тематику, так и направления интерпретации передаваемых сообщений [1, 10].

Пределный уровень информационной критичности может привести к полной дискредитации президента как национального лидера, подорвав не только его общественный авторитет, но и некоторые управленческие возможности. Противоположная ситуация, когда из информационной среды практически полностью изъята критика в адрес президента, дискредитирует саму сущность политического лидерства, помещая главу государства в «тепличные» условия, где отсутствует реальная политическая конкуренция.

Проанализировав местоположение президента в информационном пространстве, можно утверждать, что существуют, как минимум, два информационных потока: исходящий или нисходящий (т.е. исходящий от президента

и следующий вниз по инстанциям) и входящий или восходящий (т.е. идущий к президенту). Внутри этих информационных потоков, постоянно функционирующих и видоизменяющихся, и происходит позиционирование президента как информационного актора.

Оба потока имеют свои количественные и качественные характеристики. Исходящий информационный поток может быть чрезвычайно насыщенным, но количественное увеличение информации по определенному вопросу не всегда автоматически ведет к активизации общественного мнения. Наоборот, избыток информации о чем-то может вызвать реакцию пресыщения с последующим отторжением. Публике надоест слышать одно и то же (смотреть об одном и том же), и она начнет демонстративно игнорировать проблему.

Входящий информационный поток также имеет ограничительные рамки. Понятно, что далеко не вся информация, поступающая к президенту, непосредственно собирается им самим. В большей степени это делают отдельные ответственные лица, впоследствии доводящие ее до сведения президента. Однако и в этом случае количество поступающей информации должно быть ограничено определенными пределами, иначе у президента просто не хватит времени на ее восприятие, либо на то, чтобы адекватно отреагировать. Здесь смысловая нагрузка смещается на тех людей, которые отбирают информацию, достойную быть услышанной президентом, и преподносят ее соответствующим образом.

От принципов отбора и подходов к трактовке поставляемой информации может зависеть ответная реакция главы государства. Поэтому, перефразируя знаменитое «Короля играет свита», можно сказать, что в информационном обществе президента «делают» специалисты по связям с общественностью.

Исходящий поток информации также подвергается отбору и преломлению сквозь призму субъективных мнений. Этот процесс происходит в тех СМИ, которые доносят данную информацию до публики. В новостных выпусках из речи президента цитируются определенные фрагменты, отбираемые как наиболее значимые, а в аналитических программах его слова и действия подвергаются публичному обсуждению и интерпретации, в ходе которых каждый участник дискуссии может высказать свою точку зрения. «Мы все – жертвы новостей и прочей информации о политике, которую мы воспринимаем сквозь призму СМИ. То есть мы – жертвы некоего «оптического обмана». Правда, сделать с этим ничего нельзя» [3, 33–34].

Таким образом, ни один из рассмотренных информационных потоков не доставляет информацию в «чистом» виде своему адресату – президенту в одном случае и публике в другом. Конечно, аудитория может познакомиться

с выступлением президента без купюр, а президент «выйти в народ» и лично пообщаться с людьми, окунувшись в их заботы и проблемы, однако, в процентном соотношении подобные способы получения информации занимают не столь значительное место по сравнению с подвергающимися обработке, а значит, искажению.

В результате получается, что президент, несмотря на наличие огромного коммуникационного аппарата, не в состоянии гарантированно довести до публики свою позицию по каждому принципиально важному вопросу без искажений, точно так же и общество не располагает широкими и действующими на постоянной основе каналами прямой связи с президентом.

На заре информационной эры казалось, что развитие информационных технологий приведет к осуществлению многих недоступных ранее возможностей: непосредственная связь граждан и власти, осуществление прямой демократии и т.д. Однако увеличение СМИ привело и к увеличению информационных проблем. Одной из них стало искажение информации.

Несмотря на обилие соответствующих средств и технологий, только малая часть информации имеет возможность попасть напрямую, без искажений от президента к гражданам и обратно, а потому президентское лидерство осуществляется в искаженном информационном пространстве. На первый план здесь выходит проблема посредника. Посредником может быть конкретный человек, например, пресс-секретарь президента или министр, делающий доклад, а может – целый общественный институт, например, СМИ как таковые. Изначально это тоже действия отдельных людей (журналистов, редакторов, директоров программ и т.д.), но в дальнейшем данные усилия объединяются в своеобразную информационную матрицу, функционирующую по своим законам.

Основой, центральным звеном новых информационно-коммуникативных технологий все большее количество исследователей называют глобальное виртуальное пространство – Интернет. Внедрение предоставляемых им возможностей в политическую практику способно кардинально видоизменить последнюю. В частности, это касается развития механизма обратной связи. СМИ предыдущего поколения – газеты и журналы, радио, телевидение – не предоставляли столь широких возможностей и настолько простого доступа для выражения гражданами своего мнения с возможностью почти мгновенного донесения его до власти.

В эру печатного слова можно было написать письмо в редакцию газеты или журнала и месяцами ждать ответа. Количество опубликованных писем составляло мизерный процент от количества присланных, что было вызвано не только субъективностью редакторов, но и ограниченными информатив-

ными возможностями печатных СМИ, не способных вместить на своих страницах большое количество писем.

Радиоформат также предполагал письменную форму общения с аудиторией, но его новшеством стали звонки в редакцию, которые могли выводиться в прямой эфир. Живое, высказываемое в режиме реального времени мнение дозвонившегося радиослушателя используется и сегодня. Однако формат этого общения также сильно ограничен: вывод в эфир одного дозвонившегося, редактор оставляет «за бортом» десятки других. Здесь свои ограничения снова накладывают технические возможности данного вида связи.

В телевизионную эпоху стали возможны тематические ток-шоу, где определенное количество собравшихся обсуждает определенную проблему. Этот режим максимально приближен к реальной жизни. Люди могут говорить по очереди или перебивать друг друга, высказываться спокойно или спорить и т.д. Главным же преимуществом такого общения можно назвать то, что в эфире одновременно находится множество людей с различными, а порой диаметрально противоположными взглядами.

Однако так называемые традиционные технические средства не могут сравниться по скорости и доступности с Интернетом, который способен «доставить» имеющееся у гражданина мнение на тот или иной ресурс практически мгновенно. Он-лайн голосования, отзывы, оставляемые на различных сайтах, услуги электронной почты и многое другое делает общественное мнение интернет-пользователей оперативным, переводит его в он-лайн режим.

Распространение коммуникационных интернет-технологий заставило многих исследователей поверить, что вскоре технологический прорыв приведет к прорыву политическому: будут созданы условия для осуществления прямой демократии, принципиально изменится характер взаимодействия власти и граждан, а значит, и принципы политического лидерства и многое другое [2, 35–36]. Тем не менее, наличие самого прямого канала связи не означает, что этот канал будет исправно функционировать в обе стороны.

Несмотря на то, что способы и технические средства коммуникации в современном мире разительно изменились, суть коммуникационного процесса осталась прежней – как и раньше, это связь одного человека с другим. И для того, чтобы одного человека услышали и поняли, необходимы не только технические устройства – телефон или компьютер – на противоположном конце реального или виртуального провода должен находиться другой человек, способный и желающий принять поступающую информацию, готовый использовать и учитывать ее в принимаемых решениях. Без соблюдения этого условия самые совершенные коммуникативные технологии окажутся бесполезны.

Библиографический список

1. Гудков Л. Природа «путинизма» // Вестник общественного мнения. 2009. №3. С. 6–21.
2. Рябцева Е.Е., Кузина К.А. СМИ и политические коммуникации: теоретический аспект // Гуманитарные исследования. 2006. №2. С. 35–39.
3. Сарцинелли У. Личность и политика // Политика и личность / под ред. Й. Поллака, Ф. Загера, У. Сарцинелли, А. Циммер. Харьков, 2012. С. 17–35.
4. Cronin T.E., Genovese M.A. The Paradoxes of the American Presidency. New York: Oxford University Press, 1998. 448 p.
5. Denton Jr.R.E., Hahn D.F. Presidential Communication: Description and Analysis. New York: Praeger, 1986. 360 p.
6. Florig D. The Power of Presidential Ideologies. Westport: Praeger Publishers, 1992. 328 p.
7. Kerbel M.R. Edited for Television: CNN, ABC, and American Presidential Elections. Boulder: Westview Press, 1998. 272 p.
8. Minow N.N., Martin J.B., Mitchell L.M. Presidential Television. New York: Basic Books, 1973. 248 p.
9. Orman J. Comparing Presidential Behavior: Carter, Reagan, and the Macho Presidential Style. New York: Greenwood Press, 1987. 212 p.
10. Rozell M.J. The Press and the Bush Presidency. Westport: Praeger, 1996. 204 p.
11. Shapiro R.Y., Kumar M.J., Jacobs L.R. Presidential Power: Forging the Presidency for the Twenty-First Century. New York: Columbia University Press, 2000. 530 p.
12. Smoller F.T. The Six O'Clock Presidency: A Theory of Presidential Press Relations in the Age of Television. New York: Praeger, 1990. 174 p.

THE INSTITUTION OF PRESIDENCY IN THE INFORMATION SPACE OF THE MODERN WORLD

V.A. Knurova

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Astrakhan State University

The article analyzes the main approaches to the positioning of the president in the modern information space, involving an image choice, top-priority practices of public relations, etc., and emphasizes the necessity of distinguishing between the

processes of information “delivery” and perception. The notion of the “information space criticality level” is introduced, two types of information flows between the president and citizens (upstream and downstream) are considered. The author also defines a problem of information space misrepresentation, which makes the direct connection between society and the authorities impossible.

Keywords: presidential leadership; president; mass media; information space; communicative technologies; Internet.

References:

1. *Gudkov L.* The Nature of the «Putinism». The Russian Public Opinion Herald. 2009. №3. P. 6–21. (In Rus).
2. *Riabtseva E.E., Cousin K.A.* The mass media and political communication: theoretical aspect. Humanitarian researches. 2006. №2. P. 35–39. (In Rus).
3. *Sarcinelli W.* Personality and Politics. Politics and personality. Ed. by J. Pollak, F. Zager, W. Sarcinelli, A. Zimmer. Kharkov: Humanities Center, 2012. P. 17–35. (In Rus).
4. *Cronin T.E., Genovese M.A.* The Paradoxes of the American Presidency. New York: Oxford University Press, 1998. 448 p. (In English).
5. *Denton Jr.R.E., Hahn D.F.* Presidential Communication: Description and Analysis. New York: Praeger, 1986. 360 p. (In English).
6. *Florig D.* The Power of Presidential Ideologies. Westport: Praeger Publishers, 1992. 328 p. (In English).
7. *Kerbel M.R.* Edited for Television: CNN, ABC, and American Presidential Elections. Boulder: Westview Press, 1998. 272 p. (In English).
8. *Minow N.N., Martin J.B., Mitchell L.M.* Presidential Television. New York: Basic Books, 1973. 248 p. (In English).
9. *Orman J.* Comparing Presidential Behavior: Carter, Reagan, and the Macho Presidential Style. New York: Greenwood Press, 1987. 212 p. (In English).
10. *Rozell M.J.* The Press and the Bush Presidency. Westport: Praeger, 1996. 204 p. (In English).
11. *Shapiro R.Y., Kumar M.J., Jacobs L.R.* Presidential Power: Forging the Presidency for the Twenty-First Century. New York: Columbia University Press, 2000. 530 p. (In English).
12. *Smoller F.T.* The Six O'Clock Presidency: A Theory of Presidential Press Relations in the Age of Television. New York: Praeger, 1990. 174 p. (In English).

УДК-328:353(470+571)

**ВЛИЯНИЕ ПАРТИЙНОГО СОСТАВА ПАРЛАМЕНТА НА
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ПОЛИТИКУ В РЕГИОНЕ:
ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Е.М. Митрохина, Е.М. Ожегов¹

Данное исследование посвящено изучению влияния партийного состава парламента на расходы регионального бюджета в России. Согласно партийной теории, после избрания партии продолжают политический курс, соответствующий идеологии партии. На основе меры партийной идеологии нами были сконструированы индексы левости парламента, учитывающие различные идеологические позиции партий, представленных в региональных парламентах. В результате исследования была обнаружена связь между увеличением числа левых депутатов в парламенте и расходов на социальную политику за счет снижения доли расходов на национальную экономику. При этом изменение доли социальных расходов также влечет и перераспределение средств внутри социальной сферы.

Ключевые слова: парламент; политические циклы; бюджетные расходы; регрессионный анализ.

Одним из основных инструментов влияния на политику для избирателей являются выборы, они дают возможность гражданам сменить существующую власть, если их не устраивает проводимая политика. Законодательная власть является инициатором приоритетов и стратегических направлений политики (policy), принимая различные законы. При этом одной из главных целей действующей власти является переизбрание. Поэтому изменения в политическом курсе могут быть связаны также и с предстоящим голосованием.

Региональные законодательные органы принимают решения относительно тех вопросов, которые входят в круг их полномочий, одним из таких вопросов является региональный бюджет. Бюджет, который принимается каждый год, является основным инструментом перераспределения расходов. Поэтому бюджет может рассматриваться в качестве резуль-

---

¹ Митрохина Евгения Михайловна - магистрант по программе «Сравнительные социальные исследования» НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия.

Ожегов Евгений Максимович – кандидат экономических наук, старший преподаватель, департамент экономики и финансов, НИУ ВШЭ, г. Пермь, Россия. E-mail: tos600@gmail.com.

© Митрохина Е.М., Ожегов Е.М., 2016

тата социально-экономической политики. При этом идеологическая позиция конкретных партий, входящих в парламент, может оказывать влияние на принимаемые решения. Оказывая влияние на экономическую политику, также можно манипулировать мнением избирателей и влиять на результаты выборов.

В данной статье тестируется гипотеза о том, что увеличение в региональном парламенте количества партий, которые придерживаются левых идеологических позиций, в среднем приводит к увеличению расходов на социальную политику. Предположение обусловлено тем, что левые партии в своих программных установках апеллируют к расширению социальной политики. Партийная теория также указывает на то, что левые партии ориентируются на избирателей с более низким уровнем дохода, чем правые партии и поэтому направляют больше средств на социальную политику. Через этот инструмент они должны удовлетворять интересы своего электората и увеличивать шансы на переизбрание.

В следующем разделе более подробно рассмотрены теории, объясняющие связь идеологической позиции партии с проводимой парламентом социально-экономической политикой, далее описаны данные и методология, используемые для проверки основной гипотезы, в следующем разделе описаны результаты, в последнем разделе кратко обозначены основные выводы работы.

Теоретические предпосылки исследования

Связь между проводимой политикой и выборами анализировалась с разных точек зрения. Одна из них, теория политических (бизнес) циклов (Political Cycle Theory or Political Business Cycle), получила развитие в 1970-е гг. Тогда же произошло деление данной теории на два направления: теорию оппортунистических циклов (The Opportunistic Political Business Cycle) и партийную теорию (The Partisan Political Business Cycle).

Партийная теория развивалась в два этапа: нерациональный и рациональный. На первом этапе, этапе нерациональной партийной теории, в качестве предпосылки использовались адаптивные ожидания избирателей, т.е. предпосылка о том, что при принятии решения избиратели обращают внимание только на политику, предшествующую выборам. При этом политические партии, представляющие различные идеологии, ориентируются на определенные группы избирателей.

Модель Гиббса [9; 10], которая относится к нерациональному направлению теории политических циклов, отличается предпосылкой о мотивации, которой руководствуются политики, когда участвуют в выборах. Партийная принадлежность акторов, согласно модели, является причиной того, что их экономические интересы отличаются друг от друга. Соответ-

ственно и политические курсы, что они реализуют, также не похожи друг на друга.

Согласно данной модели у левых и правых партий США существуют разные предпочтения относительно соотношения безработицы и инфляции. Основной целью демократов является борьба с безработицей, а республиканцев – с инфляцией. Таким образом, Д.Гиббс выделил тенденцию: низкий уровень безработицы и высокая инфляция соответствуют левым правительствам; высокий уровень безработицы и низкая инфляция – правым партиям. Партийные расколы (соотносящиеся с классами избирателей) остаются важными и релевантными для электоральной политики, с чем связана цикличность политических курсов.

После избрания партии, придерживающиеся определенных взглядов, продолжают политический курс, соответствующий идеологии партии. При этом в модели учитывается «портрет типичного избирателя» данной партии: контрастные предпочтения различных классов оказывают влияние на формирование основных целей политических партий.

Со временем теоретические исследования в рамках теории политических циклов стали обращать внимание также и на ожидания избирателей относительно политики в будущем и рациональный выбор на основе этих ожиданий, что сформировало второй этап развития партийной теории, рациональный. Было сделано допущение, что информация о компетентности парламента, который находится у власти, является несовершенной для избирателей. Тогда политика, предшествовавшая выборам, может использоваться как индикатор, который характеризует парламент [11].

А. Алесина [3], которая также является сторонником партийного подхода, исходит из того, что избиратели рациональны. Согласно его модели политическая партия заботится только лишь о том периоде, когда сама находится у власти. Избиратели в данной модели при голосовании ориентируются на компетенции политиков и их идеологическое самопозиционирование. Политическая поляризация создает более широкие экономические колебания. А. Алесина в своей модели условно делит срок пребывания у власти на две части. Каждая партия выбирает свою оптимальную политику, максимизируя свою функцию полезности. Однако из-за того, что неизвестно, за кого избиратели будут голосовать в первый период после прихода к власти, инкубент практически никак не влияет на экономическую политику, а во второй период изменяет ее в соответствии с представлениями о предпочтениях избирателей. При этом каждая партия ориентируется, в первую очередь, на своих потенциальных избирателей. Поэтому в этой модели важно увеличение экономической активности в год выборов, которое измеряется либо изменением в реальном ВВП на душу населения или изменением уровня безработицы в год выборов. Согласно модели А.

Алесиной, именно эти факторы оказывают влияние на то, как люди голосуют.

Таким образом, в соответствии с теорией политических циклов, акторы манипулируют мнением избирателей, увеличивая расходы на те или иные статьи бюджета, тем самым обеспечивая себе возможность переизбраться. При этом изменения в расходах продиктованы идеологией, которой придерживаются партии, представленные в парламенте. Учитывая тот факт, что у партий, которые представляют различные идеологические позиции, есть свой целевой электорат, при принятии решений о расходах учитывается мнение избирателей. Таким образом, конкурентные выборы способствуют переходу власти от одной партии к другой.

При этом в последнее время отмечается, что политические циклы наблюдаются не только в развитых демократиях, но и в автократиях с доминирующей партией [14]. В таких странах существуют многопартийные выборы, при этом есть правящая партия, которая находится у власти продолжительное время. Цикл в таких странах используется для того, чтобы «купить» политическую поддержку избирателей и показать свою силу перед оппозицией.

Приняв во внимание тот факт, что региональный бюджет принимается парламентом, состоящим из представителей разных партий, придерживающихся различных идеологий, мы хотим проверить, применима ли партийная теория к российскому кейсу, а именно, оказывает ли партийная принадлежность депутатов влияние на принимаемую политику. В качестве меры результата политики в данном исследовании рассматриваются расходы бюджета по различным его статьям.

Мы тестируем наличие партийного, а не других циклов по нескольким причинам. Тот факт, что региональные парламенты имеют не прямое и отложенное влияние на промышленный рост, инфляцию и безработицу делает затруднительным изучение оппортунистических циклов на примере российских регионов. Отсутствие независимости региональных парламентов не позволяет им контролировать эти циклические процессы. При этом непосредственно региональные парламенты принимают закон о расходах бюджета и контролируют его исполнение, поэтому нас интересуют именно партийные циклы. Еще один аргумент в пользу рассмотрения партийной теории – состав парламента в регионах изменяется в связи с выборами, что дает нам возможность проследить зависимость расходов бюджета от состава парламента.

Существует множество эмпирических исследований, которые подтверждают теорию политических циклов, однако есть и противоположные результаты. Различные эмпирические работы отличаются друг от друга не только результатами, но и объектом исследования: развитые или развивающиеся демократии/экономики, различные политические режимы, ис-

следуемая политика (фискальная, монетарная) и др. Существует и различие в типе данных, используемых исследователями. Так, некоторые авторы используют панельные данные с включением информации о региональных выборах, некоторые же используют временные ряды, изучая только федеральные выборы.

Несмотря на различия в исследованиях по типу цикла, набору стран, типу данных, различное определение результатов политики, а также ее типа, для проверки гипотез авторы используют регрессионный анализ. Таким образом, использование нами регрессионного анализа применительно к анализу теории политических циклов на примере регионов Российской Федерации согласуется с предыдущими исследованиями. При этом в моделях необходимо учитывать, что регионы Российской Федерации отличаются друг от друга по размеру, численности населения, доходам и другим показателям.

Описание структуры используемых данных и переменных

Для того чтобы оценить влияние партийного состава парламента на социально-экономическую политику в регионе, в данном исследовании нами был собран массив данных, который представляет собой панель по регионам. Массив содержит в себе информацию о 78 субъектах Российской Федерации¹ за период с 2004 по 2014 гг.

В качестве зависимых переменных выступают расходы региональных бюджетов в разбивке по статьям. Массив содержит данные в месячной динамике в период с 2005 по 2014 гг. (см. табл. 1)¹⁶.

В качестве объясняющих переменных были использованы результаты выборов в региональные парламента. Эти данные содержат информацию о явке на региональные выборы в период с 2004 по 2014 гг.², общем количестве мест в региональных парламентах, количестве представителей различных партий и сконструированный для данного исследования индекс идеологической позиции парламента.

---

¹ Забайкальский край, Иркутская область, Камчатский край, Красноярский край, Пермский край были исключены, так как имело место объединение регионов.

¹⁶ CEIC (Census and Economic Information Center) Database. URL: <http://www.ceicdata.com/en> (accessed 10.04.2015).

² За исключением республики Адыгея (с 2006 г.), республики Тыва (с 2010 г.), Чеченской республики (с 2008 г.), Свердловской области (с 2011г.), так как до указанного времени в данных регионах избирались двухпалатные парламента.

Таблица 1

Описательные статистики по статьям расходов бюджета

Переменные	Количество наблюдений	Среднее	Ст. откл	Мин.	Макс.
Общегос. вопросы	9358	0.086	0.059	0.003	0.610
Нац. Оборона	9358	0.0007	0.003	0	0.039
Нац. безопасность и правоохр. деят-ть	9358	0.035	0.024	0	0.365
Нац. экономика	9358	0.119	0.060	0	0.566
ЖКХ	9358	0.082	0.057	0	0.533
Охрана окр. среды	9358	0.013	0.051	0	0.349
Образование	9358	0.228	0.075	0	0.512
Культура, кинематография и СМИ	9358	0.048	0.053	0	0.577
Здравоохранение, физ. культура и спорт	9358	0.242	0.067	0.023	0.972
Социальная политика	9358	0.133	0.055	0	0.553
Обслуживание гос. и мун. Долга	9358	0.008	0.010	0	0.181
Межбюджетные трансферты	9358	0.003	0.019	0	0.682

Для того чтобы получить состоятельные в статистическом смысле оценки, в модель должны также быть включены контрольные переменные, которые могут оказывать влияние на доли расходов бюджета по соответствующим статьям. Эти переменные представляют собой социально-экономические показатели развития регионов. Более подробно список контрольных переменных для каждой группы расходов представлен в приложении 1.

В литературе по идентификации идеологической позиции партий существует консенсус, что отношения между избирателями и партиями воспринимаются, в первую очередь, с точки зрения деления левых и правых, [6; 8; 13]. И. Бадж и М. Лавер [5] преодолели данное допущение, обратив внимание на частоту проблем, которые затрагиваются политическими партиями в их программных документах. С помощью контент-анализа они проанализировали программы партий в 20 странах и выделили 56 общих тематических категорий. Для каждой программы был исследован процент от всех заявлений, содержащихся в каждой категории. С помощью факторного анализа на основе этих категорий была разработана правая-

левая шкала, состоящая из 13 категорий, соответствующих левой идеологии и 13 – правой (табл. 2).

Таблица 2

Правая-левая шкала Баджа-Лавера

Категории	
Левые категории	Правые категории
Антиимпериализм	Военная сила: положительно
Военная сила: отрицательно	Свобода и права человека
Мир (общественный порядок)	Конституционализм: положительно
Интернационализм: положительно	Государственная власть
Демократия	Свободное предпринимательство
Регулирование рынка	Экономические стимулы
Экономическое планирование	Протекционизм: отрицательно
Протекционизм: положительно	Экономическая ортодоксия и эффективность
Экономика с высокой степенью контроля со стороны государства	Ограничение государства всеобщего благосостояния
Национализация	Национальный образ жизни: позитивно
Расширение социальной политики: положительно	Традиционная мораль: положительно
Развитие образования: положительно	Закон и порядок
Рабочие группы и профсоюзы: положительно	Социальная гармония

На основе меры партийной идеологии Баджа-Лавера мы оценили программы партий, имеющих представительство в региональных парламентах. При анализе программных документов при наличии каждой правой категории в индекс добавлялось значение 1, а при наличии левой категории -1. Далее значение данной суммы было поделено на 13 для нормировки. Таким образом, каждой партии было присвоено значение индекса от -1 до 1.

Стоит отметить, что также были партии, у которых данное значение вычислить не удалось из-за отсутствия программного документа («Крестьянский Союз», а также избирательные блоки: они были обозначены как «пропущенные». Общая доля представительства этих партий в парламентах составила 15.05%).

Наличие меры выраженности идеологической позиции каждой партии позволяет конструировать разные меры идеологической позиции парламента. Так, при исследовании влияния партийного состава парламента на политический курс зачастую используется подход, который состоит в измерении количества и доли левых депутатов в правительстве [4; 10; 12]. В качестве объяснения такого выбора используется тезис о том, что нали-

чие или отсутствие левой тенденции является самым важным политическим фактором, определяющим расширение всеобщего благосостояния. По этой причине нами был рассчитан средневзвешенный по количеству мест каждой партии индекс левости парламента (left3). Такой индекс учитывает не только количество левых депутатов, но и выраженность идеологической позиции каждой партии.

Другой подход, используемый при изучении партийной теории, исходит из допущения, которое впервые было сделано Даунсом [7], что партийное позиционирование может рассматриваться как лево-правая шкала, в соответствии с тем, какую степень вмешательства государства в экономику допускает партия (слева поддерживает высокий уровень, справа – низкий уровень государственного вмешательства). Поэтому мы рассчитали долю левых (left1) как долю партий с отрицательным значением индекса, а также долю правых (right1) как долю партий с неотрицательным значением индекса в парламентах, взвешенную по количеству мест в парламенте.

Однако не все партии можно четко отнести к левым или правым, так как в их программах возможно сочетание и тех и других ценностей, используемых в мере Баджа-Лавера. Значение индекса партии, близкое к 0, свидетельствует о том, что различные позиции нейтрализуют друг друга. Тогда для отделения ярко выраженной левой позиции от слабо выраженной было использовано отсечение -0.15 и 0.15, чтобы разделить партии на левые (left2) / центристские (middle2) / правые (right2). Затем также была вычислена доля данных групп партий, взвешенная по местам. В качестве отсечения было выбрано значение, равное 0.15, т.к. оно позволило равномерно разделить партии на три группы, при этом учитывая их идеологические позиции. Таким образом, мы смогли выделить те партии, чьи взгляды сложно отнести четко к левым или правым по причине того, что их программы сочетали в себе как левые, так и правые категории примерно в относительно равной степени. В таблице 3 приведены описательные статистики сконструированных мер идеологической позиции парламента.

Таблица 3

Описательные статистики индексов идеологической позиции парламента

Переменные	Количество наблюдений	Среднее	Ст. откл.	Мин.	Макс.
Left1	9129	0.182	0.101	0	0.500
Right1	9129	0.667	0.227	0	0.961

Окончание табл. 3

Переменные	Количество наблюдений	Среднее	Ст. откл.	Мин.	Макс.
Left2	9129	0.126	0.071	0	0.370
Middle2	9129	0.661	0.240	0	1
Right2	9129	0.062	0.072	0	0.940
Left3	9129	-0.033	0.040	-0.203	0.721

Методология исследования

Для анализа имеющихся данных был использован такой статистический метод, как регрессионный анализ. Данный метод позволяет установить наличие и направление статистического влияния независимых переменных на зависимые, в нашем случае влияние партийного состава парламента на расходы регионального бюджета. Таким образом, мы имеем возможность проанализировать данные на региональном уровне, сравнить полученные результаты с теоретическими предпосылками.

Если решение о расходах по отдельной статье зависит от решения о других расходах, то полученные методом наименьших квадратов оценки для каждого отдельного уравнения по статье расходов могут быть неэффективны ввиду корреляции ошибок в разных уравнениях. Кроме того, расходы на одни статьи бюджета могут структурно влиять на другие, поэтому зависимость между группами расходов необходимо моделировать в виде системы одновременных уравнений (Simultaneous Equations Model):

$$\begin{cases} y_{jit} = (P_{it-12} \cdot X_{jit-12})\beta_1 + y_{-jit}\gamma_1 + e_{jit} \\ y_{kit} = (P_{it-12} \cdot X_{kit-12})\beta_k + y_{-kit}\gamma_k + e_{kit} \end{cases} \quad (1)$$

где

y_{jit} – доля расходов бюджета для j -й статьи бюджета в i -м регионе в месяц t ;

y_{-jit} – вектор долей расходов бюджета по всем статьям, кроме j -й статьи, в i -м регионе в год t ;

P_{it} – индекс идеологической позиции парламента;

X_{jit} – набор контрольных переменных для j -й статьи расходов бюджета;

α_{ji} – региональный эффект;

e_{jit} – ошибка (i.i.d.).

Стоит отметить, что в правой части регрессионного уравнения мы используем переменные с временным лагом, равным $t - 12$, т.е. в 12 меся-

цев. Это сделано для учета того, что бюджет принимается парламентом, который был избран в предыдущий год, на основе данных за предшествующий год. Также мы контролируем на внутригодовую сезонность расходов включением набора дамми-переменных по месяцам.

Данная модель была оценена двумя способами. Вначале мы оценили модель внешне не связанных уравнений (Seemingly Unrelated Regressions, SUR), в которой не учитывается структурная взаимосвязь статей расходов ($\gamma_1 = \dots = \gamma_k = 0$), однако такой способ позволяет оценить расходы, максимально дезагрегированные по статьям. Особенностью оценивания является то, что предполагается только совместное распределение ошибок уравнений (e_{jit}). Оценки коэффициентов могут быть получены с помощью обобщенного метода наименьших квадратов (Feasible Generalized Least Squares, FGLS). Далее мы оценили исходную систему одновременных уравнений (1) трехшаговым методом наименьших квадратов, сгруппировав расходы до 3 групп: расходы на экономику, социальные и прочие. Сокращение групп расходов до трех для данной модели вызвано тем, что обычно модель одновременных уравнений с большим количеством уравнений является плохо идентифицируемой.

Результаты регрессионного анализа

Оценивание системы уравнений (табл. 4) расходов на экономическую, социальную политику³ и остальные статьи бюджета⁴ показывает, что в среднем “левость” парламента отрицательно влияет на расходы на экономику и приводит к увеличению социальных расходов. Данный результат является подтверждением гипотезы исследования.

Однако если обратить внимание на каждую из статей расходов на экономику и социальную политику, то данный эффект по статьям не является постоянным. В таблице 5 представлены результаты оценивания внешне не связанных уравнений, разбитых по статьям бюджета более детально.

Таблица 4

Результаты оценивания системы одновременных уравнений

	Экономическая политика	Социальная политика	Другое
left1	-0.08*** (0.01)	0.03 (0.05)	-0.09*** (0.01)

³ Образование, культура, кинематография и СМИ, здравоохранение, физическая культура и спорт, социальная политика.

⁴ Национальная безопасность и правоохранительная деятельность, ЖКХ, охрана окружающей среды.

Окончание табл. 4

Результаты оценивания системы одновременных уравнений

left2	-0.02 (0.02)	0.30 (0.26)	-0.06*** (0.02)
middle2	0.05*** (0.01)	0.06* (0.03)	0.03*** (0.01)
left3	-0.01 (0.02)	0.09** (0.04)	-0.04* (0.02)
Экономическая политика	-	-0.87*** (0.07)	-0.79*** (0.02)
Социальная политика	-1.07*** (0.02)	-	-0.87*** (0.02)
Другое	-1.12*** (0.03)	-0.65*** (0.14)	-

Примечание. В ячейках таблицы приведены оценки параметров. В скобках – стандартные ошибки. Оценки параметров в нижней части таблицы приведены для модели с индексами left2 и middle2. Оценки параметров для контрольных переменных опущены.

Число наблюдений – 742.

Уровни значимости: * $p < 0.1$, ** $p < 0.05$, *** $p < 0.01$

Стоит отметить ожидаемый результат, что значимым является эффект “левости” при статье бюджета на национальную экономику. Увеличение левых в региональном парламенте в среднем отрицательно влияет на расходы на экономику. Также отрицательный эффект “левость” парламента оказывает на расходы на ЖКХ.

Положительный эффект от увеличения левых партий в парламенте (left1 и left3) можно наблюдать при переменных, обозначающих основные статьи социальных расходов: статьи расходов на образование и социальную политику, что является подтверждением гипотезы о том, что левые партии более склонны увеличивать социальные расходы бюджета. При этом индекс идеологической позиции (left1 и left2) в среднем приводит также к сокращению расходов на здравоохранение, а также является значимым и отрицательным при такой статье бюджета, как культура, кинематография и СМИ, что является контринтуитивным результатом.

Таблица 5

Результаты оценивания внешне не связанных уравнений

Характер партий	Нац. без-ть и правоохран. де-ят-ть	Нац. эконо-мика	ЖКХ	Охрана окр. среды	Образование	Культура, ки-нематография и СМИ	Здравоохранение, физическая куль-тура и спорт	Соц. поли-тика
left1	-0.012*	-0.052**	-0.042**	-0.138***	0.112***	-0.078***	-0.089***	0.114***
	(0.006)	(0.024)	(0.017)	(0.022)	(0.022)	(0.019)	(0.024)	(0.024)
left2	-0.038***	0.003	-0.190***	-0.025	0.035	0.012	-0.062*	0.033
	(0.010)	(0.038)	(0.026)	(0.035)	(0.036)	(0.031)	(0.035)	(0.041)
middle2	-0.007*	0.028*	-0.059***	0.053***	-0.051***	0.033***	0.076***	-0.091***
	(0.004)	(0.016)	(0.011)	(0.013)	(0.014)	(0.013)	(0.014)	(0.016)
left3	-0.084***	-0.117**	-0.017	-0.428***	0.089	-0.121**	-0.089	0.237***
	(0.024)	(0.059)	(0.0415)	(0.088)	(0.057)	(0.047)	(0.055)	(0.062)

Примечание. В ячейках таблицы приведены оценки параметров. В скобках – стандартные ошибки. Оценки параметров при контрольных переменных опущены.

Уровни значимости: * $p < 0.1$, ** $p < 0.05$, *** $p < 0.01$

Число наблюдений – 742.

Такие результаты могут быть объяснены тем, что расходы на образование и социальную политику занимают большую долю в расходах всего бюджета. За счет этого снижение расходов на одни статьи компенсируется увеличением на другие и, в общем, увеличение числа левых депутатов приводит к увеличению социальных расходов.

Несмотря на то, что мы исследуем влияние левых партий на расходы статей бюджета, интересно обратить внимание на переменную *middle1*, которая обозначает присутствие центристских партий. Согласно индексу партийного состава парламента, такая политическая партия, как Единая Россия, как раз была отнесена к центристским. Из оценивания внешне не связанных уравнений (SUR) видно, что центристы в среднем увеличивают расходы на такие статьи бюджета, как национальная экономика и здравоохранение, при этом расходы на образование и социальную политику в среднем при увеличении их присутствия сокращаются.

Оценивание системы уравнений позволяет нам понять, как расходы перераспределяются между различными группами. Однако на основе этих оценок мы не можем делать выводов относительно того, кто влияет на эти расходы, так как не знаем потенциальное перераспределение мест в парламенте при изменении числа левых депутатов. Но мы можем сделать некоторые предположения относительно изменений в составе парламента и посмотреть, как поменяются расходы по статьям (табл. 6).

Таблица 6

Предельное влияние идеологической позиции парламента на расходы бюджета

Направление изменения	Экономическая политика	Социальная политика	Другое
Увеличение левых на 1%, уменьшение правых на 1%	-0.27%	0.36%	-0.31%
Увеличение левых на 1%, уменьшение центристов на 1%	-0.23%	0.36%	-0.24%
Увеличение центристов на 1%, уменьшение правых на 1%	-0.05%	0.00%	-0.06%
Увеличение центристов на 1%, уменьшение левых на 1%	0.23%	-0.36%	0.24%

Рассмотрим индекс идеологической позиции парламента, где кроме левых и правых партий, учитываются также и центристы. Так, увеличение числа левых депутатов на 1% при изменении как центристов, так и левых будет приводить к увеличению расходов на социальную политику. Так, например, при принятии бюджета Законодательным собранием Пермского края (60 депутатов, бюджет – 109 млрд руб.), увеличение представительства левых депутатов на 1 место (1.66%) ожидаемо приведет к росту социальных расходов на 654 млн руб. ($109 * 1.66 * 0.0036$).

***

Таким образом, наша гипотеза о том, что левые партии увеличивают расходы на социальную сферу, подтвердилась. Данный вывод согласуется с теорией политических циклов, партийной теорией.

Что касается предыдущих исследований, изучающих Россию, то они тестировали только оппортунистический цикл на примере выборов губернаторов в регионах. Это означает, что мы не можем напрямую сравнивать эти результаты, но можем заключить, что циклические тенденции имеют место быть в России на выборах регионального уровня как отдельных должностных лиц [2], так и законодательных органов. Помимо этого, предыдущее исследование на российском кейсе проводилось в период с 1991 по 2002 гг., авторами ставилась задача проверить новые демократии, к которым они отнесли и Россию. Наше же исследование охватывает более поздние временные рамки, с 2003 по 2013 гг. Некоторые исследования выборов, проводившихся в этот временной промежуток не позволяют относить Россию к демократиям, однако можно говорить о том, что циклические тенденции в экономической политике в регионах Российской Федерации сохранились. Поэтому изменения в партийном составе парламента (левый, средний, правый) влияют на изменение политики.

Результаты нашего исследования могут быть смещены тем, что такая переменная, как конкурентность выборов в парламент в регионе, является пропущенной. Предполагается, что те регионы, где значение вероятности смены власти выше, расходуют больше денег на социальные расходы, чтобы таким образом привлечь избирателей и сохранить места за собой. Там же, где конкуренция на региональных выборах невысокая, голоса распределяются между одними и теми же партиями, расходы могут никак не изменяться. Мы также не учитывали явку на выборы в различных регионах Российской Федерации в силу того, что данные ЦИК по явке являются неполными. Высокая или низкая явка может также оказывать влияние на конкуренцию между политическими партиями в регионах.

В нашей работе рассматривались лишь расходы региональных бюджетов, при этом бюджет любого региона состоит и из доходов. Однако доходная часть многих региональных бюджетов формируется за счет субсидий из федерального центра [1]. В нашей модели данный факт никак не учитывается, поэтому можно говорить о пропущенной переменной, которая отражала бы эту зависимость. При этом мы не учитываем, что не один лишь региональный парламент утверждает бюджет и осуществляет контроль за его исполнением¹. Разработкой проекта бюджета же занимается региональный исполнительный орган (он же и обеспечивает исполнение), также глава региона имеет право внесения законопроектов по бюджету. При этом не стоит исключать и других акторов, которые также могут оказывать влияние на формирование расходной части региональных бюджетов, что подразумевает, что сила связи между идеологической позицией партий парламента и расходами бюджета при отсутствии данных внешних ограничений будет проявляться сильнее.

Приложение 1

Список контрольных переменных для статей расходов бюджета

Группа расходов	Контрольные переменные
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	<ol style="list-style-type: none"> 1. Число зарегистрированных преступлений в расчете на 1 тыс. чел. населения 2. Количество чрезвычайных ситуаций 3. Число лесных пожаров 4. Число преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков
Национальная экономика	<ol style="list-style-type: none"> 1. Уровень экономической активности населения 2. Уровень занятости 3. Введение в действие общей площади жилых домов в расчете на 1000 человек населения 4. Количество зданий и сооружений, находящихся в незавершенном строительстве 5. Площадь квартир в жилых зданиях, находящихся в незавершенном строительстве, приостановленные или законсервированные 6. Введено в действие объектов социально-культурного назначения 7. Затраты на информационные и коммуникационные технологии 8. Количество персональных компьютеров 9. Доходы от услуг связи, оказанные населению в расчете на одного человека 10. Обеспеченность населения автобусами общего пользования 11. Обеспеченность населения собственными легковыми автомобилями 12. Плотность автомобильных дорог с твердым покрытием общего

¹ Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон № 184-ФЗ от 04 июля 2003 г. // Российская газета. № 206. 19 окт. 1999.

	пользования на 1000 кв. км территории
Жилищно-коммунальное хозяйство	<ol style="list-style-type: none"> 1. Доля выбывшей общей площади жилищного фонда за год (тысяча квадратных метров) 2. Общие затраты на капитальный ремонт многоквартирных жилых домов 3. Число семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях 4. Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на 1000 жителей 5. Удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда 6. Ремонт и содержание объектов благоустройства в фактических ценах – всего
Охрана окружающей среды	<ol style="list-style-type: none"> 1. Количество стационарных источников загрязнения атмосферы на конец года, имеющих у юридических лиц 2. Количество выброшенных в атмосферу загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников 3. Затраты на капитальный ремонт основных фондов по охране окружающей среды 4. Текущие (эксплуатационные) затраты на охрану окружающей среды по 2011 г.
Образование	<ol style="list-style-type: none"> 1. Среднее количество учеников, обучающихся в школе 2. Всего учреждений, реализующих программы общего образования 3. Общая численность обучающихся в учреждениях, реализующих программы общего образования 4. Общая численность занимающихся в учреждениях дополнительного образования детей 5. Обеспеченность детей дошкольного возраста местами в дошкольных образовательных организациях - количество мест на 1000 детей 6. Охват детей дошкольным образованием 7. Принято студентов в государственные и муниципальные образовательные учреждения, реализующие программы среднего профессионального образования 8. Число государственных и муниципальных образовательных учреждений, реализующих программы среднего профессионального образования 9. Охват дошкольными образовательными учреждениями детей в возрасте 1-6 лет 10. Численность обучающихся в образовательных учреждениях, реализующих программы начального профессионального образования 11. Численность обучающихся, приходящихся на одного учителя в общеобразовательных учреждениях 12. Численность студентов государственных (муниципальных) высших учебных заведений 13. Численность студентов государственных (муниципальных) учреждений среднего профессионального образования 14. Численность детей в дошкольных образовательных учреждениях – всего 15. Число дошкольных образовательных учреждений по назначению
	<ol style="list-style-type: none"> 1. Численность зрителей театров 2. Численность читателей в общедоступных (публичных) библиотеках 3. Число посещений музеев

<p>Культура, кинематография и СМИ</p>	<ol style="list-style-type: none"> 4. Численность работников музеев Минкультуры России 5. Число музеев Минкультуры России 6. Количество театров Минкультуры России 7. Число парков культуры и отдыха Минкультуры России 8. Число зоопарков 9. Численность учащихся на начало учебного года в детских музыкальных, художественных, хореографических школах и школах искусств Минкультуры России 10. Число посещений киносеансов 11. Число библиотек Минкультуры России 12. Общий годовой тираж издания газет 13. Общий годовой тираж издания журналов и других периодических изданий 14. Средний разовый тираж издания газет
<p>Здравоохранение, Физическая культура и спорт</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Число амбулаторно-поликлинических учреждений на конец отчетного года 2. Число больничных учреждений на конец отчетного года 3. Число посещений врачей, включая профилактические и посещения стоматологических клиник 4. Число санаторно-курортных организаций 5. Заболеваемость проживающих в районе обслуживания лечебного учреждения на 100 тыс. чел. населения 6. Число дней временной нетрудоспособности 7. Обеспеченность врачами на 1 тыс. чел. населения 8. Мощность амбулаторно-поликлинических учреждений, посещений в смену на 10 тыс. населения 9. Численность лиц, которым оказана скорая медицинская помощь амбулаторно и при выездах 10. Число станций (отделений) скорой медицинской помощи 11. Единовременная пропускная способность спортивных сооружений 12. Количество спортивных сооружений 13. Численность занимающихся по видам спорта 14. Численность населения на одного врача 15. Число спортивных залов 16. Обеспеченность больничными койками на 10 000 населения 17. Численность лиц, которым оказана помощь амбулаторно и при выездах 18. Общая численность инвалидов
<p>Социальная политика</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Общая численность воспитанников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей 2. Удельный вес детей, обучающихся в общеобразовательных учреждениях (общая численность детей соответствующего возраста, %) 3. Численность детей и подростков в возрасте 7-18 лет, не обучающихся в образовательных учреждениях, на 10 000 детей и подростков соответствующего возраста, % 4. Общее число учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей 5. Количество детей в домах ребенка 6. Число учреждений социальной помощи для лиц без определенного места жительства и занятий 7. Фактическая численность лиц, обслуженных отделениями временного проживания, созданных при центрах социального обслуживания, за год 8. Численность лиц, обслуженных отделениями социального обслуживания на дому за год

	<ol style="list-style-type: none"> 9. Число специальных домов для одиноких престарелых 10. Число центров социального обслуживания для граждан пожилого возраста и инвалидов 11. Численность граждан пожилого возраста и инвалидов по списку в стационарных учреждениях социального обслуживания 12. Численность детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей в стационарных учреждениях социального обслуживания 13. Число стационарных учреждений социального обслуживания для граждан пожилого возраста и инвалидов 14. Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума от общей численности населения, % 15. Численность граждан, обслуженных в течение года в учреждениях социальной помощи для лиц без определенного места жительства и занятий (на 1000) 16. Численность граждан, пользующихся социальной поддержкой по оплате жилого помещения и коммунальных услуг 17. Средний размер назначенных денежных выплат на человека 18. Численность получателей ежемесячных денежных выплат (ЕДВ) 19. Численность пенсионеров, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда РФ 20. Распределение малоимущего населения по месту проживания и по основным социально-экономическим характеристикам 21. Численность детей в Домах ребенка 22. Число Домов ребенка 23. Число умерших детей на первом году жизни в расчете на 1000 родившихся за год
--	--

Библиографический список

1. *Зубаревич Н.В.* Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2006. 160 с.
2. *Akhmedov A. Zhuravskaya E.* Opportunistic Political Cycles: Test in a Young Democracy Setting // *Quarterly Journal of Economics*, 2004. № 119 (4). P. 1301–1338.
3. *Alesina A.* Macroeconomic Policy in a Two-Party System as a Repeated Game. // *The Quarterly Journal of Economics*, 1987. №102. P. 651–678.
4. *Alesina A., Rosenthal H.* Partisan Politics, Divided Government and the Economy. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 300 p.
5. *Budge I. Laver M.J.* Party Policy and Government Coalitions. London: Sage Publications, 1992. 196 p.
6. *Budge I., Bara J.* Manifesto-based research: a critical overview // Mapping policy preferences. Estimates for parties, electors and governments 1945–1998 / Eds. Budge I., Klingemann H.-D., Volkens A., Bara J. and Tanenbaum E. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 51–73.
7. *Downs A.* An Economic Theory of Democracy. N.Y.: Harper and Row, 1957. 297 p.

8. *Fuchs D., Klingemann H-D.* The left-right schema in continuities in political action // *De Gruyter Studies on North America*, 1989. №5. P. 203–234.
9. *Hibbs D.* Political parties and macroeconomic policy // *American Political Science Review*, 1977. №71. P. 1467–1487.
10. *Hibbs D.* The American political economy. Cambridge: Harvard University Press, 1987. 324 p.
11. *Rogoff K., Sibert A.* Elections and macroeconomic policy cycles // *Review of Economic Studies*, 1988. № 55. P.1–16.
12. *Tufte E.* Determinants of the outcomes of midterm congressional elections // *American Political Science Review*, 1978. № 69. P.812–826.
13. *Volkens A.* Quantifying the Election Programmes: Coding procedures and controls // *Mapping Policy Preferences. Estimates for Parties, Electors and Governments 1945–1998* /Eds, Budge, I., Klingemann, H.-D., Volkens, A., Bara, J. and Tanenbaum, E. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 93–109.
14. *Wright J.* Electoral spending cycles in Dictatorships // Manuscript, Pennsylvania state university. 2011. 32 p.

PARLIAMENT STRUCTURE INFLUENCE ON SOCIO-ECONOMIC POLICY IN RUSSIAN REGIONS: EMPIRICAL ANALYSIS

E.M. Mitrokhina

Master Student, Comparative Social Research Program, NRU Higher School of Economics, Moscow, Russia

E.M. Ozhegov

Candidate of Economic Sciences, Senior Lecturer, Department of Economics and Finance, NRU Higher School of Economics, Perm, Russia

The research analyzes the impact of the parliament structure on budget expenditures in Russian regions. According to the partisan theory, political parties represented in parliaments carry out a political course in concordance with their ideology. Thus, politics influences economy. Using regression analysis, in our paper we test the hypothesis that left political parties increase social expenditures. We use dataset containing information from 2005 to 2013 about actual regional budget expenditures for constructing index of political ideology based on left/right scale. It has been found out that that left parliaments increase social expenditures by reducing a share of spending on the national economy. Moreover, increase in social expenditures causes redistribution of money between different items of social spending.

Keywords: parliament; political cycles; partisan theory; parliament ideology; regional budget; social expenditures; regression analysis.

References:

1. *Zubarevich N.* Russian regions: inequality, crisis, modernization. M.: Independent Institute for Social Policy Publ., 2010. 160 p. (In Rus.).
2. *Akhmedov A., Zhuravskaya E.* Opportunistic Political Cycles: Test in a Young Democracy Setting. *The Quarterly Journal of Economics*, 2004. № 119 (4). P. 1301–1338. (In English).
3. *Alesina A.* Macroeconomic Policy in a Two-Party System as a Repeated Game. *The Quarterly Journal of Economics*, 1987. №102. P. 651–678. (In English).
4. *Alesina A., Rosenthal H.* Partisan Politics, Divided Government and the Economy. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 300 p. (In English).
5. *Budge I., Laver M.J.* Party Policy and Government Coalitions. London: Sage Publications, 1992. 196 p. (In English).
6. *Budge I., Bara J.* Manifesto-based research: a critical overview. Mapping policy preferences. Estimates for parties, electors and governments 1945–1998 / Eds. Budge I., Klingemann H.-D., Volkens A., Bara J. and Tanenbaum E. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 51–73. (In English).
7. *Downs A.* An Economic Theory of Democracy. N.Y.: Harper and Row, 1957. 297 p. (In English).
8. *Fuchs D., Klingemann H-D.* The left-right schema in continuities in political action. *De Gruyter Studies on North America*, 1989. №5. P. 203–234. (In English).
9. *Hibbs D.* Political parties and macroeconomic policy. *American Political Science Review*, 1977. №71. P. 1467–1487. (In English).
10. *Hibbs D.* The American political economy. Cambridge: Harvard University Press, 1987. 324 p. (In English).
11. *Rogoff K., Sibert A.* Elections and macroeconomic policy cycles. *Review of Economic Studies*, 1988. № 55. P.1–16. (In English).
12. *Tufte E.* Determinants of the outcomes of midterm congressional elections. *American Political Science Review*, 1978. № 69. P.812–826. (In English).
13. *Volkens A.* Quantifying the Election Programmes: Coding procedures and controls. Mapping Policy Preferences. Estimates for Parties, Electors and Governments 1945–1998 /Eds.: Budge, I., Klingemann, H.-D., Volkens, A., Bara, J. and Tanenbaum, E. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 93–109. (In English).
14. *Wright J.* Electoral spending cycles in Dictatorships. Manuscript, Pennsylvania state university. 2011. 32 p. (In English).

УДК-321.728(470+571)

**ИНДЕКС ДЕМОКРАТИИ ДЛЯ РЕГИОНОВ РОССИИ:
ДИНАМИКА 1990–2010-х ГОДОВ¹**

А.С.Титков²

Статья посвящена количественной оценке демократии в контексте политической динамики посткоммунистических стран на субнациональном (региональном) уровне. Цель статьи – предложить расчетный индекс, позволяющий оценить демократические и авторитарные тенденции посткоммунистического перехода в России на региональном уровне, в частности, проверить гипотезу Н. Петрова о частичной демократизации авторитарных региональных режимов в первой половине 2000-х гг. Описана структура индекса, его теоретическое обоснование (концепции Р. Даля, Т. Ванханена, Г. Алмонда и С. Вербы, А. Хиршмана), методика расчета, основные результаты и выводы для периода 1990–2010-х гг. На примере Украины обсуждаются возможности и ограничения индекса для анализа других посткоммунистических стран.

Ключевые слова: индекс демократии; посткоммунистический переход; Россия; Украина; регионы; конкуренция; политическая культура.

Неоднородность демократии или авторитаризма на разных уровнях организации, – когда, например, политический режим демократический и конкурентный на национальном уровне, но включает в себя ряд гегемоний и олигархий на субнациональном, – проблема, заявленная в современной политической науке, по крайней мере, с классической «Полиархии» Р. Даля [6, 18–21]. Проблема неоднородности на субнациональном уровне важна, прежде всего, для больших стран, переживших в последние десятилетия переход от авторитарного режима к демократическому или в обратном направлении. Самым изученным в этом отношении регионом мира выглядит Латинская Америка, где стоит выделить, прежде всего, исследования Э. Гибсона [22],

---

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 году (проект «Сопряженный анализ развития демократических институтов на национальном и субнациональном уровне (на примере России и ее регионов)»).

² Титков Алексей Сергеевич – кандидат географических наук, доцент факультета социальных наук, старший научный сотрудник лаборатории методологии оценки регионального развития Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ). E-mail: atitkov@hse.ru

© Титков А.С., 2016

открывающие тему механизмов субнационального авторитаризма, а в части количественной оценки демократии и авторитаризма на субнациональном уровне – разработки К. Джервазони [21] и А. Джирауди [23; 24].

В России оценки демократии на субнациональном уровне развивались, в основном, в первой половине – середине 2000-х гг. К началу этого периода задача оценки демократии была сформулирована как относительно самостоятельная, не сводимая ни к разнообразию региональных политических режимов, ни к оценке соотношения сил между «демократами» и «коммунистами»¹. Во второй половине 2000-х гг. интерес исследователей закономерно переключился от демократии к субнациональному авторитаризму [3; 5]. Политические изменения 2010-х гг., с подъемом протестного движения и умеренной либерализацией законов о партиях и выборах в 2011–2012 гг. и ужесточением режима в последующие годы, дали повод вернуться к разработкам предыдущего десятилетия.

Дискуссии 2000-х гг. оставили после себя проблему, заявленную, но не решенную в обмене репликами между Н. Петровым и И. Яковенко, представителями двух самых заметных в тот период проектов количественной оценки демократии: рейтинг демократичности регионов Центра Карнеги [11; 12; 27] и «Демократический аудит регионов» Института «Общественная экспертиза» и группы «Меркатор» [7; 20].

Петров предположил, что следствием авторитарных тенденций на общенациональном уровне становится «если не расширение демократии в регионах, то по крайней мере рост там плюрализма и конкурентности» [11]². Яковенко с такой идеей не согласился, заявив, что по данным его проекта «в последние годы уровень демократизма в регионах уменьшился» [15]³. В тот

---

¹ Важным шагом в постановке такой проблемы стали исследования В. Гельмана, С. Рыженкова и М. Бри [4] и Н. Мелвина, А. Кузьмина и В. Нечаева [8], которые, во-первых, сводили все разнообразие региональных политических ситуаций к простой матрице универсальных типов; во-вторых, вывели в качестве примеров демократического типа («борьба по правилам», «протополиархия») регионы «красного пояса» с низкой поддержкой в 1990-е годы «демократов» как политической силы: Волгоградская, Воронежская, Курганская, Орловская, Смоленская области и др.

² Ср.: «Парадокс заключается в том, что нарастание элементов авторитаризма на центральном уровне может способствовать (по крайней мере, временно) их ослаблению на уровне региональном, что, ослабляя демократические институты в центре, Кремль, сам того не желая, может иногда снимать некие барьеры для демократического развития в регионах» [11].

³ Ср.: «Я познакомился с теми выводами, которые были сделаны Центром Карнеги, и хочу сказать, что наше исследование не подтверждает <...>, что вертикаль власти, придавив региональных начальников, тем самым увеличила демократичность в регионах. Это не подтверждается» [15]

момент дискуссия так и оборвалась на стадии гипотез. До их эмпирической проверки дело так и не дошло, в том числе, по чисто технической причине. Методы оценки, применявшиеся в обоих проектах, не подходили для корректной оценки динамики от года к году, поскольку включали в себя показатели, которые рассчитывались по «плавающей» шкале, меняющейся от выборов к выборам. В частности, оценки, использующие показатели явки, рассчитывались по разнице между региональным показателем и средним по стране (рейтинг демократичности выборов «Меркатора» и «Общественной экспертизы») или по разнице между показателями национальных и региональных выборов (рейтинги Московского центра Карнеги).

Первая задача статьи – предложить инструмент, который позволил бы, в частности, проверить гипотезы Н. Петрова и И. Яковенко относительно динамики региональных режимов в первой половине 2000-х гг. Другие задачи, более широкие: обсудить теоретические и методические основания предложенного индекса и границы его применения.

Расчетный индекс демократии: проблема посткоммунистических стран

Индекс демократии, предлагаемый в статье, относится к одному типу индексов с инструментальным рейтингом Московского центра Карнеги [27, 249–267] и рейтингом демократичности выборов «Меркатора» и «Общественной экспертизы» [15]. Общая их задача – дать по возможности комплексную и по возможности объективную, не зависящую от экспертных суждений, оценку демократии в регионах России с помощью ограниченного набора доступных индикаторов, основанных, прежде всего, на статистике выборов.

Из существующих индексов перечисленным требованиям в наибольшей степени соответствует индекс демократизации Т. Ванханена [28; 29; 30], многократно использованный в сравнительных политических исследованиях. Достоинством индекса Т. Ванханена можно считать, прежде всего, его простоту: произведение показателей конкуренции (доля голосов за оппозицию) и участия граждан (доля пришедших на выборы от общей численности населения). Проблема с применением индекса Т. Ванханена в нашем случае возникает из-за второго параметра (участие в выборах).

Показатель Т. Ванханена (доля участвующих в выборах) хорошо подходит к его собственной исследовательской задаче: оценить мировую динамику демократизации с начала XIX в. В таком масштабе расширение избирательного права, включение в политику бывшего «безмолвствующего большинства» действительно оказывается одной из главных переменных. Тот же самый параметр, доля участвующих в выборах (от всего населения), оказывается спорным для стран, где предыдущий коммунистический режим требовал

от граждан явки в 99,9% и где в переходный период уровень участия уменьшался прежде всего в городах и регионах, гражданская активность которых и политическая конкуренция проявились раньше и сильнее¹.

Сравнение значений индекса демократизации Т. Ванханена для регионов России середины 2000-х гг. [9, 103–105] с другими индексными показателями показывает, что опасения такого рода можно считать оправданными. Другие оценки демократии, электоральной свободы и фальсификаций на выборах по регионам России за примерно тот же период (инструментальный рейтинг Московского центра Карнеги, рейтинг демократичности региональных выборов группы «Меркатор», интегральный индекс электоральной культуры группы «Меркатор», оценки электоральных аномалий по соотношению «явка – доля голосов») обнаруживают, как правило, значимые корреляции друг с другом, что косвенно подтверждает их релевантность. Оценки по формуле Т. Ванханена, наоборот, выбиваются из общего ряда (см.: [13, 14–24]). Индекс демократизации Т. Ванханена оказывается для нашего случая, по крайней мере, недостаточно надежным и обоснованным.

Индекс демократии для регионов России: теоретическое обоснование

Предлагаемый индекс демократии для регионов России 1990–2010-х гг. можно считать модификацией индекса Т. Ванханена, приспособленной к условиям посткоммунистического перехода. Индекс основан на «расширенном минималистском» понимании демократии, в котором к минималистскому определению демократии «по Шумпетеру» (соревнование элитных групп на выборах)² добавляется второе измерение, отражающее способность граждан влиять на политику.

Самым известным выражением «расширенной минималистской» трактовки можно считать концепцию полиархии Р. Даля, в которой ключевой характеристикой демократии принята «чувствительность» (responsiveness) правительства, его способность реагировать на предпочтения граждан [6, 6]. Двумя главными составляющими демократического режима, которые обес-

---

¹ Согласно Н. Петрову, назвавшему этот процесс «электоральным переходом», в России до 1993 г. включительно наблюдалась инверсия: чем более социально расторможенным и политически активным был регион, тем ниже там была явка на избирательные участки (...) и чем более раскрепощен был регион, тем дальше он уходил от модели поголовного участия (...)» [10, 303–310].

² «Демократический метод – это такое институциональное устройство... при котором индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей [19, 355]; «демократия это система при которой партии проигрывают выборы» [14, 28].

печивают такую способность, Р. Даль называет публичное оспаривание (public contestation), то есть возможности для деятельности оппозиции и включенность (inclusiveness), возможности политического участия для широкого круга взрослых граждан [6, 10–11]. Демократизация в схеме Р. Даля может происходить или за счет увеличения возможностей для оспаривания правительственного курса (либерализация), или за счет расширения возможностей для участия в политике (популяризация)¹. Похожая логика стоит за индексом демократизации Т. Ванханена (первоначальное название до середины 1980-х гг. – «индекс распределения власти»): демократия представляет собой механизм распределения ресурсов, который предполагает, с одной стороны, соперничество элитных групп (центров влияния), с другой, влияние на него широкого круга рядовых членов сообщества [29].

Из двух измерений, предлагаемых Р. Далем и Т. Ванханеном, первое, партийная конкуренция, в нашем случае может быть принята сравнительно легко, тогда как второе, участие граждан, проблематично и требует дополнительного обсуждения.

Прежде всего, в случае региональных выборов в России показатели конкуренции (эффективного числа партий М. Лааксо и Р. Таагеперы [25]) и участия в выборах обнаруживают между собой значимую отрицательную корреляцию (см. рис. 1)². Одновременно значимая положительная корреляция обнаруживается между показателями конкуренции (эффективного числа партий) с одной стороны и долей голосов «против всех» и недействительных бюллетеней – с другой.

---

¹ В изучении политических переходов и гибридных режимов похожую схему предлагают Г. О’Доннел и Ф. Шмиттер [26, 6-14], которые также различают измерения либерализации и демократизации, но немного по-другому проводят разделение между ними.

² Корреляция составляет, соответственно, -0,25 для выборов глав регионов в 1995–2004 гг. (160 случаев) и -0,46 для выборов законодательных собраний по партийным спискам в 2003–2015 гг. (158 случаев). Из расчетов исключены выборы, проходившие одновременно с национальными (президентскими, думскими).

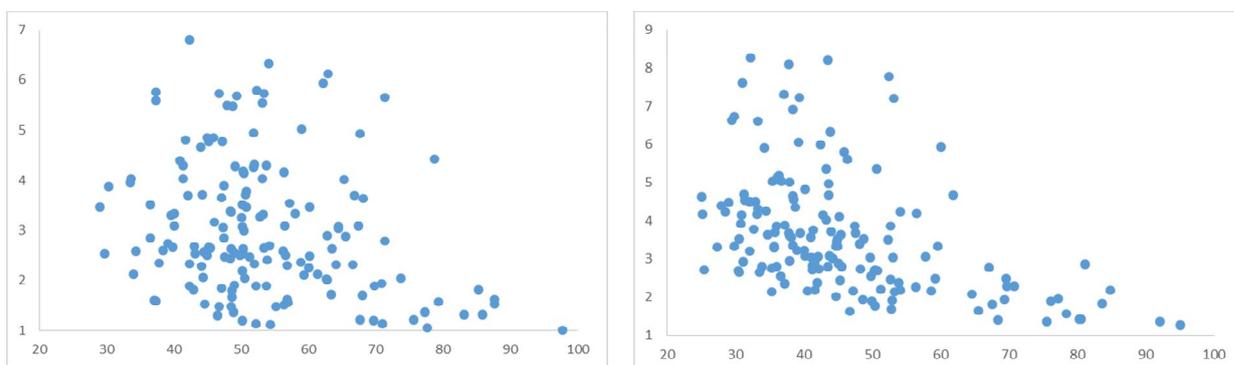

Рис. 1. Соотношение между показателями явки и конкуренции (эффективного числа партий):

А) Выборы глав регионов, 1995–2005 гг.

Б) Выборы законодательных собраний по партийным спискам, 2003–2015 гг.

Значимые статистические взаимосвязи показателей конкуренции и явки, конкуренции и порчи бюллетеней («против всех», недействительные) подсказывают логичное, казалось бы, решение: отказаться от второго измерения индекса, признать, что показатели явки и порчи бюллетеней не имеют самостоятельного значения. Такой вывод, однако, будет преждевременным. Самостоятельный смысл индикаторов, связанных с показателями неявки (абсентеизма) и порчи бюллетеней, обнаруживается, как будет показано, в динамике, во временной развертке 2000-х гг., когда политическая конкуренция была заметно ограничена как на общенациональном, так и на региональном уровнях. В такой ситуации абсентеизм и порча бюллетеней оказываются двумя главными способами выразить свое недовольство авторитарным поворотом, резко сократившим набор доступных для избирателя альтернатив. Жители разных регионов, как покажет дальнейший анализ, воспользовались такой «обратной связью» в очень неравной мере.

Названный сюжет, включающий в себя авторитарные тенденции на уровне структурных правил и более или менее заметное недовольство на уровне массовых реакций избирателей, позволяет уточнить, что именно замеряет предлагаемый индекс. Измерение индекса, оценивающее уровень конкуренции на выборах, независимо от конкретного индикатора, в большей мере зависит, как можно предположить, от структурных условий, то есть от сложившегося в регионе (стране) распределения ресурсов между политико-экономическими группами и от правил, по которым они соревнуются. В свою очередь, второе измерение индекса оценивает, в основном, отношение граждан к сложившимся структурным условиям, как оно проявляется в поведении

на выборах, в том числе в участии или неучастии в них. Аналогичную задачу, изучение установок и ориентаций по отношению к политическим объектам, решало в свое время классическое исследование Г. Алмонда и С. Вербы, в котором этот набор установок определялся как «политическая культура» [1, 25–34].

Г. Алмонд и С. Верба обращают внимание, что политическая культура может находиться в разных отношениях со структурными характеристиками политического режима, быть гармонизированной (конгруэнтной) с ними или, наоборот, рассогласованной [1, 38–39]. Гармонизированность (конгруэнтность) между политической структурой и политической культурой служит условием массовой лояльности политическому режиму, а рассогласование между ними, типичное для ситуации политических изменений, создает установки безразличия или отчуждения [40–41]. Относительно второго измерения предлагаемого индекса корректнее всего будет сказать, что им измеряется именно степень рассогласования между структурными условиями режима и политико-культурными установками. Такое рассогласование само по себе не является ни «демократическим», ни «антидемократическим» и может быть оценено только в паре со структурными характеристиками режима. В ситуации электорального авторитаризма [5] такое рассогласование можно оценить, с оговорками, как косвенный признак демократических установок, – конечно, лишь в первом приближении, требующем, по возможности, дополнительных подтверждений (например, данными массовых опросов)¹.

Возможности избирателя реагировать на политическую ситуацию сводятся, в конечном счете, к трем вариантам: 1) прийти на выборы и проголосовать за одну из партий (кандидатов); 2) прийти на выборы и высказаться против предложенных альтернатив (то есть выбрать вариант «против всех», если он предусмотрен, или испортить бюллетень); 3) не пойти на выборы. Такой набор действий может быть сопоставлен с описанными А. Хиршманом [17] тремя возможными реакциями потребителя на рынке (или как частный случай гражданина и избирателя): «лояльность» (loyalty), «протест» (voice) и «уход» (exit)²

---

¹ Относительно неявки и порчи бюллетеней как формы протеста (в частности, антиавторитарного) стоит еще заметить, что они особенно значимы в странах с низким социальным капиталом, низким гражданским участием, то есть политически пассивными и разобщенными жителями, – ситуация, типичная для посткоммунистических стран (в том числе России) на рубеже 1990–2000-х гг. [18]. Такой тезис предполагает, что в перспективе неявка и порча бюллетеней должны будут уйти на второй план, уступая место более сложным организованным формам протеста.

² В переводе Б. Пинскера [17], соответственно, «верность», «голос» «выход». Здесь выбран вариант перевода, ранее предложенный В. Гельманом [2].

Модель А. Хиршмана предполагает, в общем случае, что при ухудшении ситуации, при несогласии с политикой какой-либо организации (фирмы, страны и т.д.), недовольные члены организации в какой-то момент попытаются сделать что-либо, чтобы изменить ситуацию («протест»), а затем, если ничего не получится, прекратят свою связь с ней («уход») [17, 85–86]. При этом, однако, сама возможность «ухода», как правило, уменьшает вероятность, что будет использован «протест»; чаще всего «протест» играет значимую роль лишь тогда, когда «уход» оказывается невозможным [17, 39–41, 48–63]. Предлагаемая здесь операционализация схемы трех реакций А. Хиршмана отличается от его собственной трактовки, в которой под политическим «уходом» подразумевались, в зависимости от масштаба, эмиграция в другую страну или переход в другую партию [17, 104–108]. Представленный вариант, на мой взгляд, тоже можно считать обоснованным, если за объект лояльности, протеста или ухода принять не конкретную корпорацию (государство, партию), а политический режим как набор всех «системных» политических сил и тех правил, которые они установили для себя и для граждан. В таком случае отказ от участия в выборах, представляющих из себя основной механизм воспроизводства и/или обновления режима, должен быть определен как политический «уход», а участие в выборах с одновременным отказом от всех альтернатив, предлагаемых режимов – как протест, выражение недовольства. Третья возможность, выбор в пользу одной из системных партий (кандидатов), может считаться проявлением лояльности независимо от характера выборов, насколько они были конкурентными или, наоборот, с доминированием одной политической силы, поскольку в рассматриваемой модели конкурентность (плюрализм) представляет собой другое, относительно независимое, измерение демократии.

Индекс демократии: структура и методика расчета

В итоге получается индекс из двух основных переменных, конкуренции и «обратной связи», в которых общая логика двухмерной модели основана на идеях Р. Даля и Т. Ванханена [6; 28; 29; 30], а определение и операционализация второй переменной («обратная связь») использует также аргументы Г. Алмонда и С. Вербы и А. Хиршмана [1; 17] (рис. 2).

Рис. 2. Индекс демократии: общая структура и операционализация

Все показатели индекса переводятся в баллы по «школьной» пяти-балльной шкале, которая была составлена таким образом, чтобы отразить разнообразие условий (и, как следствие, разброс электоральных показателей) на национальных и региональных выборах в России 1990–2010-х гг. (см. Приложение). Итоговые значения индекса рассчитывались по формуле

$$I = \overline{\text{CONTEST}} \times \frac{\text{VOICE} + \text{EXIT}}{2},$$

где CONTEST – оценка конкуренции (на основе эффективного числа партий М. Лааксо и Р. Таагеперы [25]), VOICE – оценка «протеста» (по доле голосов «против всех» и недействительных бюллетеней), EXIT – оценка «выхода» (неучастия в выборах).

В связи с предложенной методикой оценки стоит обсудить еще два важных момента: 1) в какой мере индекс может основываться на имеющихся данных электоральной статистики без каких-либо поправок на возможные административные искажения и 2) при каких условиях индекс, рассчитанный по такой схеме, можно считать релевантным его основной задаче, оценка демократии и авторитаризма.

Искажение (фальсификация) результатов голосования в предложенной схеме рассматривается как одно из структурных условий, которое влияет на итоговую оценку и отражается в ней. Добавление административными методами (приписки, вброс бюллетеней, «карусели», принудительное участие в выборах) голосов за правящую партию или инкумбента неизбежно снижают показатели конкурентности выборов. Те же методы, как правило, увеличивают зафиксированный уровень явки и снижают долю испорченных бюллете-

ней, то есть снижают оценку региона по второму измерению индекса («обратная связь»). Мысленный эксперимент с двумя регионами с предположительно одинаковыми результатами «настоящего» голосования, но разной интенсивностью использования административных манипуляций, показывает, что регион, в котором администрация более склонна к искажению результатов, получит «на выходе» более низкую оценку индекса демократии, что в целом справедливо.

Относительно пограничных условий для применения индекса можно предположить, в первом приближении, что в предложенном виде (произведение оценок конкуренции и обратной связи) он подходит, прежде всего, к ситуациям устойчивого авторитаризма, перехода к авторитаризму и выходу из него (в частности, к посткоммунистическому демократическому переходу)¹. В случае устойчивой демократии и/или перехода к ней исходное допущение индекса, что реакции отчуждения и безразличия можно считать «демократическими», повышающими оценку, перестает быть адекватным оцениваемой ситуации. Можно, однако, рассматривать индекс в более общем виде как набор из двух переменных, одна из которых оценивает демократию в минималистском (шумпетеровском) понимании, а другая – степень согласованности структурных условий (режима) и политических установок (культуры). В таком варианте вместо одномерной шкалы, предназначенной для относительно небольшого ряда случаев, мы получаем двухмерную систему координат, которая уже не дает однозначной оценки «лучше – хуже» («больше – меньше»), но взамен позволяет анализировать предельно широкий набор ситуаций.

Динамика демократии и авторитаризма в 1990–2010-е гг.

Значения индекса демократии по предложенной схеме были рассчитаны для нескольких ключевых точек, относящихся к разным электоральным циклам: 1997, 2001, 2004, 2009, 2012, 2015 гг. Общее значение индекса, в том

---

¹ Предыдущая версия индекса («инструментальный рейтинг» Московского центра Карнеги) в начале 2000-х гг. исходила из предположения, что «переход от советской административно-командной модели выборов к нормальной демократической модели [выборов] в регионах уже почти завершен» [27, 249–250] или, другими словами, что в России закончился «электоральный переход», во время которого низкая явка была косвенным признаком демократизации, и теперь «система функционирует в колебательном режиме» [10, 303]. Такая позиция, независимо от ее обоснованности на тот момент времени, не учитывала возможность последующего авторитарного перехода 2000-х гг. В 2000–2010-е гг., как было показано выше, между уровнем конкуренции (как показателем демократии) и абсентеизмом обнаруживается значимая статистическая связь.

числе рассчитанные отдельно для национального (федерального) и регионального уровня выборов, в первом приближении подтверждают гипотезу об относительной демократизации на региональном уровне в периоды 1997–2001 и 2001–2004 гг., которая затем, с усилением авторитарных тенденций на национальном уровне, заметно пошла на спад (табл. 1)¹.

Таблица 1

Средние значения индексов демократии на федеральном (по регионам) и региональном уровне, 1997–2015 гг.

Год	Общий индекс	Федеральный индекс	Региональный индекс
1997	9,6	12,5	6,0
2001	9,3	9,6	9,0
2004	11,6	10,6	12,3
2009	6,8	4,5	9,0
2012	7,4	8,1	6,6
2015	7,2	8,1	6,3

Более содержательное представление о тенденциях последних двух десятилетий дает анализ по двум измерениям индекса (конкуренция и обратная связь). Самые заметные, в таком масштабе, сдвиги происходили в период 2001–2004 гг., когда существенное сокращение конкуренции сопровождалось заметным проявлением недовольства (обратной связи), и затем в 2004–2009 гг., когда сокращались одновременно конкуренция и обратная связь, каким-то образом подавленные или нейтрализованные. Тенденции последних лет, относительное увеличение конкуренции к 2012 г. и падение конкуренции с усилением «обратной связи» в 2012–2015 гг., выглядят, на общем фоне, менее значительными (рис. 3).

Картина усложняется на следующем шаге детализации, когда мы переходим от обобщенных значений индекса к оценкам на федеральном и региональном уровне в отдельности (рис. 4). Федеральная траектория в основном повторяет только что описанную, с той лишь разницей, что все тенденции с

¹ При содержательной интерпретации значений индекса надо иметь в виду, что оценки за каждый год рассчитываются по последним выборам данного типа (федеральные, региональные, исполнительной, законодательной власти) в данном регионе, включая выборы, проходившие тремя-четырьмя годами раньше. Все оценки, таким образом, надо понимать как консервативные, относящиеся не столько к текущему состоянию, сколько к предшествующему периоду.

1995–1996 по 2011–2012 гг., в том числе рост показателей конкуренции в последнем избирательном цикле, выражены более отчетливо. В свою очередь, «маятник» оценок на региональном уровне сводится, в самом общем виде, к росту общей конкурентности выборов в период 1997–2004 гг. и сокращению конкуренции в 2004–2015 гг.; в последний период 2012–2015 гг. – одновременно с ростом «обратной связи». Таким образом, большую часть оцениваемого периода траектории на федеральном и региональном уровне оказываются разнонаправленными, за исключением 2004–2009 гг., когда снижение конкуренции и обратной связи отмечалось на обоих уровнях сразу.

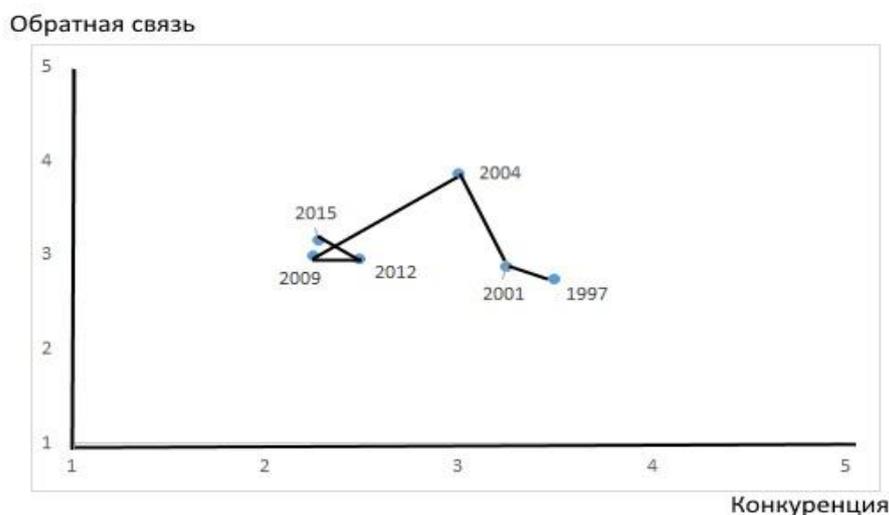

Рис. 3. Переменные конкуренции и обратной связи, 1997–2015 гг.

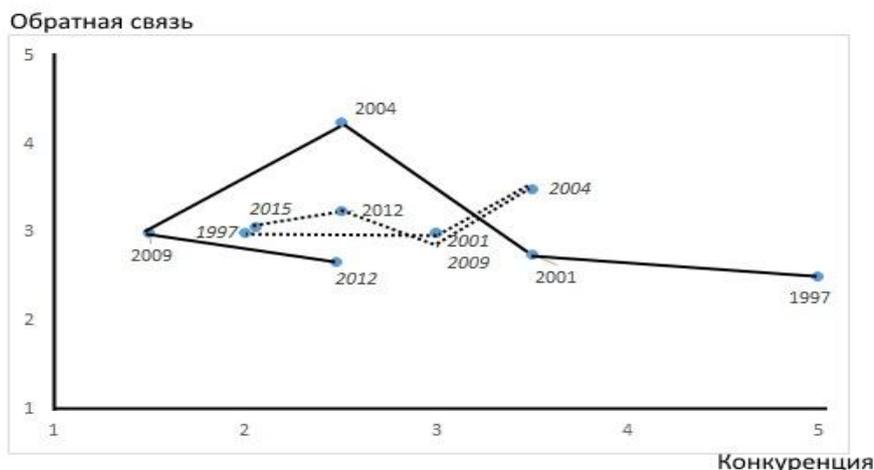

Рис. 4. Переменные конкуренции и обратной связи для выборов национального и регионального уровня, 1997–2015 гг.

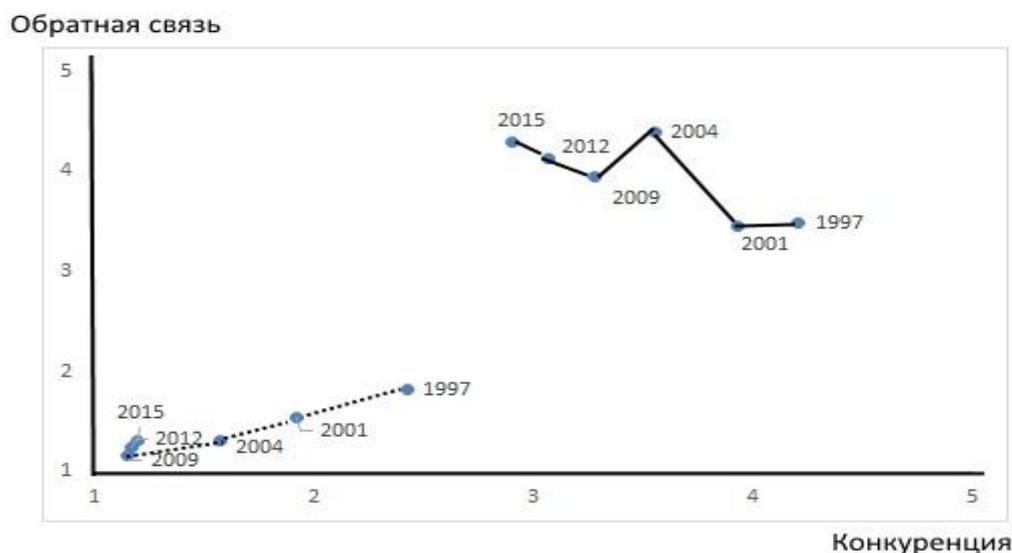
Следующий слой анализа требует перехода от суммарных значений индекса по всему массиву регионов к оценкам по отдельным регионам. Приведенные в статье группы регионов – «верхняя» и «нижняя» десятки (приложение 2) позволяет, во-первых, оценить относительную устойчивость списка регионов с самыми высокими и самыми низкими значениями индекса (вторая группа оказывается более устойчивыми, с высокой преемственностью от года к году, первая, наоборот, более размытой), во-вторых, сравнить траектории обеих групп в координатах «конкуренция – обратная связь»¹.

Сравнение верхней и нижней десятки регионов обнаруживает, что в обоих случаях в период 1997–2015 гг. средние оценки конкурентности выборов все время снижались, однако реакция на сокращение возможностей для конкуренции была прямо противоположной². В регионах верхней десятки показатели обратной связи с начала 2000-х гг. растут (кроме периода 2004–2009 гг.), а в регионах нижней десятки, наоборот, в 2000-х гг. снизились до минимума и в 2010-е гг. колеблются на этом минимальном уровне (рис. 5).

---

¹ Более подробный анализ, касающийся отдельных регионов, будет иметь дело уже не только с общими тенденциями, имеющими содержательное значение, но и с более случайными обстоятельствами. В частности, первое место Пермского края в списке 2015 г., обусловлено, в значительной мере, отложенными на более поздний срок выборами главы региона, которые, скорее всего, снизят суммарную оценку. Ближайшие соседи по таблице, имевшие в 2012–2014 гг. более высокое или равное значение индекса (Московская, Смоленская, Архангельская области), понизили свою оценку именно в связи с губернаторскими выборами, конкуренция на которых в 2010-х гг., как правило, низкая.

² Под «реакцией» имеет смысл понимать не реакцию только избирателей, но и региональных органов управления. Соображения, связанные с административными манипуляциями в регионах существенно разными по интенсивности, оказываются особенно актуальными при сравнении контрастных групп регионов с самыми высокими и самыми низкими значениями индекса.

Примечание. Сплошная линия – регионы первой десятки, пунктирная линия – регионы последней десятки

Рис. 5. Переменные конкуренции и обратной связи для регионов с самыми высокими (первая десятка) и самыми низкими (последняя десятка) суммарными значениями индекса, 1997–2015 гг.

Таким образом, расчеты на основе предложенного индекса демократии в основном подтверждают, с рядом уточнений, гипотезу о кратковременной демократизации региональных политических режимов в России первой половины 2000-х гг. Эта временная тенденция не коснулась регионов, имевших на начало 2000-х гг. самые высокие значения индекса. Точно так же она не затронула регионы с самыми низкими оценками, где авторитарные режимы оказались достаточно прочными, чтобы не «открыться» даже под давлением федеральной власти и крупных корпораций. В дальнейшем, начиная с середины 2000-х гг., конкуренция на региональных выборах постоянно снижалась, даже частичная либерализация законодательства в начале 2010-х гг. (в частности, увеличение количества партий) не повлияла на эту тенденцию сколько-нибудь заметным образом. Одновременно в регионах с более высокими оценками индекса увеличивались показатели «обратной связи», свидетельствующие о недовольстве жителей этих регионов нарастающими авторитарными тенденциями.

Возможности и ограничения индекса (Россия и Украина)

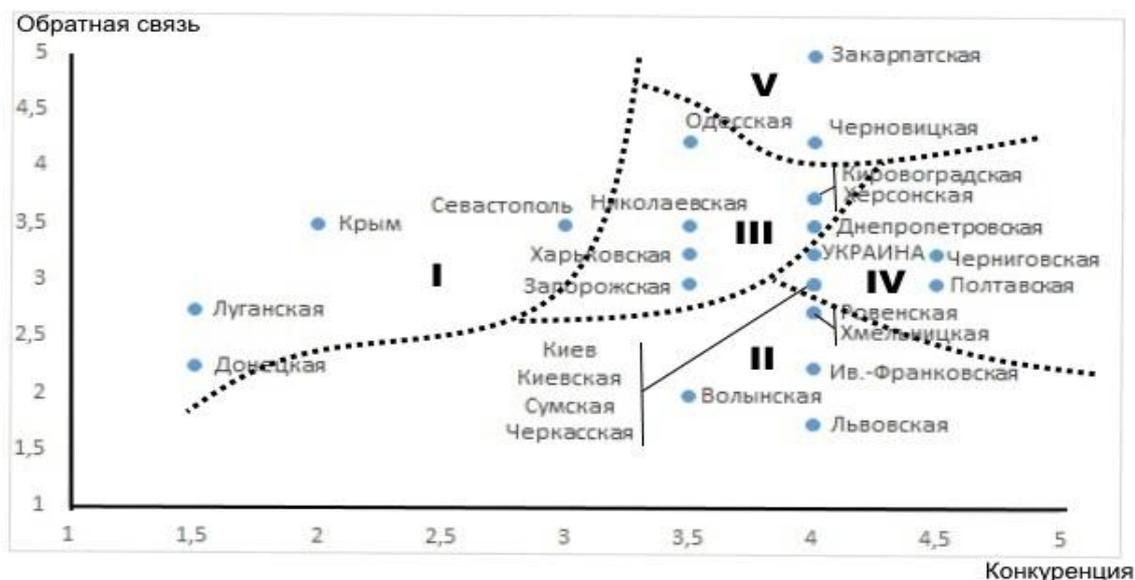
В обсуждении, как может быть использован индекс демократии в будущих исследованиях, имеет смысл затронуть два направления, выводящие его за рамки изначальной области применения (региональные политические режимы в России).

Одно из них, перенос индекса на субрегиональный уровень, оценку городов и районов, можно считать уже открытым, хотя бы в виде единичных пробных исследований. Опыт расчета индекса для городов и районов Пермского края показывает, что его результаты, с одной стороны, в основном отвечают представлениям здравого смысла экспертов (на верхних строчках – Пермь с городами спутниками, на нижних – аграрные районы южной части края и Коми-Пермяцкого автономного округа). С другой, привлекают внимание интересные случаи, заслуживающие дополнительного анализа: это, прежде всего, индустриальные моногорода (Александровск, Березняки, Чайковский) с самыми неустойчивыми значениями индекса [16]).

Второе направление – возможность применения индекса к территориальным единицам других стран бывшего СССР – выглядит намного более проблемной, с более сложными препятствиями, – и именно поэтому более важной и, с исследовательской точки зрения, более перспективной. В качестве первого опыта такого сравнительного исследования логично будет выбрать Украину как страну по многим показателям (социально-демографическим, культурным, политическим) самую близкую к российскому случаю. Важные содержательные проблемы с использованием индекса и интерпретацией его показателей обнаруживаются буквально на первом шаге исследования. Расчет индекса по данным национальных выборов 1998–2014 гг. обнаруживает здесь тип регионов с высокими показателями конкуренции и низкими показателями обратной связи, в который попадают западно-украинские области: Львовская, Ивано-Франковская, Волынская и др. (рис. 6)¹. В России регионы такого типа не встречались даже в период относительно высокой конкуренции на выборах конца 1990–начала 2000-х гг. (рис. 7).

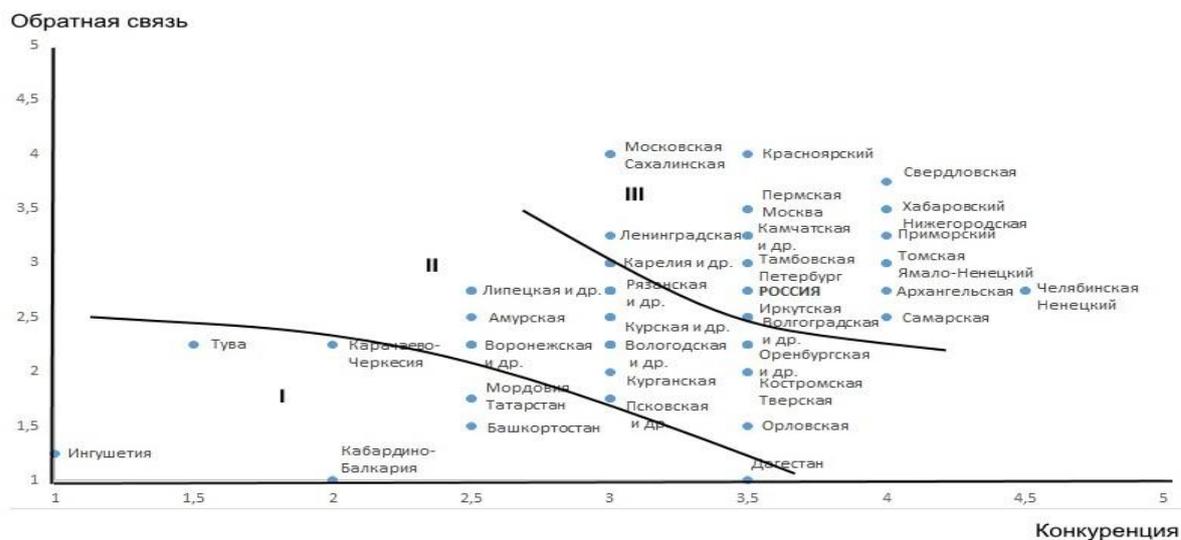
---

¹ Расчеты по областям Украины выполнены Е. А. Ивановым (Лаборатория методологии оценки регионального развития Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ, г. Москва).

I – Донбасс, Крым; II – Запад; III – Юго-Восток; IV – Центр; V – Закарпатье.

Рис. 6. Значения индекса по регионам Украины по результатам национальных выборов 2010–2012 гг.

I – наименее демократические регионы; II – средняя группа регионов; III – наиболее демократические регионы

Рис. 7. Значения индекса по регионам России по результатам национальных выборов 2010–2012 гг.

Предложенное сравнение с Украиной, будучи лишь предварительным, «разведочным», позволяет наметить на будущее два значимых, как мне кажется, сюжета.

Во-первых, мы можем перейти от методического вопроса о границах использования индекса к содержательному: о возможности «ядер» демократической консолидации на субнациональном уровне. Условия применения индекса выше были описаны следующей схемой: использовать можно для стран авторитарного или поставторитарного перехода (в том числе посткоммунистического) и спорно - для стран устойчивой демократии (кроме случаев субнационального авторитаризма). Украину 2000–2010-х гг. трудно отнести к устойчивым демократиям, однако количественный анализ по двум переменным индекса обнаруживает в ней тип регионов, сочетающих высокий уровень политической конкуренции с большой лояльностью локальному режиму (высокая явка, небольшая доля испорченных бюллетеней). Формула расчета индекса предполагает, что относящиеся к этому типу западные области должны оцениваться как менее демократические по сравнению с областями центральной и южной Украины, где уровень конкуренции примерно такой же или ниже, но больше выражены признаки рассогласования («обратной связи») (рис. 7)¹. С содержательной точки зрения такое решение, однако, не выглядит убедительным; по крайней мере, не видно каких-либо решающих доводов в его пользу. Полезнее было бы найти регионы такого же типа (высокие конкуренция и лояльность) в других посткоммунистических странах, изучить их реакцию на демократические и авторитарные переходы, их роль в этих переходах.

Во-вторых, по показателям двух измерений индекса (конкуренция и обратная связь), Украина в последние полтора-два десятилетия остается сопоставимой с Россией 1990-х гг. Сценарий, аналогичный российским 2000 г., с консолидацией режима и доминированием одной политической силы, по крайней мере нельзя исключать. Как проявят себя в этом случае регионы Украины с разной политической культурой (см. рис. 3) – вопрос, который уже сейчас можно задать в порядке «альтернативной истории» или предварительного прогноза.

---

¹ По расчетам Е. А. Иванова, по итогам национальных выборов 2010-2012 гг. самые высокие значения индекса, рассчитанного «как для России», получили бы полиэтнические Закарпатская и Черновицкая области; по итогам цикла выборов 2014 г. – юго-восточные Николаевская, Одесская и Запорожская области.

Шкала перевода в баллы для расчета индекса демократии

А) Конкуренция (число эффективных партий М. Лааксо и Р. Таагеперы)

Баллы / Значения	Президент	Государственная дума	Главы регионов	Законодательные собрания
5	Св. 3,5	Св. 8	Св. 5	Св. 5
4	Св. 3 – 3,5	Св. 5 - 8	Св. 4 - 5	Св. 4 - 5
3	Св. 2,5 – 3	Св. 3 - 5	Св. 3 - 4	Св. 3 - 4
2	Св. 2 – 2,5	Св. 2 -3	Св. 2 -3	Св. 2 -3
1	До 2	До 2	До 2	До 2

Б) Участие в выборах

Баллы / Значения	Президент	Государственная дума	Главы регионов*	Законодательные собрания*
5	До 60	До 55	До 40	До 35
4	60 – 65	55 - 60	40-50	35 – 40
3	65 – 70	60 - 65	50-55	40 – 50
2	70 – 75	65-70	55-65	50-60
1	Св. 75	Св. 70	Св. 65	Св. 60

* Без учета выборов, совмещенных с общероссийскими

В) Протест (доля голосов «против всех» и недействительных бюллетеней)

Баллы / Значения	Президент*	Государственная дума *	Главы регионов*	Законодательные собрания*
5	Св. 5	Св. 7	Св. 15	Св. 20
4	Св. 4 – 5	Св. 6 – 7	12,5 - 15	15-20
3	Св. 3 – 4	Св. 5 – 6	7,5 – 12,5	12,5 – 15
2	Св. 2 – 3	Св. 4 - 5	5 – 7,5	7,5 – 12,5
1	До 2	До 4	До 5	До 7,5

* Начиная с 2007-2008 гг. к показателю «доля недействительных бюллетеней» добавляется коэффициент перевода $\times 3,15$ – для президентских выборов, $\times 4,3$ – для думских, $\times 4,6$ – для региональных. Коэффициенты перевода получены из сравнения последних выборов перед отменой графы «против всех» и первых выборов после ее отмены (по каждому типу выборов отдельно).

Регионы с самыми высокими и самыми низкими значениями индекса демократии, 1997–2015 гг.

А) Регионы с самыми высокими значениями индекса

1997		2001		2004	
Свердловская	17,8	Нижегородская	16,9	Сахалинская	17,8
Камчатская	16,0	Приморский	16,3	Нижегородская	16,4
Удмуртия	15,8	Свердловская	14,5	Волгоградская	15,8
Мурманская	15,2	Ленинградская	14,4	Тульская	15,8
Сахалинская	15,0	Камчатская	14,3	Приморский	15,5
Читинская	14,6	Московская	14,0	Свердловская	15,3
Хакасия	14,1	Ставропольский	12,0	Владимирская	15,0
Пермская	14,1	Тамбовская	11,3	Калужская	15,0
Калининградская	13,8	Иркутская	11,0	Томская	14,9
Саха (Якутия)	13,5	Рязанская	10,9	Ульяновская	14,5
Московская					
Тюменская					

2009		2012		2015	
Магаданская	14,1	Московская	15,3	Пермский	14,2
Калининградская	13,8	Пермский	14,2	Московская	12,7
Самарская	13,6	Сахалинская	13,1	Смоленская	12,4
Карелия	13,1	Еврейская	13,1	Забайкальский	12,0
Ярославская	12,8	Хабаровский	12,8	Иркутская	12,0
Пермский	12,7	Приморский	12,2	Новосибирская	12,0
Тверская	12,7	Ярославская	12,0	Амурская	11,6
Рязанская	12,3	Мурманская	11,8	Еврейская	11,6
Приморский	12,0	Смоленская	11,7	Бурятия	11,4
Ленинградская	11,6	Калининградская	11,6	Карелия	11,4
		Новосибирская			

Б) Регионы с самыми низкими значениями индекса

1997		2001		2004	
Пензенская	5,5	Башкортостан	3,9	Башкортостан	3,4
Москва	5,3	Северная Осетия	3,9	Тува	3,3
Дагестан	5,0	Дагестан	3,5	Ингушетия	3,1
Курская	4,8	Орловская	3,4	Орловская	2,8
Татарстан	4,8	Чукотский	3,3	Чукотский	2,8
Ингушетия	4,8	Мордовия	2,8	Татарстан	2,0
Саратовская	4,5	Татарстан	2,4	Дагестан	1,5
Северная Осетия	3,3	Ингушетия	2,1	Мордовия	1,3

Орловская	3,1	Тува	2,0	Чеченская	1,3
Кабардино-Балкария	3,0	Кабардино-Балкария	1,5	Кабардино-Балкария	1,0

2009		2012		2015	
Кемеровская	1,9	Кемеровская	2,6	Кемеровская	2,6
Дагестан	1,5	Тува	1,9	Мордовия	1,6
Татарстан	1,5	Дагестан	1,5	Башкортостан	1,6
Чеченская	1,5	Чеченская	1,5	Дагестан	1,5
Ростовская	1,5	Башкортостан	1,4	Чеченская	1,5
Башкортостан	1,3	Татарстан	1,4	Ямало-Ненецкий	1,5
Ингушетия	1,0	Кабардино-Балкария	1,1	Тува	1,4
Кабардино-Балкария	1,0	Мордовия	1,1	Татарстан	1,1
Карачаево-Черкесия	1,0	Ингушетия	1,0	Ингушетия	1,0
Мордовия	1,0	Карачаево-Черкесия	1,0	Карачаево-Черкесия	1,0

Библиографический список

1. Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура: Политические установки и демократия в пяти странах. М., 2014.
2. Гельман В. Я. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // Полис. 2004. № 4. С. 52—69.
3. Гельман В. Я. Динамика субнационального авторитаризма: Россия в сравнительной перспективе. СПб, 2008.
4. Гельман В. Я., Рыженков С. И., Бри М. (ред.). Россия регионов: трансформация политических режимов. М., 2000.
5. Голосов Г. В. Электоральный авторитаризм в России // Pro et Contra. 2008. № 1. С. 22—35.
6. Даль Р.А. Полиархия: участие и оппозиция. М., 2010.
7. Демократический аудит регионов: предварительные результаты / Ин-т «Общественная экспертиза». М., 2006. URL: <http://www.freepress.ru/publish/publish043.shtml>.
8. Кузьмин А. С., Мелвин Н. Дж., Нечаев В. Д. Региональные режимы в постсоветской России: опыт типологизации // Полис. 2002. № 3. С. 142—155.
9. Нечаев В. Д. Территориальная организация местного самоуправления в регионах России: генезис и институциональные эффекты. Курск, 2000.

10. *Петров Н. В.* Голосования 1989–1997 гг.: общие закономерности // Макфол М., Петров Н. В. (ред.). Политический альманах России 1997. Т.1 Выборы и политическое развитие. М., 1998. С. 302–365.
11. *Петров Н. В.* Демократичность регионов России // Брифинг Московского Центра Карнеги. Т. 7. вып. 9 (Октябрь 2005).
12. *Петров Н. В., Титков А. С.* Индекс демократичности // Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? / Независимый ин-т социальной политики. М., 2005. С. 84–86.
13. *Петров Н. В., Титков А. С.* Рейтинг демократичности регионов Московского Центра Карнеги: 10 лет в строю. М., 2013.
14. *Пшевворский А.* Демократия и рынок: Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 1999.
15. Региональные политические поля России: сравнительный анализ (26 января 2006) / Семинар «Полития». URL: http://www.politeia.ru/politeia_seminar/10/42.
16. *Титков А.С.* Индекс демократии на региональном и субрегиональном уровне // Методология и теория исследований в локальной политике / Пермский научный центр УрО РАН. Пермь, 2014. С. 8–24.
17. *Хиришман А. О.* Выход, голос и верность: реакция на упадок фирм, организаций и государств. М, 2009.
18. *Ховард М. М.* Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. М., 2009.
19. *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М., 1995
20. *Яковенко И. А.* Демократический аудит России: Анализируем уровень свободы и демократии в российских регионах // Новая газета. 2005. 12 дек.
21. *Gervasoni C.* Measuring Variance in Subnational Regimes: Results from an Expert-Based Operationalization of Democracy in the Argentine Provinces // Journal of Politics in Latin America. 2010. 2 (2). P. 3–52.
22. *Gibson E. L.* Boundary Control: Subnational Authoritarianism in Democratic Countries // World Politics. 2005. 58 (1). P 101–132.
23. *Giraudy A.* Varieties of Subnational Undemocratic Regimes: Evidence from Argentina and Mexico // Studies in Comparative International Development. 2013. 48 (2). P. 51–80.
24. *Giraudy A.* The Politics of Subnational Undemocratic Regime Reproduction in Argentina and Mexico // Journal of Politics in Latin America. 2 (2). P. 53–84.
25. *Laakso M., Taagepera R.* Effective Number of Parties: A Measure with Application to Western Europe // Comparative Political Studies. 12 (1). P. 3–27.
26. *O'Donnell G. and Schmitter P.* Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore, London, 1986

27. *Petrov N.* Regional Models of Democratic Development // McFaul M., Petrov N., Ryabov A. (eds). *Between Dictatorship and Democracy: Russian Post-Communist Political Reform* / Carnegie Endowment for International Peace. Washington, 2004. P. 239–267.
28. *Vanhanen T.* Construction and Use of an Index of Democratization // D. Westendorff, D. Ghai (eds.). *Monitoring Social Progress in the 1990s: Data Constraints, Concerns and Priorities*. Avebury, 1993. P. 301–321.
29. *Vanhanen T.* Polyarchy Dataset Manuscript / International Peace Research Institute. Oslo, 2000. URL: <http://www.prio.no/Data/Governance/Vanhanens-index-of-democracy/Polyarchy-Dataset-Manuscript>
30. *Vanhanen T.* *Democratization: A Comparative Analysis of 170 Countries*. London, New York, 2003.

THE DEMOCRACY INDEX FOR RUSSIAN REGIONS: DYNAMICS FROM 1990s TO 2010s

A.S. Titkov

Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor at the Faculty of Social Sciences, Senior Research Fellow in the Laboratory for Methodology of Regional Development Evaluation, NRU Higher School of Economics, Moscow

Evaluation of the sub-national level democracy in the context of the post-communist transition calls for tools relevant to this specific case. In the article a new index is suggested for evaluating democratic and authoritarian trends in post-communist Russia at the sub-national level; N. Petrov's hypothesis about partial democratization in authoritarian regions during early 2000s is verified. The article presents the index structure, its theoretical argumentation (concepts of R. Dahl, T. Vanhanen, G. Almond and S. Verba, A. Hirschman), methods of calculation, and general results and conclusions for the period from 1997 to 2015. Prospects and limitations of the democracy index proposed are discussed through the example of Ukraine.

Keywords: democracy index; post-communist transition; Russia; Ukraine; regions; electoral competition; political culture.

References:

1. *Almond G. A., Verba S.* *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Moscow, 2014. (In Rus.).
2. *Dahl R. A.* *Polyarchy: Participation and Opposition*. Moscow, 2010. (In Rus.).

3. Democratic Audit of Regions: Preliminary Results. “Public Expertise” Institute. Moscow, 2006. Available at: <http://www.freepress.ru/publish/publish043.shtml>. (In Rus.).
4. *Gel'man V.Ya.* The Dynamics of Sub-National Authoritarianism: Russia from the Comparative Perspective. St. Petersburg, 2008. (In Rus.).
5. *Gel'man V.* Political Opposition in Russia: A Dying Species? *Polis. Political Studies*. 2004. № 4. P. 52–69. (In Rus.).
6. Russia of Regions: Political Regimes in Transition. Ed. by V. Gel'man, S. Ryzhenkov, and M. Brie. Moscow, 2000. (In Rus.).
7. *Gervasoni C.* Measuring Variance in Subnational Regimes: Results from an Expert-Based Operationalization of Democracy in the Argentine Provinces. *Journal of Politics in Latin America*. 2010. № 2(2). P. 3–52. (In English).
8. *Gibson E.L.* Boundary Control: Subnational Authoritarianism in Democratic Countries. *World Politics*. 2005. № 58 (1). P. 101–132. (In English).
9. *Giraudy A.* The Politics of Subnational Undemocratic Regime Reproduction in Argentina and Mexico. *Journal of Politics in Latin America*. № 2(2). P. 53–84. (In English).
10. *Giraudy A.* Varieties of Subnational Undemocratic Regimes: Evidence from Argentina and Mexico. *Studies in Comparative International Development*. 2013. № 48(2). P. 51–80. (In English).
11. *Golosov G.V.* Electoral Authoritarianism in Russia. *Pro et Contra*. 2008. №1. P. 22–35. (In Rus.).
12. *Hirschman A.O.* Exit, Voice and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations and States. Moscow, 2009. (In Rus.).
13. *Howard M.M.* The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe. Moscow, 1999. (In Rus.).
14. *Kuzmin A.S., Melvin N., Nechayev V.D.* Regional Political Regimes in Post-Soviet Russia: an Essay of a Typology. *Polis. Political Studies*. 2002. № 3. P. 142–155. (In Rus.).
15. *Laakso M., Taagepera R.* Effective Number of Parties: A Measure with Application to Western Europe. *Comparative Political Studies*. 12 (1). P. 3–27. (In English).
16. *Nechayev V.D.* Territorial Organization of Local Government in Regions of Russia: Genesis and Institutional Effects. Kursk, 2000. (In Rus.).
17. *O'Donnell G. and Schmitter P.* Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore, London, 1986. (In English).
18. *Petrov N.V.* Polls in 1989 – 1997: General Regularities. *Political Almanac of Russia 1997*. Vol. 1. Elections and Political Development. Ed by M. McFaul, N. V. Petrov. Moscow, 1998. P. 302–365. (In Rus.).

19. *Petrov N.* Regional Models of Democratic Development. Between Dictatorship and Democracy: Russian Post-Communist Political Reform. Ed by M. McFaul, N. V. Petrov, A. Ryabov. Carnegie Endowment for International Peace. Washington, 2004. P. 239–267. (In English).
20. *Petrov N.V.* Democracy of Russian Regions. Carnegie Moscow Center Briefing Paper. Vol. 7. Iss. 9. October 2005. (In Rus.).
21. *Petrov N.V., Titkov A.S.* Index of Democracy. Russia of Regions: In What Kind of Social Space Do We Live? Independent Institute for Social Policy. Moscow, 2005. (In Rus.).
22. *Petrov N.V., Titkov A.S.* Carnegie Moscow Center's Rating of Democracy in Regions: 10 Years in Duty. Moscow, 2013. (In Rus.).
23. *Przeworski A.* Democracy and Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Moscow, 1999. (In Rus.).
24. Regional Political Fields of Russia: Comparative Analysis (January 26, 2006). Seminar 'Politeia'. Available at: http://www.politeia.ru/politeia_seminar/10/42. (In Rus.).
25. *Schumpeter J.A.* Capitalism, Socialism and Democracy. Moscow, 1995. (In Rus.).
26. *Titkov A. S.* Democracy Index at the Regional and Sub-Regional Level. Methodology and Theory of Studies in Local Politics. Perm Scientific Centre, Ural Division of the Russian Academy of Sciences. Perm, 2014. (In Rus.).
27. *Vanhanen T.* Democratization: A Comparative Analysis of 170 Countries. London, New York, 2003. (In English).
28. *Vanhanen T.* Construction and Use of an Index of Democratization. . Monitoring Social Progress in the 1990s: Data Constraints, Concerns and Priorities. Ed by D. Westendorff, D. Ghai. Avebury, 1993. P. 301–321. (In English).
29. *Vanhanen T.* Polyarchy Dataset Manuscript. International Peace Research Institute. Oslo, 2000. Available at: <http://www.prio.no/Data/Governance/Vanhanens-index-of-democracy/Polyarchy-Dataset-Manuscript>. (In English).
30. *Yakovenko I. A.* Democracy Audit of Russia: Analyzing Freedom and Democracy Level in Russian Regions. Novaya Gazeta. 2005. 12 December. (In Rus.).

УДК-323

МОЛОДЁЖНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ПРИЧИНЫ И ФОРМЫ

*С.Н. Чирун*¹

В статье рассматриваются такие научные категории, как молодёжный экстремизм и радикализм, а также дается сравнительный анализ научных подходов. Сегодня среди глобальных общественно-политических проблем молодёжный экстремизм занимает особое место. Велика опасность экстремизма не только для нашей страны, но и для всего международного сообщества. Экстремизм наносит существенный вред процессам политической социализации, оказывает значительное негативное влияние на «чувство защищенности» молодого человека, подрывая основания безопасности и стабильности общества и государства. По мнению автора, понятие «радикализм» является более приемлемым в научных работах, чем понятие экстремизм, поскольку последнее сегодня является инструментом стигматизации политических оппонентов и инструментом политической борьбы.

Ключевые слова: молодёжный политический экстремизм; молодёжный радикализм; терроризм; радикальная идеология; оппозиция.

Молодёжный экстремизм как сложнейший социально-политический феномен, имеющий более чем внушительную историю, сопровождал политические процессы и отношения в обществе на протяжении очень многих веков, но сегодня сложившаяся на международной арене ситуация активно генерирует факторы риска, неопределенности, порождающие экстремизм, а также формирует благоприятный фон, способствующий осуществлению экстремистских планов. Этому также способствуют: сложная экономическая ситуация в стране, обострившаяся вследствие экономических санкций, непростая международная обстановка, формирование и экспансия влияния террористической организации ДАИШ, потенциально угрожающей национальной безопасности РФ, деструктивные процессы в ряде стран ближнего зарубежья.

Это представляет серьезную угрозу, поскольку в аксеологическом плане экстремизм отвергает любое проявление инакомыслия, брутально навязывает

---

¹ Чирун Сергей Николаевич – докторант кафедры политических наук КемГУ (г. Кемерово), кандидат социологических наук, доцент. E-mail: Sergii-Tsch@mail.ru.

© Чирун С.Н., 2016.

вая молодёжи собственную концепцию политических, идеологических и прочих взглядов, используя насилие для подчинения своих оппонентов [21, 78–82]. Пропагандируя свои радикальные идеологемы, лидеры политического экстремизма обращаются к эмоциональной сфере, к области коллективно-бессознательного, т.е. к эмоциям и предрассудкам.

В моменты острых социально-политических конфликтов и кризисов, периодически возникающих в процессе развития любого государства и связанных с деформациями условий жизни граждан, переоценкой ценностей, падением материальных показателей качества жизни, утратой витальных перспектив и жизненных ориентиров, политический экстремизм становится одной из наиболее трудно изживаемых массовых молодёжных характеристик.

В современной, как в отечественной, так и зарубежной политической науке, отсутствует однозначное общепринятое определение термина политический экстремизм [22, 359–363].

Под вывеской политического экстремизма, зачастую, смешиваются самые разнородные явления: от множественных форм классовой и национально-освободительной борьбы, с применением политического насилия, до откровенно антисоциальных действий, преступлений, совершаемых уголовными элементами.

Тем самым, явно или скрыто, косвенно утверждается, что якобы экстремизм – это всего лишь определенные убеждения, взгляды, включая готовность к действию, тогда как терроризм – это уже следующая стадия, связанная с реализацией, воплощением в практику экстремальных идей. Такого рода разрыв между, с одной стороны, идеологическим, и с другой – деятельностными аспектами экстремизма, выглядит крайне схоластическим.

Поэтому следует признать, что применение термина «экстремизм» всегда и везде сопровождается явлением «стигматизации» политического оппонента и носит в определенной степени субъективный и искусственно конструируемый характер. Так, например, одно и то же политическое явление (например, осуществление герильи – партизанской войны) может в различном смысловом контексте интерпретироваться не только как «борьба за справедливость, идеалы», но, также, как радикализм и экстремизм, или даже терроризм.

Кроме того, даже умеренная оппозиционная деятельность может классифицироваться государственной властью как «экстремистская», но может быть и наоборот [3, 92–99].

С относительностью и условностью термина «экстремизм» связана также его особенность, заключающаяся в том, что данный термин использу-

ется одними политическими субъектами для характеристики других субъектов, но никогда не применяется для характеристики самих себя.

Уточним, что, конечно же, существующие возможности для огульного и субъективного «наклеивания ярлыков» на оппонентов далеко не безграничны. Ведь, как правило, под экстремизмом понимаются радикальные взгляды, имеющие выраженный интолерантный характер, оправдывающие применение насилия по отношению к своим политическим оппонентам, а также иную деятельность радикального характера.

Согласно Шанхайской Конвенции – экстремизм предстает в качестве деяния, направленного на силовой захват власти или насильственное её удержание, а также на насильственную смену конституционного строя государства, а также и насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе с созданием и использованием незаконных вооруженных формирований [19].

В России правовое определение экстремистских действий, присутствует в ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [15].

В практике применение термина «экстремизм» часто соседствует с использованием понятия «радикализм», более того, зачастую они даже употребляются как синонимы. Однако данный термин имеет несколько другую историю применения. Понятие «радикализм» изначально использовалось, чтобы охарактеризовать искреннее стремление разобраться в сути социальных проблем, дойти до их корней. Специфика политического радикализма в российской молодёжной среде детально представлена в работах Д. И. Аминова [1], С. В. Беликова [2], С. А. Сергеева [14, 170–174], А. А. Козлова [9], М. В. Кроз, Р. Э. Оганяна, С. И. Гирко [5], А. Р. Ратинова [10] и др.

Сегодня мы наблюдаем максимальное сближение обыденного употребления этих понятий, но нужно отметить, что даже в современном контексте, понятие «радикализм» не несет столь негативных коннотаций, как понятие «экстремизм».

Следовательно, понятие «радикализм» может считаться существенно более академичным, чем «экстремизм», который в современной России приобретает все более выраженный характер инструмента стигматизации, тогда как термин «радикализм», напротив, имеет хорошие шансы стать со временем сугубо научной категорией, использование которой политологом уже не предполагает применения репрессивных санкций со стороны органов государственной власти.

Американские политологи Л. Уилкоккс и Дж. Джордж на материалах исследований внутренней политики Соединенных Штатов выделяют в США левый и правый молодёжный экстремизм [23]. Левые экстремисты, по их

мнению, это те, кто декларируют необходимость борьбы за восстановление социальной справедливости и утверждают, что ведут справедливую борьбу «за интересы трудящихся». Правые же экстремисты твердят о борьбе между различными народами и расами, культурами и цивилизациями.

Понятия молодёжный экстремизм и молодёжный радикализм стали сегодня обыденными как в публицистической, так и в научно-исследовательской литературе, но при этом так и не возникло научного понятия, которое бы отличало экстремизм людей зрелого или пожилого возраста от экстремизма молодых людей.

В молодежных исследованиях, нацеленных на комплексный анализ причин и факторов [24, 464–466] молодёжного экстремизма, можно выделить ряд методологических подходов.

К первой группе можно отнести исследования, авторы которых фокусируют внимание на психике и ее девиативных особенностях у молодых экстремистов. Эти ученые склонны рассматривать молодых радикалов в качестве психопатов и социопатов, т.е. людей, страдающих серьезными психическими отклонениями [27, 73–100]. В отличие от них, неофрейдисты, признавая в сущности психическую нормальность радикалов, однако уверены, что все экстремисты перенесли в раннем детстве психологическую травму. Эти взгляды развивают представители знаменитой франкфуртской школы. Однако более глубокие исследования опровергли гипотезу франкфуртской школы о корреляциях между условиями первичной социализации девиантов и их предрасположенностью к экстремизму и терроризму [25, 17–39].

Ко второй группе исследований, претендующих на объяснение причин появления экстремизма и радикализма, относят так называемые теории социальной депривации. Их суть в том, что экстремизм и радикализм, по мнению авторов этих теорий, порождаются крайней нищетой определенных социальных групп общества, а также непропорционально-асимметричным распределением властных ресурсов в политической системе.

Интересное обоснование генезиса экстремистских движений было предложено Т. Гаром [4, 51]. Согласно его подходу, агрессивность возникает при существенном расхождении между ожиданиями и реальностью. Так сложились три модели относительной депривации:

- когда ожидания граждан сохраняются на прежнем уровне, а их возможности убывают;
- когда возрастают ожидания граждан, но не изменяются их возможности;
- когда ожидания граждан растут, а возможности сокращаются.

В настоящее время большой интерес в исследованиях феномена экстремизма представляет теории социальных сетей М. Грановеттер [24].

Сетевые структуры, развивающиеся в политико-организационном пространстве обществ постмодерна, без преувеличения можно обозначить в качестве тренда наиболее перспективной организационной формы XXI в. Неслучайно, сетевая организация является одной из магистральных исследовательских направлений, предлагая новые способы фиксации политической реальности, жизненно актуальные для постсовременности технологии принятия и реализации управленческих решений, формируя новую грань исследования феноменов экстремизма и терроризма.

По сути, новаторство сетевого подхода состоит в возможности анализировать не только институциональную, нормативно определённую формальную организационную структуру государственного управления, но и в первую очередь, горизонтальные неформальные взаимодействия и связи между политическими акторами.

Сети, в свою очередь, представляют собой систему множественных горизонтальных связей, определяемых Ж. Делёзом как ризома [7]. И здесь уже речь идёт об изменении идеологического представления об устройстве общества – эволюции воззрений от классических, периода Нового времени, к сетевым, сложившимся с момента начала постиндустриальной эпохи до полного становления мировоззренческой парадигмы постмодерна. Именно ризома, является необходимым условием распространения американской стратегии, на что указывают А. Негри и М. Хардт, утверждая: «Общие контуры современного имперского строя могут быть представлены в виде ризомы, разветвленной корневой системы, универсальной сети коммуникаций, все точки или узлы которой связаны между собой» [16]. Экстремизм может рассматриваться как элемент сетевой войны. Взять, для примера, ситуацию с Украиной периода «оранжевой революции» конца 2004 г. То, что произошло на Украине, – оранжевый переворот – есть типичный ненасильственный перехват власти и переход Украины под атлантистский стратегический контроль. В этом преимущество сетевых технологий. Иная ситуация на Украине сложилась в начале 2014 г. Здесь захват власти был осуществлён насильственным путём, с привлечением военизированных формирований экстремистски мотивированной молодёжи. Что касается кадрового состава этих организаций, основными самыми активными участниками экстремистских группировок является молодёжь, и в террористических акциях главными действующими персонами (исполнителями) являются, в большинстве своем, молодые люди.

Вступая изначально в сугубо экстремистские радикальные группировки, многие молодые люди становятся тем самым еще и потенциальными террористами. Неоспоримый факт, что главными вождями, руководителями и идеологами экстремистских молодежных организаций являются, прежде всего, уже взрослые люди.

Проблематика функционирования радикальных военизированных организационных молодёжных структур, информационной и политической безопасности, технологической составляющей экстремизма, а также её трансформации в условиях глобализации и процессов формирования информационного общества раскрывается в исследованиях профессора И. Л. Морозова [26, 620–623].

В работах С. А. Панкратова, Е. В. Ефановой, С. И. Морозова и др. представлены различные аспекты политической социализации, превенции политического радикализма и экстремизма, пути достижения политической стабильности, формирования гражданственности и патриотизма в молодёжной среде [11]. В данном случае теория результативно сочетается с практикой. Так, в Волгоградской области и Южном федеральном округе действует Научно-образовательный центр «Модернизация многомерного социально-политического пространства современной России», и с 2012 г. им эффективно реализуется проект «Инновационные ресурсы и модели политико-правовой ресоциализации представителей молодёжных когорт, склонных к проявлению ксенофобии и национализма, экстремистских форм поведения...» [12, 149–150].

Другой пример. В Кузбассе на базе исследовательской лаборатории факультета политических наук и социологии КемГУ налажена и успешно действует система регионального мониторинга экстремистских проявлений в молодёжной среде [20, 44–57]. Результаты данных исследований имеют не только неопределимое прикладное значение, с точки зрения обеспечения порогового уровня превенции проявлений молодёжного экстремизма в регионе, но также вносят заметный вклад в развитие теоретических вопросов профилактики молодёжного экстремизма [18, 21–32].

Некоторые исследователи предпринимают попытки объяснить распространение экстремистских тенденций среди современной молодежи тем, что такой вид политического экстремизма, как терроризм, разгоняет благополучную скуку общества изобилия, а то и просто представляет собой атрибут очередной моды. В целом, радикальность, как имманентное свойство молодости, универсальна, но в ситуации постмодерна молодёжный радикализм качественно обновляет свои черты и формы. Он актуализируется в национально-гетерогенной среде, где проводником социальной дискриминации является возраст, соединённый с этнической принадлежностью. Например, предпосылкой для возникновения в России радикального движения «Антифа», как отмечает С. А. Сергеев, стало широкое распространение в 2000-х гг. ксенофобских и этнонационалистических настроений [13, 38–50]. Подъем национализма в РФ берёт начало с середины 90-х гг. XX в. Тогда, как свиде-

тельствуют исследования Левада-Центра [6], он был защитно-компенсаторным, связанным с потерей прежней идентичности.

Сегодня предпосылки экстремистского поведения находятся не только вне субъекта, но и в самом человеке. В этих ситуациях процесс радикального действия оказывается важнее закономерности идеологического обоснования. Поэтому попытки объяснить возникновение экстремистского сознания только влиянием политических социальных и экономических условий, могут быть недостаточны [8, 35–39]. Возможны случаи, где самоуничтожение, саморазрушение, становится для экстремиста необходимым психологическим состоянием.

В основе политического экстремизма как идеологии лежит нигилистическое мировоззрение. Возможно, это и обуславливает крайнюю агрессивность как «левых», так и «правых» террористических групп, по мнению которых радикальными методами следует тотально изменить существующий мир, И «левые», и «правые» экстремисты тяготеют к насильственным методам решения социальных проблем. Нигилизм, являясь одним из важнейших течений современной европейской мысли, влияет непосредственным образом на условия и характеристики существования социума. Это позволяет нам говорить о формировании и распространении экстремистского типа молодёжного сознания.

С политологической точки зрения, видные теоретики наиболее крайних, радикальных идейно-политических течений стараются оправдать применение политического насилия в борьбе за власть.

Следовательно, экстремистскими можно обозначить действия, идеи или даже линию в политике, если они допускают превышение необходимой степени воздействия, в зависимости от характера используемых средств: физического насилия, административного принуждения, экономического давления. Центральным блоком, как взрослого, так и молодёжного политического экстремизма, является радикальная идеология, которая может быть представлена различными идейными направлениями.

Наряду с традиционными разновидностями политического радикализма и экстремизма, в ситуации постмодерна наметились и зачатки альтернативной экстремистской идеологии. Ее базой являются концепции коренного глобального переустройства всей политической системы (часто в мировом масштабе), на основе радикальных экологических и пацифистских компонентов.

В рамках политологии рационально исследовать такие важные вопросы, как влияние субъектов политической власти на процесс возникновения политического экстремизма, как «взрослого», так и молодёжного, роль молодёжного политического экстремизма в дестабилизации политической систе-

мы общества, место молодежного политического экстремизма в различных политических структурах.

Многие мыслители, занимавшиеся проблематикой молодёжного политического экстремизма, отмечают серьезные трудности, связанные с выработкой адекватного научного определения данного явления. Во многом это объясняется объективными проблемами.

Поэтому при исследовании молодежного политического экстремизма как социально-политического явления, в качестве основного значимого момента необходимо четко себе уяснить, что мы понимаем под понятием политического экстремизма в каждом конкретном случае.

Эксперты выделили ряд признаков понятия политического экстремизма, отличительными чертами которого являются «пропаганда и использование насилия и других крайних средств для достижения любых политических целей». В Законе РФ «О противодействии экстремистской деятельности» дается правовое определение данного явления: «Политический экстремизм – это динамичное общественно-политическое явление, выражающееся в стремлении определенных политически активных акторов, контрэлит, групп интересов, воплотить в реальность свои политические идеалы всеми доступными методами, включая противоправные способы воздействия, в целях обретения политического господства» [15].

Политический экстремизм также можно понимать и как определенную радикальную линию или позицию во внутренней политике государства, которая отвергает возможные компромиссы с противоборствующей стороной. Нам также полезно будет провести концептуальное различие между идейными экстремистами и просто обычными преступниками, потому что, как и экстремисты, преступники могут в своей преступной деятельности использовать насилие для осуществления определенных целей. Однако, даже при некотором внешнем сходстве самих совершаемых актов насилия – цели и мотивация принципиально различаются.

Следует особо подчеркнуть тот факт, что настоящий экстремист, или террорист, никогда не признает себя преступником, напротив, он свято верит в правоту своих идей, в то, что служит справедливому, благородному делу.

Таким образом, нам становится совершенно ясна та принципиальная разница, которая присутствует между молодыми уголовниками и экстремистами.

Термин, молодёжный радикализм, как показывает практика, зачастую употребляется в качестве синонима понятия молодёжного экстремизма.

Однако их различие вполне очевидно и сегодня касается, в первую очередь, институциональных демократических и конституционно-нормативных основ разрешения политических противоречий.

Можно смело утверждать, что радикализм – это скорее «направленность», «стремление», а экстремизм – «приверженность». Радикал – это субъект намерения, но часто не совершающий (не завершающий начатое) действие, а экстремист – это тот радикал, который способен реализовать свою радикальную субъектность в практической плоскости. Таким образом, радикализм – это крайнее, но, возможно, легальное, а экстремизм – это, и крайнее, и одновременно нелегальное явление.

Движения, оппозиционные власти в настоящее время стремятся заручиться поддержкой наиболее активной части молодёжи, смещаясь при этом в сторону радикализма и экстремизма. Открытый диалог с радикальной молодёжью позволит понять причину популярности неконформистских настроений и скоординировать методы превенции этого явления. Однако на практике власть пытается решить данную проблему преимущественно за счёт силового ресурса, мотивируя это требованием строгого соблюдения законов, независимо от нюансов ситуации, характера политических взглядов и убеждений, вместо создания гибкой сетевой технологии привлечения радикальной молодёжи к участию в публичной политике.

К основным предпосылкам развития политического радикализма можно отнести: степень развития в стране социально-политических институтов и механизмов их функционирования, в том числе степень развития политической системы; институтов гражданского общества, состояние экономических и финансовых институтов; степень развития юридических и правовых институтов, а также политико-правовую грамотность и порядочность общества и элиты. В то же время использование методов ивент-анализа позволяет сделать вывод о том, что разработка адекватного категориально-понятийного аппарата в сфере исследования экстремистской деятельности и терроризма в настоящее время являются незавершенной. Перед исследователями терроризма и экстремизма стоит задача определения четких предельно структурированных критериев классификации насильственных и антиконституционных посягательств, разграничения их с учетом содержания, основной направленности и участников этих действий.

В ситуации постмодерна процесс классификации любых политических процессов и явлений, в том числе экстремистской направленности, неизбежно имеет определенный элемент условности. Такое состояние связано с наличием многочисленных нестабильных факторов, влияющих на содержание данных проявлений.

Библиографический список

1. Аминов Д. И., Оганян Р. Э. Молодежный экстремизм. М., 2005. 196 с.

2. *Беликов С. В.* Бритоголовые. Всё о скинхедах. Эксклюзивные материалы. М.: Издательский центр РГГУ, 2002.
3. *Бочаров Р.А.* молодежный экстремизм в категориальном поле политической науки // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2014. № 12 (55).
4. *Гарр Т. Р.* Почему люди бунтуют. СПб., 2005.
5. *Гирько С.И. и др.* Комментарий к Федеральному закону «О противодействии терроризму». М., 2007. 88 с.
6. *Гудков Л. Д.* Рост националистических настроений – это признак стагнации общества / Левада Центр. URL: <http://www.levada.ru/18-12-2013/lev-gudkov-rost-natsionalisticheskikh-nastroenii-eto-priznak-stagnatsii-obshchestva>.
7. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. М., 2007.
8. *Лощаков Д.Г.* Радикализация молодежи в современном российском обществе и ее факторы // Вестник экономической безопасности. 2015. № 6.
9. Неформальные молодежные сообщества Санкт-Петербурга. Теория, практика, методы профилактики экстремизма / под ред. А. А. Козлова, В. А. Канаяна, СПб., 2008.
10. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / под ред. проф. А. Р. Ратинова. М., 2005.
11. *Панкратов С.А., Ефанова Е.В., Морозов С.И.* Гражданственность и патриотизм как элементы политической культуры российских граждан // Гражданин. Общество. Государство: Россия в XXI в. М., 2014. 286 с.
12. *Панкратов С.А., Морозов С.И.* Государство и гражданское общество в поисках инновационных ресурсов преодоления ксенофобии, национализма и экстремизма в современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. №1. С. 149–150.
13. *Сергеев С.А.* Левые радикалы в российской провинции: движение «Антифа» // ПОЛИТЭКС. 2013. № 1. С. 38–50.
14. *Сергеев С.А.* Националисты и антифа в российской провинции: насилие на улицах / Социокультурные корни насилия в современном обществе /. Н. Новгород, 2013.
15. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон № 114 от 25 июля 2002 г.: в ред. от 23 нояб. 2015 г. с изменениями, вступившими в силу с 23 нояб. 2015 г.
16. *Хардт М., Негри А.* Империя. М., 2004.
17. *Хомяченкова О.В.* Факторы, способствующие развитию молодежного экстремизма // Российский криминологический взгляд. 2015. № 1.

18. *Чирун С.Н., Степанян К.А.* Теоретико-методологические проблемы изучения молодёжного политического экстремизма // Политические институты и процессы. Кемерово, 2015. №3.
19. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 2. Ст. 155.
20. *Шиллер В.В., Вольхина В.А.* Концепция регионального мониторинга экстремистских проявлений: перспективы практической реализации в Кемеровской области // Политические институты и процессы. Кемерово, 2015. №2.
21. *Шинкевич В.Е., Беляков Б.Л.* Безопасность общества и молодежный экстремизм: социально-философский аспект // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 8 (63).
22. *Юдашкина В.В.* Экстремизм молодёжи // European Social Science Journal. 2014. (август).
23. *George J.* Nazis, Communists, Klansmen, and Others on the Fringe: Political Extremism in America. N.Y.: Prometheus Books, 1992. 523 p.
24. *Granovetter M.S.* The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol.78. № 6.
25. *Merkl P.* West German Left-Wing Terrorism / Terrorism in Context. Ed. by M. Creshaw. University Park: Pennsylvania State Univ. Pr., 1995.
26. *Morozov I. L.* Information and political security of the democratic state world experience and Russia // Life Science Journal. 2014. № 11.
27. *Post J.* The Radical Group in Context: 1. An Integrated Framework for the Analysis of Group Risk for Terrorism // Studies in Conflict and Terrorism. 2002. № 25.

YOUTH POLITICAL EXTREMISM: CAUSES AND FORMS

S.N. Chirun

Associate Professor, Doctoral Student, Department of Political Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

The article deals with such scientific categories as youth extremism and radicalism; comparative analysis of scientific approaches is provided. Today, youth extremism holds a specific place among the global socio-political issues. There is a great danger of extremism, not only for our country but for the entire international community. Extremism causes significant harm to the processes of political socialization, has a considerably negative impact on a young person's "sense of security", undermining the foundations of security and stability for society and the state. Ac-

According to the author, the concept of radicalism is more acceptable for scientific works than the notion of extremism, since nowadays the notion of extremism is a tool for stigmatizing political opponents and an instrument of political struggle.

Keywords: youth political extremism; youth radicalism; terrorism; radical ideology; opposition.

References:

1. *Aminov D.I., Ohanian R.E.* Youth extremism. Moscow, 2005. 196 p. (In Rus.).
2. *Belikov S.V.* Skinheads. Everything about skinheads. Exclusive materials. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2002. (In Rus.).
3. *Bocharov R.A.* Youth extremism in categorical field of political science. Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management. 2014. № 12 (55). (In Rus.).
4. *Gurr T.R.* Why men rebel. St. Petersburg, 2005. (In Rus.).
5. *Girko S.I. et al.* Comments to the Federal Law «On Counteracting Terrorism». Moscow, 2007. 88 p. (In Rus.).
6. *Gudkov L.D.* Growth of nationalist sentiment as a sign of stagnation in the society. Available at: <http://www.levada.ru/18-12-2013/lev-gudkov-rost-natsionalisticheskikh-nastroenii-eto-priznak-stagnatsii-obshchestva>. (In Rus.).
7. *Deleuze G., Guattari F.* Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia. Moscow, 2007. (In Rus.).
8. *Loshchakov D.G.* Radicalization of the youth in the modern Russian society and its factors. Vestnik of Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 6. (In Rus.).
9. Informal youth communities of St. Petersburg: theory, practice and methods of preventing extremism. Ed. by A.A. Kozlov, V.A. Kanayan. St. Petersburg, 2008. (In Rus.).
10. Responsibility for inciting hatred and enmity. Psychological and legal characteristic. Ed. by A.R. Ratinov. Moscow, Yurlitinform Publ., 2005. (In Rus.).
11. *Pankratov S.A., Efanova E.V., Morozov S.I.* Citizenship and patriotism as elements of Russian citizens' political culture. Citizen. Society. Country: Russia in the 21st century. Moscow, 2014. 286 p. (In Rus.).
12. *Pankratov S., Morozov S.I.* State and civil society in the search of resources for overcoming xenophobia, nationalism and extremism in Russia in the contemporary period. Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Area Studies. International relations. 2013. №1. P. 149–150. (In Rus.).
13. *Sergeev S.A.* Leftist radicals in Russian province: the «Antifa» movement. Political Expertise: POLITEX. 2013. № 1. P. 38–50. (In Rus.).

14. *Sergeev S.A.* Nationalists and anti-fascists in Russian province: violence on the streets. Sociocultural roots of violence in modern society. Nizhny Novgorod, 2013. (In Rus.).
15. RF Federal Law «On counteracting extremist activity» of July 25, 2002 № 114-FZ (as amended of November 23, 2015) (In Rus.).
16. *Hardt M., Negri A.* Empire. Moscow, 2004. (In Rus.).
17. *Homyachenkova O.V.* Factors contributing to the development of youth extremism. Russian Criminological Outlook. 2015. № 1. (In Rus.).
18. *Chyrun S.N., Stepanian K.A.* Theoretical and methodological problems of studying youth political extremism. Political institutions and processes. Kemerovo, 2015. № 3. (In Rus.).
19. The Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism. Collected Legislation of the Russian Federation. 2003. № 2. Art. 155. (In Rus.).
20. *Schiller V.V., Volkhina V.A.* The concept of regional monitoring of extremism: the prospects for the practical implementation in the Kemerovo Region. Political institutions and processes. Kemerovo, 2015. № 2. (In Rus.).
21. *Shinkevich V.E. Belyakov B.L.* Public safety and youth extremism: socio-philosophical aspect. Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management. 2015. № 8 (63). (In Rus.).
22. *Yudashkin V.* Extremism youth. European Social Science Journal. 2014. August. (In Rus.).
23. *George J.* Nazis, Communists, Klansmen, and Others on the Fringe: Political Extremism in America. N. Y., Prometheus Books, 1992. 523 p. (In English).
24. *Granovetter M.S.* The Strength of Weak Ties. American Journal of Sociology. 1973. Vol.78. № 6. (In English).
25. *Merkel P.* West German Left-Wing Terrorism. Terrorism in Context. Ed. by M. Creshaw. University Park: Pennsylvania State Univ. Pr., 1995. (In English).
26. *Morozov I. L.* Information and political security of the democratic state world experience and Russia. Life Science Journal. 2014. № 11. (In English).
27. *Post J.* The Radical Group in Context: 1. An Integrated Framework for the Analysis of Group Risk for Terrorism. Studies in Conflict and Terrorism. 2002. № 25. (In English).

Мировая политика и международные отношения

УДК-323

ВНЕШНЯЯ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ И РАЗВИТИЕ НЕМЕЦКОЙ «МЯГКОЙ СИЛЫ»¹

*А.В. Девятков, К.А. Кушнир*²

В статье рассматриваются концептуальные основы, инструментарий, финансовое обеспечение и основные региональные и тематические приоритеты внешней культурно-образовательной политики Германии, которая наряду с классической и экономической дипломатией признана немецкими властями ключевой опорой внешней политики страны. Авторы приходят к выводу, что немецкая модель мягкой силы в сфере культуры и образования с точки зрения как стратегического целеполагания, так и институциональных ресурсов адекватна современным вызовам и помогает Германии решать целый комплекс задач – от формирования системы стратегических партнерств и взаимопонимания с ключевыми центрами силы в мире до укрепления статуса страны как инновационной и образовательной державы и развития межкультурного диалога в целях предотвращения и разрешения конфликтов.

Ключевые слова: культурная политика; образование; концепция; культурная репрезентация; стипендии; обмены; сохранение культурного наследия.

Проблематика так называемой мягкой силы стала сегодня в России одной из ключевых в рамках академических и общественно-политических дискуссий. Вызвано это осознанием того факта, что все большее значение в международных отношениях приобретает способность государства невоенными и неэкономическими методами обеспечивать лояльность других государств.

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-37-01204 «Восточная политика» Германии: дискурсивные рамки и институциональные практики».

² Девятков Андрей Владимирович - кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории исторической географии и регионалистики Тюменского государственного университета. E-mail: devyatkovav@gmail.com.

Кушнир Ксения Андреевна - аспирант Тюменского института искусств, культуры и социальных технологий. E-mail: matilda008@yandex.ru

© Девятков А.В., Кушнир К.А., 2016

В этой связи ключевой теоретик по вопросам мягкой силы Дж. Най отмечал, что государство может добиться искомого внешнеполитического результата за счет кооптации, а не принуждения, когда другие страны, восхищаясь его ценностями, уровнем благосостояния, могут последовать за ним в нужном направлении [12, 5]. Поэтому основное внимание многие государства стали сегодня уделять вопросам собственной привлекательности, формированию позитивного образа за рубежом.

Германия претендует на то, чтобы быть автором собственной модели развития мягкой силы в мире. Перед ней задача формирования позитивного имиджа вовне очень остро встала после окончания Второй мировой войны, когда Германия должна была доказывать всему миру, что теперь она является демократическим государством, от которого не исходит угроза военной или экономической экспансии. Вследствие этого в этой стране уже в 1950-е гг. приступили к развитию инструментов мягкой силы, которые значительно отличались от политико-пропагандистских методов, активно применявшихся в контексте холодной войны в США и СССР. Сегодня Германия – это динамично развивающееся государство с весомыми политическими и экономическими интересами в глобальном масштабе, и для нее развитие мягкой силы выступает одним из главных внешнеполитических приоритетов.

В этой статье мы остановимся не только и даже не столько на формальной стороне вопроса (институциональная основа немецкой мягкой силы, ее финансовое обеспечение), сколько на ее концептуальных основах, целеполагании. При этом из трех ведущих инструментов по развитию мягкой силы (культурно-образовательная политика, помощь международному развитию, деятельность политических фондов) будет рассмотрена только внешняя культурно-образовательная политика Германии (АКВР). Сужение исследовательского вопроса связано как с обширностью всех трех тематических блоков, так и с тем, что помощь международному развитию и связанная с ней деятельность политических фондов не имеют в качестве своей приоритетной цели усиление привлекательности Германии на международной арене. Хотя, несомненно, функционирование обоих этих направлений вносит большой вклад в увеличение немецкой мягкой силы.

Концептуальные основы АКВР

Согласно современным немецким официальным документам, основной задачей внешней культурно-образовательной политики (Auswärtige Kultur- und Bildungspolitik, АКВР) является распространение в мире позитивного и реалистичного образа Германии и продвижение ее имиджа как экономической, научной и инновационной державы.

Данное направление рассматривается немецкой элитой в качестве интегральной части и одного из ведущих приоритетов внешней политики страны. Как отметил на специализированной конференции «Культурная политика в эпоху глобализации», проводившейся МИД Германии в Берлине в 2009 г., немецкий министр иностранных дел Ф.В. Штайнмайер, с возникновением новых центров силы в современном многополярном мире «мы меньше всего можем рассчитывать на то, что европейские ценности и традиции сами собой являются целью и направлением общественного развития в других регионах планеты... У нас нет гарантии того, что мы будем услышаны, но мы должны больше вкладывать: культурно, политически, финансово, чтобы сделать нас «понятнее» для внешнего мира в лучшем смысле этого слова, нашу историю, традиции, ценности и склонности, чтобы сократить опасность недопонимания». Рассказывая об увеличении числа представительств Гёте-Института в мире, Ф.В. Штайнмайер подчеркнул, что это происходит, прежде всего, за счет стран вроде Китая, Индии и России, где «мы еще больше зависим от того, чтобы эти наши партнеры брали на себя международную ответственность и несли ее вместе с нами в целях разрешения глобальных проблем человечества» [11, 10].

В этой связи концепция внешней культурно-образовательной политики, которая была представлена Г. Вестервелле в бытность его министром иностранных дел в 2011 г., в качестве основного вызова для Германии формулирует то, что «естественный вес» страны в мире сокращается на фоне подъема других центров силы. Авторы этого документа, носящего название «Внешняя культурно-образовательная политика в эпоху глобализации. Приобретать партнеров, передавать ценности, представлять интересы», исходят из того, что к 2050 г. Германия с 15 места по количеству населения может скатиться до 26, а ее экономика будет превзойдена не только Китаем, но и Индией, Бразилией, Россией и другими державами. Поэтому для Германии «речь идет о том, чтобы сохранить своё влияние в мире и совместно с другими странами ответственно управлять глобализацией... С помощью таких инструментов, как образование, обмен и диалог и партнерского подхода, основанного на уважении культуры Другого, мы достигаем людей напрямую и приобретаем их для нашей страны, наших ценностей и наших идей» [5, 3].

Таким образом, перед внешней культурно-образовательной политикой ставятся две основные задачи: сохранение позиций Германии в мире за счет развития системы международных партнерств и содействие совместному с другими державами решению глобальных проблем. Первая из этих задач была сформулирована по результатам внутригерманских дискуссий по вопросам внешней политики, проводившихся в 2009–2011 гг. Одним из главных принципов для формирования международных партнерств было признано

культурно-политическое равноправие. Немецкая дипломатия объявила об отходе от концепции «культурной репрезентации», простого имиджевого продвижения и о приверженности идее «культурного со-творчества», когда произведения культуры и искусства начинают производиться не столько для внешней аудитории, сколько совместно с ней [2, 16].

При этом речь идет как о развитии международных партнерств с новыми центрами силы в мире (в частности, странами БРИКС, Турцией), так и о поддержании стратегического диалога внутри объединенной Европы и трансатлантического сообщества. В отношениях с традиционными партнерами особый акцент делается при этом на исторической политике, а именно преодолении исторических противоречий. В частности, одним из ключевых проектов 2014 г. для АКВР стала серия мероприятий, посвященных 100-летней годовщине начала Первой мировой войны. Кроме этого, Германия поддерживает постоянное двустороннее культурно-образовательное партнерство с такими странами, как Франция, Польша, Греция, Израиль, с которыми Германию связывает непростая общая история.

Что касается второй задачи, то она стала лейтмотивом еще первой стратегии внешней культурной политики, которая была предложена МИД Германии во главе с Й. Фишером в 2000 г. Этот документ предполагал, что «центральной задачей ближайших лет будет создание международных форумов для диалога и глобальных партнерств, в рамках которых государства могли бы на основе собственных интересов вносить вклад в решение глобальных проблем. В рамках таких «обучающихся сообществ» должно лучше получаться преодолевать конфликты благодаря более глубокому знанию и пониманию друг друга» [4, 4]. С тех пор АКВР стала однозначно восприниматься как инструмент превентивного разрешения конфликтов в мире.

Стратегия 2011 г. закрепляет за АКВР еще одну задачу: привлечение в страну квалифицированных кадров, которые будут содействовать укреплению инновационной мощи Германии, а также студентов, которые будут выступать потребителями немецких образовательных услуг. При этом отмечается, что Германия до сих пор отстает от США и Японии в сфере инноваций, а развивающиеся экономики, прежде всего государств БРИКС, активно ее догоняют [5, 16].

Тем не менее, к задачам АКВР относится всё-таки не столько стимулирование иммиграции, сколько, наоборот, укрепление образовательного уровня, межкультурных и профессиональных компетенций иностранных обучающихся для того, чтобы они занимались развитием своих собственных стран. Особенно важен данный момент в контексте политики помощи международному развитию в странах Ближнего Востока и Африки. Многие международные программы, реализуемые Германией, ориентированы именно

на то, чтобы их стипендиаты продолжали жить и работать в своих странах, а не переезжали в ЕС. Так, отмечая высокий уровень развития системы зарубежных немецких школ, министр иностранных дел ФРГ Ф.В. Штайнмайер заявил: «Многие, очень многие выпускники этих школ являются позднее высокостатусными и для нас очень важными контактными лицами на местах в сферах экономики, культуры, политики и гражданского общества» [11, 14].

Еще один важный вопрос для развития немецкой культурно-образовательной политики состоит в том, насколько она должна оставаться национальной. После окончания Второй мировой войны стратегическим приоритетом немецкой внешней политики было объявлено развитие европейской интеграции. Поэтому логичным является вопрос о том, должны ли компетенции в сфере внешней культурной политики передаваться на общеевропейский уровень. Стратегия АКВР 2011 г. определяет, что «желательной была бы большая синергия в форме общих европейских программ и проектов», исходя из чего необходимо «просчитать возможность учреждения за границей европейских культурных институтов, чтобы дополнить существующую национально-ориентированную сеть культурных организаций общеевропейским компонентом» [5, 17]. Однако уже в конце 2012 г. в ответе на парламентский запрос партии социал-демократов немецкое правительство признало, что основная ответственность в сфере внешней культурной политики остаётся за национальными правительствами и в настоящий момент не ведётся переговоров о наделении внешнеполитической службы ЕС какими-либо полномочиями в сфере координации культурных проектов или о создании европейских культурных институтов [3, 30–31].

Подводя итог, можно сказать, что немецкая культурно-образовательная политика за рубежом преследует довольно-таки прагматичные цели и не имеет ярко выраженной идеологической составляющей. Хотя вопрос распространения ценностей в мире иногда упоминается в стратегических документах и выступлениях немецких политиков, акцент делается на развитии межкультурного диалога для развития системы межгосударственных партнерств на равноправной основе. Примечательным в этой связи является употребление понятия «многополярность» при описании сложившейся системы международных отношений, а также декларирование отхода немецкой дипломатии от классической концепции «культурной репрезентации».

Основные региональные приоритеты

В последние десятилетия система региональных приоритетов внешней культурно-образовательной политики Германии остается относительно устойчивой. Традиционным направлением являются страны Евросоюза, США и

Израиль. Как уже было упомянуто, Германия имеет постоянно действующий формат двустороннего сотрудничества в сфере образования, культуры и молодежных обменов с Чехией, Польшей, Израилем, Грецией, Францией, Италией.

Особенный интерес представляют программы двусторонних молодежных обменов, которые очень хорошо отражают традиционные точки приложения немецких усилий в сфере АКВР. Так, специализированная организация по молодежным обменам с Францией DFJW содействовала в 2014 г. ок. 9 000 программам обмена, в которых с обеих сторон приняли участие более 200 тыс. молодых людей. При этом особое внимание было уделено тем молодым людям, которые еще не имели опыт посещения соседней страны. В рамках специального «Дня знакомства» ученики могли посещать министерства, предприятия и другие организации и узнать, какие возможности дают знание языка соседней страны для их дальнейшей профессиональной жизни.

Немецко-польский молодежный обмен сумел вовлечь в 2014 г. более 110 000 участников. Лозунг «25 лет политических перемен» стал ключевым для встреч немецкой и польской молодежи. В рамках этих встреч использовались и необычные форматы: так, инициатива „Rap dich frei – Wугарuj sobie wolność” предполагала, что молодые немцы и поляки сочиняли общий рэп вокруг одного понятия - свобода. Была объявлена немецко-польская молодежная премия „changes/chances@work“, целью которой являлась профориентация молодежи.

В конце 2014 г. стартовал и немецко-греческий молодежный обмен, который имеет большое значение для немецкого правительства с точки зрения преодоления исторических противоречий и символического примирения двух народов. Этот проект находится в тесной взаимосвязи с учрежденным немецко-греческим фондом будущего, который призван содействовать совместной работе над историей фашистской оккупации Греции в 1941–1944 гг. В контексте напряженных отношений между Грецией и Германией в связи с греческим финансовым коллапсом подобные программы выглядят разумной долгосрочной инвестицией.

Ежегодно проводятся и немецко-израильские молодежные мероприятия, в которых в 2014 г. приняло участие около 7 тыс. молодых людей. Кроме этого, МИД Германии спонсировал обмен специалистами в сфере молодежной политики, встречу молодежи на тему «Воспоминания о Холокосте в Израиле и Германии в сравнительной перспективе», а также конференцию «Миротворчество и добровольчество вместе с конфликтными регионами» [2, 25–26].

Несмотря на то, что уже стратегия внешней культурной политики 2000 г. объявила о необходимости уделять на европейском направлении больше

внимания странам Центральной и Восточной Европы, ситуация пока радикально не изменилась. Стратегия АКВР 2011 г. констатировала в этой связи, что ресурсы и инициативы крайне неравно распределены между разными частями Европы. Так, если во Франции и Италии функционируют по 7 институтов им. Гёте (82 и 64 сотрудника соответственно), то в Польше их насчитывается всего 2 (47 работников), в Чехии – 1 (27 работников). Если в юго-западной Европе в немецких зарубежных школах преподают 250 профессиональных учителей – немцев, то во всей Центральной и Восточной Европе – только 57 [5, 6].

С 2000-х гг. все большее значение для внешней культурно-образовательной политики начинают играть экономически динамичные государства БРИКС, Турция, Вьетнам, Мексика, Индонезия, Южная Корея, Сингапур и т.д. Именно в этой группе стран немецкая дипломатия рассматривает также и Россию, которая признается важным экономическим и политическим центром силы.

В 2014–2015 гг. по всей России прошел комплекс из 200 мероприятий, объединенных в Год немецкого языка и литературы (аналогичный российский проект состоялся в Германии). Данная инициатива в условиях ухудшения двусторонних политических отношений выступила символом взаимопонимания и инструментом диалога гражданских обществ двух стран. В сфере содействия немецкому языку Год немецкого языка и литературы в России был призван остановить негативные тенденции, выражающиеся в падении количества изучающих немецкий язык в нашей стране. Кроме того, одним из ключевых событий этого проекта было открытие Немецко-Российского Института инновационных технологий в Казани, а также основание межрегионального союза преподавателей немецкого языка при содействии Гёте-Института. В Немецко-Российском Институте инновационных технологий в Казани предполагается открыть в итоге 14 направлений подготовки технических специалистов, а один учебный семестр они будут проводить в одном из немецких технических вузов. Федеральное министерство образования и науки Германии финансирует в этом проекте две преподавательские ставки.

В контексте реализации задач по содействию международному развитию особую важность для Германии представляет собой африканский континент. По поручению федерального министерства образования и науки Германии Немецкая служба академических обменов (ДААД) и Фонд Александра Гумбольдта содействуют развитию единого африканского пространства высшего образования и науки. В частности, Германия оказывает содействие одной из исследовательских кафедр в Западноафриканском институте математической науки в Сенегале. В целом в рамках данной инициативы планируется поддерживать 15 учебных заведений. ДААД также спонсирует не-

сколько партнерств немецких университетов в целях содействия развитию африканских вузов, в частности, Панафриканского университета воды, энергии и изменения климата в Алжире. Также Немецкая служба академических обменов в ближайшие годы планирует увеличить количество стипендиатов-выходцев из Африки на 1 тыс. человек.

Кроме того, немецкие организации инициируют проведение масштабных мероприятий, связанных с Африкой. Так, в августе 2014 г. в Берлине прошел фестиваль «20 лет демократии в Южной Африке», в рамках которого состоялись публичные лекции, концерты, кинопоказы и панельные дискуссии, на которых Южная Африка представила себя в качестве страны политически динамичной и с большим культурным разнообразием. Параллельно немецкое посольство в Претории под девизом «20 лет концу режима апартеида / 25 лет падению Берлинской стены» организовало ряд мероприятий, которые подчеркнули тесную связь этих двух исторических событий. А в марте 2014 г. министерство образования и науки Германии организовало в Берлине мероприятие под названием «Немецко-африканское сотрудничество в образовании и науке», в рамках которого около 450 немецких и африканских ученых смогли обсудить реализацию совместных инициатив в сфере научного и образовательного сотрудничества.

При этом события глобального или регионального масштаба (например, крупные конфликты, сопровождающиеся гуманитарными катастрофами, потоками беженцев), которые не могут не оказывать влияние на Германию, вносят в повестку дня АКВР определенные коррективы.

Так, особое место в рамках немецкой культурно-образовательной политики за рубежом имеют партнерства в целях трансформации государств, где в последнее время произошли крупные политические изменения (страны «арабской весны», Ирак, Афганистан). После событий «арабской весны» немецкий парламент принял решение о выделении финансовых средств на развитие партнерства в сфере культуры и образования с такими странами, как Ливия и Тунис (по 30 млн евро в 2012 и 2013 гг., 20 млн евро – на 2014 г.). Речь шла о развитии партнерств между вузами, курсах повышения квалификации для сотрудников СМИ, сотрудников культурных организаций и ученых, молодежных обменах, сохранении культурного наследия. Целью всех этих программ является содействие становлению в странах арабского мира стабильных демократических обществ.

Кроме политической и социальной стабилизации, немецкая культурно-образовательная политика в этих странах открыто преследует и экономические интересы. Несмотря на напряженную военно-политическую ситуацию в Ираке, в сентябре 2014 г. в этой стране в шестой раз стартовал проект «Ирак – Горизонты 2015. Сегодня сеять, завтра собирать урожай». Этот проект

представляет собой совместную инициативу МИД ФРГ, Гёте-Института и Немецкой торгово-промышленной палаты, ориентированную на молодых иракских ученых, а также немецких и иракских предпринимателей. Задача проекта – содействие межкультурному диалогу и двусторонним экономическим отношениям, а также долгосрочному восстановлению Ирака. Параллельно происходит формирование клуба квалифицированных и заинтересованных в Германии иракских политиков и бизнесменов. В частности, контактное бюро Гёте-Института в Эрбиле организовало для них четырехнедельный курс немецкого языка и культуры, который сопровождался потом шестинедельной стажировкой на одном из предприятий в Германии.

Немецкие усилия в сфере культуры и образования крайне востребованы сегодня на сирийском направлении. Гёте-Институт и ДААД совместно разработали пакет мер по Сирии с целью предотвратить возникновение сирийского «потерянного поколения». Для сирийцев, как в Германии, так и в самой Сирии, организуются курсы немецкого языка, страноведческая подготовка. С помощью программы «Leadership for Syria» Германия пытается содействовать появлению управленцев новой формации для будущей мирной Сирии (в данный момент речь идет о 100 стипендиях). Кроме того, Гёте-Институт с помощью проекта «Action for Hope» пытается оказать психологическую поддержку детям и подросткам, ставшим жертвами гражданской войны. Также оказывается организационная поддержка образования и нормальной жизнедеятельности в лагерях сирийских беженцев в Ливане и Турции. В рамках проекта по сохранению сирийского культурного наследия впервые создается его электронный реестр. В нем собирается информация из архивов Немецкого археологического института, Берлинского музея исламского искусства, а также других немецких и международных культурных институтов. После завершения конфликта базу данных планируется передать сирийскому правительству.

Инструменты и ресурсное обеспечение АКВР

Ответственным органом в сфере координации внешней культурно-образовательной политики Германии является МИД ФРГ. В его структуре создано отдельное Шестое управление по культуре и коммуникациям. Кроме МИД, полномочиями в сфере АКВР обладают: Уполномоченный Правительства ФРГ по культуре и СМИ, федеральное министерство образования и науки, федеральное министерство экономического сотрудничества и развития, федеральное министерство по делам семьи, пенсионеров, женщин и молодежи и федеральное министерство внутренних дел. В их структуре имеются отдельные направления по международному сотрудничеству, которые обеспе-

чены собственными ресурсами для ведения крупных международных проектов (в сфере содействия международному развитию, информационной активности за рубежом и т.д.).

Несмотря на режим бюджетной экономии, расходы на внешнюю культурно-образовательную политику устойчиво росли последние десятилетия: так, в 1989 г. они составляли более 920 млн евро, в 2000 г. – более 1,1 млрд евро [4, 19] с ростом до 1,622 млрд евро в 2015 г. Из бюджета АКВР в 2015 г. ок. 820 млн евро было освоено через Министерство иностранных дел, оставшиеся ресурсы – через другие вышеупомянутые министерства и ведомства [2, 9–12].

Тем не менее, несмотря на увеличение бюджетных ассигнований, в сфере культурно-образовательной политики Германии за рубежом все же ощущается дефицит финансовых ресурсов. Связано это, прежде всего, с усложнением стоящих перед АКВР задач, расширением географии ее деятельности, что требует более серьезных операционных расходов. С другой стороны, проводимые мероприятия должны обладать высокой эффективностью. Решение данной проблемы немецкая дипломатия нашла в применении эффекта масштаба, организуя в приоритетных странах Годы Германии. С 2007 по 2014 гг. этот проект реализовался в 4 из 5 государств БРИКС, а в 2016–2017 гг. он состоится в Мексике. Кроме того, мини-формат Года Германии (Недели Германии, Немецкие сезоны) прошли в 2015 г. в Индонезии, Сингапуре и Вьетнаме.

В последний раз Год Германии проходил в Бразилии (2013–2014 гг.) под девизом «Германия – Бразилия, где переплетаются идеи». В докладе МИД Германии о результатах этого проекта сказано следующее: в общей сложности было проведено 1100 мероприятий примерно в 100 бразильских городах с аудиторией в 7 млн человек [2, 4].

Еще один традиционный инструмент АКВР, который нацелен на широкую аудиторию, - это поддержка кинофестивалей. В первую очередь, речь идет о мероприятиях в рамках Берлинале под общим названием «Таланты Берлинале». Эти проекты, в том числе, предполагают работу немецких и режиссеров из развивающихся стран над совместным кинопродуктом. Финансирование этих мероприятий идет через Уполномоченного федерального правительства по культуре и СМИ. Кроме того, поддержку получают и национальные кинофестивали с международным звучанием – фестиваль документальных фильмов в Лейпциге, международные дни короткометражных фильмов в Оберхаузене и кинофестиваль в Коттбусе, а также фестивали малых масштабов - „goEast“, „Zebra“, „Around the World in 14 Films“.

В систему АКВР включена целая сеть организаций, которые автономно реализуют те или иные государственные приоритеты в этой сфере. Децентра-

лизация является важным принципом функционирования всей системы. В первую очередь, стоит упомянуть т.н. организации-посредники – Гёте-Институт, Немецкая служба академических обменов (ДААД), Институт международных отношений и Фонд Александра Гумбольдта.

Гёте-Институт был основан еще в 1951 г. На сегодняшний день эта организация представлена как внутри страны, так и за рубежом сетью из 159 институтов в 98 странах. Количество сотрудников – 3 500 человек, из них 700 работают внутри Германии (центральное бюро в Мюнхене и 14 институтов). Кроме собственных представительств, Гёте-Институт активно поддерживает методологически и организационно всемирную сеть Гёте-Центров, центров изучения немецкого языка и немецких читальных залов, которые существуют в кооперации с локальными партнерами и являются инструментами для реализации задач в сфере развития немецкого языка и культурного сотрудничества. Бюджет организации в 2014 г. – 213,6 млн евро, причем он пополняется исключительно за счет субсидий МИД ФРГ.

Согласно договору с МИД Германии от 2004 г., Гёте-Институт уполномочен развивать немецкий язык за границей, реализовывать проекты в сфере международного культурного сотрудничества, а также продвигать актуальный и реалистичный образ Германии. В 2014 г. ок. 275 тыс. человек (из них 45 тыс. – внутри страны) стали участниками курсов немецкого языка, предлагаемых Гёте-Институтом, причем всего в мире немецкий язык изучают 15,4 млн человек. По итогам 2014 г. Гёте-Институт содействовал переводу 220 немецких изданий на 40 языков, в т.ч. языки государств СНГ. Кроме этого, в 2014 г. Гёте-Институт организовал по всему миру около 6 тыс. культурных программ с количеством участников ок. 14 млн человек. В среднем ежедневно в мире проходят в среднем 16 культурных событий, организуемых Гёте-Институтом [9, 188–189].

Среди особенностей функционирования Гёте-Института стоит отметить его стремление соответствовать самым современным техническим стандартам работы с различными аудиториями и предлагать им новейший культурный контент. В частности, Гёте-Институт активно развивает онлайн-сервисы, в т.ч. онлайн-библиотеку (проект Onleihe), где можно бесплатно ознакомиться с последними выпусками ведущих немецких журналов, немецкой художественной и иной литературой. Развиваются также онлайн-сервисы для интернет-курсов немецкого языка, трансляций немецких культурных ивентов, общения в формате соцсети между участниками различных программ Гёте-Института.

В качестве примера продвижения немецкого языка можно привести проект «Just Add German», который был реализован в 2013–2015 гг. для популяризации немецкого языка в США. В рамках этого проекта в марте 2014

г. Гёте-Институт организовал 10 концертов молодежной Indie-Pop-группы Tonbandgerät в вузах США от Сиэтла до Бостона для аудитории в 10 тыс. человек. Около 1 тыс. учащихся приняло участие в четырех страновых конкурсах, в ходе которых они, в частности, снимали клипы о том, почему они изучают немецкий, и фотографировали следы истории и культуры Германии на своей родине. Для продвижения немецкого языка были созданы специализированный интернет-портал с рекламными роликами, а также аккаунты в ключевых соцсетях. Рекламные ролики не просто презентовали Германию как страну Октоберфеста, Баха и Гейдельберга, но и описывали карьерные возможности для американцев, изучающих немецкий язык. Были и такие рекламные лозунги: «Хочешь произвести впечатление на девушек? Благодаря своим любовным стихам Йоханн Вольфганг Гёте заполучил сердца 12 известных женщин. Будь неотразим. Just Add German». Кроме того, прошли вебинары для учителей немецкого языка, передвижная выставка о Германии и некоторые другие мероприятия. Основной аудиторией была молодежь [9, 48].

Если говорить о культурных проектах, то одной из последних креативных инициатив Гёте-Института в 2014 г. был проект «Silent Disco в Вильнюсе». В рамках «Культурной ночи» в Вильнюсе несколько диджеев на улице устроили концерт электронной музыки с балканскими, цыганскими или свинг-элементами. Люди, чтобы слышать музыку, должны были одеть наушники с одной из опций на выбор, то есть присутствующие слушали разную музыку, но танцевали на одной площадке [9, 76].

Немецкая служба академических обменов (ДААД) – еще одна организация-посредник в сфере культурно-образовательной политики – выступает партнером немецких вузов в вопросах мобильности студентов, ученых и деятелей культуры и развивает тем самым интернационализацию немецких учебных заведений. ДААД занимается международным маркетингом немецкого образования и науки, помогает развивающимся странам в строительстве эффективного высшего образования, содействует развитию немецкого языка за рубежом и руководит национальным сегментом европейской программы Erasmus. Бюджет организации в 2014 г. составил более 440 млн евро, из которых 40 % - субсидии МИД Германии.

Немецкая служба академических обменов имеет три основные направления деятельности - «стипендии для лучших», «структуры, открытые миру» и «знание для научного сотрудничества». Ежегодное количество выдаваемых ДААД стипендий достигает 5 000, причем почти половину стипендий получают студенты, ученые и преподаватели из Восточной Европы. Конкурс на получение стипендии составляет примерно 3–4 человека на место.

В рамках второго направления ДААД содействует немецким университетам в их интернационализации. Так, МИД Германии выделяет для ДААД

ежегодное финансирование в размере 7,5 млн евро на реализацию программы по улучшению условий приёма иностранных студентов STIBET. Кроме того, немецкие университеты могут получить целевое финансирование на развитие партнерства с иностранными вузами, в т.ч. создание программ двойного обучения, общих научных проектов. Один из крупнейших проектов ДААД – финансирование создания немецких университетов в других государствах, в частности, в Египте, Омане, Иордании. Количество выпускников этих университетов уже достигло 10 тыс. человек. В сентябре 2013 г. начал свою работу Немецко-Турецкий университет в Стамбуле, пять факультетов которого формируются под патронатом немецких вузов.

В сфере поддержки немецкого языка ДААД спонсирует в других странах, прежде всего Южной Европы, проведение конференций германистов, создание учебных курсов и центров по германистике. В более чем 100 странах мира при университетах работает ок. 600 ДААД-лекторов, которые в том числе занимаются информированием о возможностях обучения в Германии.

В рамках третьего направления деятельности - «знание для научного сотрудничества» - ДААД позиционирует себя как экспертная организация по анализу основных тенденций образовательного рынка. Осуществляется подготовка тематических докладов, консультирование немецких учебных заведений, взаимодействие с зарубежными специалистами в области образования на различных международных конференциях и выставках. На подобных площадках ДААД также содействует продвижению образовательных продуктов немецких вузов [6].

Германия в плане привлечения иностранных студентов наряду с США занимает одно из лидирующих мест в мире. В 2014 г. количество иностранных студентов в Германии превысило 300 тыс. человек. Стратегия ДААД до 2020 г. ставит целью увеличить это число до 350 тыс. человек, что является при нынешних тенденциях образовательного рынка вполне достижимым показателем. Причем уровень подготовки иностранных студентов не должен значительно отставать от уровня немецких студентов (не более чем на 25 %). Кроме того, ДААД стремится к тому, чтобы до конца десятилетия у каждого второго выпускника немецкого вуза был существенный опыт пребывания за рубежом [13, 12].

Кроме Немецкой службы академических обменов, в сфере профессионального образования действует целый ряд других организаций, реализующих масштабные международные программы стажировок, обменов и курсов повышения квалификации. Так, МИД Германии спонсирует краткосрочные проекты немецких спортивных организаций, которые направляют своих тренеров и специалистов в разные страны мира, в особенности в Азию и Африку, для повышения уровня квалификации локальных специалистов. В 2014 г.

было реализовано более 40 подобных проектов. Спорт за рубежом поддерживается, прежде всего, в целях снижения конфликтности в кризисных регионах.

Служба педагогических обменов (PAD) образована федеральными землями Германии и обеспечивает ежегодно участие в обменах до 35 тыс. учащихся и учителей из Германии и других стран мира. Федеральный институт профессионального образования (BIBB) выступает оператором межгосударственных партнерств в сфере профессионального образования, развиваемых Федеральным министерством образования и науки Германии. Основная задача BIBB заключается в развитии профессионального образования в иностранных государствах.

Одним из ведущих направлений АКВР является развитие сети немецких зарубежных школ. Эта задача по поручению МИД ФРГ находится в ведении Центрального агентства по развитию зарубежных школ (ZfA). В настоящее время при различных зарубежных школах числится свыше 2 тыс. учителей из Германии. Бюджет программы в 2014 г. – более 220 млн евро.

Зарубежных немецких школ насчитывается на данный момент ок. 140. Они объединены в единую партнерскую сеть PASCH, в которую также входит более 1600 зарубежных школ, где обеспечена возможность изучения и сдачи экзаменов по немецкому языку (Deutsche Sprachdiplom der Kultusministerkonferenz, FIT). Кроме отправки в эти школы немецких преподавателей Германия предлагает им поддержку в виде курсов повышения квалификации для преподавателей немецкого языка, методической помощи, дотаций на оборудование.

В докладе правительства Германии об итогах внешней культурно-образовательной политики за 2014 г. приводятся даже несколько показательных историй успеха в связи с функционированием зарубежных немецких школ. Первый рассказ посвящен учащейся из FIT-гимназии г. Екатеринбурга, которая стала стипендиатом программы Гёте-Института PASCH-Studienbrücke и после сдачи экзаменов по естественнонаучным предметам намеревается изучать информатику в Германии. Вторая история рассказывает о том, как немецкая компания WIKА совместно с ZfA возвращает кадры для своего производства в польском городе Влоцлавек [2, 23].

Немецкие власти уделяют большое внимание вопросу об обеспечении функционирования немецких зарубежных школ. С начала 2014 г. вступил в силу специальный закон, регулирующий этот вопрос. Были также разработаны механизмы эффективного взаимодействия федеральных и региональных властей Германии, которые имеют широкие полномочия в сфере культурной политики. Главным вопросом парламентских слушаний по АКВР стало то, что заработная плата преподавателей зарубежных немецких школ отстает на

23 % от стандартов оплаты труда федеральных госслужащих. Правительство в этой связи обещало принять все необходимые меры для повышения статуса этой деятельности [8, 12442–12456].

Фонд Александра Гумбольдта содействует долгосрочному сотрудничеству выдающихся немецких и иностранных ученых, которые получают возможность приехать для реализации своего проекта в Германию. К сообществу Фонда принадлежит ок. 26 тыс. человек из 130 стран мира, 51 из них – нобелевские лауреаты.

Следующее направление внешней культурно-образовательной политики Германии – содействие сохранению мирового культурного наследия, которое осуществляется через подведомственный МИД Германии Немецкий археологический институт, существующий в составе федерального министерства с 1874 г. Институт ведет до 40 крупных международных проектов по всему миру. Кроме функции по идентификации, реставрации и сохранению культурных памятников, Институт также занимается созданием мировой научно-исследовательской сети по профилю своей деятельности, а также организацией международных выставок. В 2013–2014 гг. Германия приняла участие в таких крупных международных проектах по сохранению культурного наследия, как реставрация христианской церкви в Вифлиеме, торговых зданий в курдском городе Эрбиль, оставшихся со времен Османской империи, башни Анхва в КНДР, синагоги в Сан-Паулу. В 2014 г. МИД Германии выделило 500 тыс. евро на обеспечение сохранности исламских летописей Тимбукту в Мали и выступило координатором работы международных доноров в этом вопросе. Все эти проекты решали задачи по сохранению идентичности местных сообществ и/или их примирению.

В сфере исторической науки, культурологии и социальных наук серьезной инициативой в рамках АКРВ является также функционирование сети Германских исторических институтов, которые занимаются содействием реализации научных проектов и международной кооперации ученых разных стран. Финансирование этого проекта осуществляется через Фонд Макса Вебера. Общий бюджет Фонда на 2014 г. – ок. 40,5 млн евро. В целом насчитывается 10 зарубежных институтов: 6 Германских исторических институтов в Лондоне, Москве, Париже, Риме, Варшаве и Вашингтоне, Германский институт японских исследований в Токио, Институт Востока в Бейруте и с одним представительством в Каире, Институт Востока в Стамбуле, Немецкий Форум истории искусства в Париже. С 2013 г. в Нью-Дели работает исследовательская группа по изучению социальной и образовательной политики Индии с XIX в.

Последнее, но не по важности, направление внешней культурной политики Германии, которое хотелось бы осветить, – это работа Немецкой волны

(DW), официальной целью которой является распространение позиции Германии как свободного, демократичного, правового государства по разным международно-значимым вопросам. Кроме того, Немецкая волна уполномочена продвигать через Интернет, телевидение и радио реалистичный, многоаспектный образ Германии в мире. Финансирование организации идет через Уполномоченного правительства по культуре и СМИ.

С целью соответствия современным вызовам Немецкая волна запустила процесс внутреннего реформирования. К 2017 г. DW планирует увеличить количество еженедельных пользователей с 101 до 150 млн человек. Специальный доклад по результатам самообследования Немецкой волны, представленный в Бундестаг в 2010 г., наметил основные направления изменений, в т.ч. по адаптации DW к условиям региональных информационных рынков в плане контента, технических условий вещания и языка [7].

***

Обычно результативность той или иной политики любят измерять международными рейтингами, социологическими опросами и другими формами количественных исследований. Если говорить о развитии «мягкой силы» Германии, то ее можно оценивать, например, с помощью международного рейтинга Nation Brands Index, согласно которому Германия по итогам исследования в 2014 г. заняла первое место по привлекательности среди всех стран мира. В разделе «культура» Германия набрала высший балл. Кроме того, высокие показатели были достигнуты в таких областях, как качество продуктов, уровень жизни, качество государственного управления, производительность труда [14].

Как отмечал Дж. Най, государственная политика может развивать, а может и скорее вредить развитию «мягкой силы». В случае с Германией усилия правительства и уполномоченных им структур явно положительно влияют на восприятие страны в мире. Это видно не только по рейтингам, но и эмпирически ощущается. Так, во многих регионах мира, в том числе слаборазвитых или просто провинциальных, присутствие Германии проявляется через стипендии ДААД, преподавание немецкого языка, методический уровень которого повышается благодаря поддержке Гёте-Института, реализацию точечных проектов в сфере профессионального образования, реализацию проектов вроде «Дней Германии в российских регионах» и т.д.

Культурная политика играет роль эффективного внешнеполитического инструмента Германии. Культура и образование, наряду с экономическими контактами, помогают немецкому правительству наладить более успешный межгосударственный диалог за счет инвестиций в культурные и образова-

тельные проекты на территории государства-партнера либо с участием его представителей в самой Германии. Подобное присутствие Германии положительно воспринимается не только в странах Запада, но и в Китае, России или Индонезии. Объясняется это, прежде всего, тем, что немецкий культурный дискурс крайне инклюзивен, он не «поучает» партнера, а пытается вовлечь его в позитивное взаимодействие. Во многих немецких культурных или образовательных проектах партнеры или иностранные участники рассматриваются как соавторы, а не простые реципиенты готового контента. Высокая доля эмпатии позволяет немецким проект-менеджерам отталкиваться прежде всего от нужд и представлений иностранных контрагентов. Особенно важным представляется и то, что культурно-образовательное сотрудничество, предлагаемое Германией элитам или простым людям в других странах, всегда имеет взаимную полезность.

Дигитализация, креативность в создании контента, умелый подход к его маркетинговому продвижению, гибкость в реагировании на изменения во внешнем мире и отсутствие боязни работать в непривычных регионах и ситуациях позитивно отличают немецкую культурно-образовательную политику.

Её институциональная структура также представляется сбалансированной. С одной стороны, в ней достигнут высокий уровень децентрализации, при которой каждая уполномоченная институция занимается своим участком работы. С другой стороны, между всеми институциями существует серьезная координация со стороны Бундестага, МИД ФРГ и в целом немецкого правительства. Система АКВР не перегружена лишними и нереалистичными показателями эффективности, в оценке ее результатов доминируют не столько количественные, сколько все же качественные критерии. А количество сотрудников, финансирование и иные инфраструктурные характеристики всегда определяются исходя из потребностей конкретного проекта.

Библиографический список

1. Ланьшина Т.А. «Мягкая сила» Германии: культура, образование, наука // Вестник международных организаций. 2014. №2. С. 28–58.
2. Bericht der Bundesregierung zur Auswärtigen Kultur- und Bildungspolitik. Drucksache 18/5057. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/050/1805057.pdf> (дата обращения: 30.12.2015).
3. Antwort der Bundesregierung auf die Große Anfrage der Abgeordneten Ulla Schmidt (Aachen), Rainer Arnold, Sabine Bätzing-Lichtenthäler, weiterer Abgeordneter und der Fraktion der SPD – Drucksache 17/11981. URL:

- <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/17/119/1711981.pdf> (дата обращения: 30.12.2015).
4. Auswärtige Kulturpolitik – Konzeption 2000. URL: http://www.ifa.de/fileadmin/pdf/aa/akbp_konzeption2000.pdf (дата обращения: 30.12.2015).
  5. Auswärtige Kultur- und Bildungspolitik in Zeiten der Globalisierung: Partner gewinnen, Werte vermitteln, Interessen vertreten. Konzeption des Auswärtigen Amtes. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/cae/servlet/contentblob/632978/publicationFile/174947/AKBP_Globalisierung.pdf (дата обращения: 30.12.2015).
  6. DAAD: Jahresbericht 2014. URL: https://www.daad.de/medien/jahresbericht_2014.pdf (дата обращения: 30.12.2015).
  7. Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Evaluationsbericht 2010 der Deutschen Welle. Drucksache 17/1290. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/17/012/1701290.pdf> (дата обращения: 30.12.2015).
  8. Deutscher Bundestag: Stenografischer Bericht, 128. Sitzung. Berlin, Freitag, den 2. Oktober 2015. Plenarprotokoll 18/128. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/18/18128.pdf> (дата обращения: 30.12.2015).
  9. Goethe Institut: Jahrbuch 2014/2015. URL: https://www.goethe.de/resources/files/pdf54/GI_Jahrbuch_Stand_31Juli2015.pdf (дата обращения: 30.12.2015).
  10. Integrierter Unternehmensbericht 2014. GIZ: Lösungen, die wirken. URL: https://www.giz.de/de/downloads/giz2015-de-integrierter-unternehmensbericht-2014-barrierefrei_02-07-15.pdf (дата обращения: 30.12.2015).
  11. Menschen bewegen – Kulturpolitik im Zeitalter der Globalisierung. Berlin, Auswärtiges Amt, 18. – 26. April 2009. URL: <http://www.kulturbildet.de/sites/default/files/mediapool/publication/pdf/menschenbewegen.pdf> (дата обращения: 30.12.2015).
  12. *Nye J.* Soft power. The means to succeed in world politics. N.Y., 2004.
  13. Strategie DAAD 2020. URL: <https://www.daad.de/medien/der-daad/medienpublikationen/publikationen-pdfs/daad-strategie-2020.pdf> (дата обращения: 30.12.2015).
  14. Why Germany First in 2014 Nation Brands Index Is Good News. URL: <http://placebrandobserver.com/germany-top-nation-brands-index-2014/> (дата обращения: 30.12.2015).

GERMANY'S CULTURAL AND EDUCATIONAL POLICY ABROAD AND DEVELOPMENT OF GERMAN "SOFT POWER"

A.V. Devyatkov

Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Laboratory for Historical Geography and Regionalistics, Tyumen State University

K.A. Kushnir

Postgraduate Student, Tyumen State Academy of Culture, Arts, and Social Technologies

The article analyzes the conceptual basis, instruments, financial resources and key regional and thematic priorities of Germany's cultural and educational policy abroad, which is recognized by German authorities as one of the main tools of the country's foreign policy, along with classical and economic diplomacy. The authors come to the conclusion that the German model of soft power in the sphere of culture and education is adequate to modern challenges in terms of both strategic planning and institutional resources and it helps Germany to succeed in accomplishing a complex of substantial aims. Among these are formation of a system of strategic partnerships, mutual understanding with the world's key power centers, strengthening the country's status as an innovative and educational power, and development of intercultural dialogue in order to prevent and resolve conflicts.

Keywords: cultural policy; education; strategy concept; cultural representation; fellowships; exchanges; preservation of cultural heritage.

References:

1. *Lanshina T.A.* Germany's "Soft power": culture, education, science. International organizations research journal. 2014. № 2. P. 28–58. (In Rus.).
2. Bericht der Bundesregierung zur Auswärtigen Kultur- und Bildungspolitik. Drucksache 18/5057. Available at: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/050/1805057.pdf> (accessed 30.12.2015). (In German).
3. Antwort der Bundesregierung auf die Große Anfrage der Abgeordneten Ulla Schmidt (Aachen), Rainer Arnold, Sabine Bätzing-Lichtenthäler, weiterer Abgeordneter und der Fraktion der SPD – Drucksache 17/11981. Available at: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/17/119/1711981.pdf> (accessed 30.12.2015). (In German).

4. Auswärtige Kulturpolitik – Konzeption 2000. Available at: http://www.ifa.de/fileadmin/pdf/aa/akbp_konzeption2000.pdf (accessed 30.12.2015). (In German).
5. Auswärtige Kultur- und Bildungspolitik in Zeiten der Globalisierung: Partner gewinnen, Werte vermitteln, Interessen vertreten. Konzeption des Auswärtigen Amts. Available at: https://www.auswaertiges-amt.de/cae/servlet/contentblob/632978/publicationFile/174947/AKBP_Globalisierung.pdf (accessed 30.12.2015). (In German).
6. DAAD: Jahresbericht 2014. Available at: https://www.daad.de/medien/jahresbericht_2014.pdf (accessed 30.12.2015). (In German).
7. Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Evaluationsbericht 2010 der Deutschen Welle. Drucksache 17/1290. Available at: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/17/012/1701290.pdf> (accessed 30.12.2015). (In German).
8. Deutscher Bundestag: Stenografischer Bericht, 128. Sitzung. Berlin, Freitag, den 2. Oktober 2015. Plenarprotokoll 18/128. Available at: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/18/18128.pdf> (accessed 30.12.2015). (In German).
9. Goethe Institut: Jahrbuch 2014/2015. Available at: https://www.goethe.de/resources/files/pdf54/GI_Jahrbuch_Stand_31Juli2015.pdf (accessed 30.12.2015). (In German).
10. Integrierter Unternehmensbericht 2014. GIZ: Lösungen, die wirken. Available at: https://www.giz.de/de/downloads/giz2015-de-integrierter-unternehmensbericht-2014-barrierefrei_02-07-15.pdf (accessed 30.12.2015). (In German).
11. Menschen bewegen – Kulturpolitik im Zeitalter der Globalisierung. Berlin, Auswärtiges Amt, 18. – 26. April 2009. Available at: <http://www.kulturbildet.de/sites/default/files/mediapool/publication/pdf/menschenbewegen.pdf> (accessed 30.12.2015). (In German).
12. Nye J. Soft power. The means to succeed in world politics. N.Y., 2004. (In English).
13. Strategie DAAD 2020. Available at: <https://www.daad.de/medien/der-daad/medien-publikationen/publikationen-pdfs/daad-strategie-2020.pdf> (accessed 30.12.2015). (In English).
14. Why Germany First in 2014 Nation Brands Index Is Good News. Available at: <http://placebrandobserver.com/germany-top-nation-brands-index-2014>. (accessed 30.12.2015). (In English).

УДК-327.8(470+571)

РОССИЙСКАЯ МИРОТВОРЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ В ПРИДНЕСТРОВЬЕ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Ф.Л.Бражалович, М.И.Ключников, Н.Л.Туров¹

В статье кратко рассмотрены причины и предпосылки приднестровского конфликта, этапы развития миротворческой операции в Приднестровье. Присутствие миротворческого контингента, в т.ч. российских миротворцев, в зоне конфликта имеет стратегическую важность для европейской безопасности, предотвращая потенциальную эскалацию конфликта. Существующий переговорный формат «5+2» при участии ОБСЕ несовершенен, но лишь его сохранение может гарантировать мир и стабильность на берегах Днестра.

Ключевые слова: Приднестровье; Молдова; российские миротворцы; приднестровский конфликт.

1. Предпосылки приднестровского конфликта

История приднестровского конфликта берет свое начало еще в 1989 г. [11]. В то время в республиках Советского Союза на фоне политики перестройки происходило нарастание националистических настроений и движений. Молдавская ССР (МССР) не была исключением. Часть местной интеллигенции и депутатов Верховного Совета поддержала националистическую идею. Летом 1989 г. в республике был принят закон о языке, в основу которого входило утверждение молдавского языка (в варианте, идентичном румынскому) в качестве единственного государственного и перевод письменности на латиницу. Не все жители МССР поддерживали принятие этого закона: в Тирасполе был создан объединенный Совет трудовых коллективов, собравший рабочих с промышленных предприятий Приднестровья, который организовал массовые забастовки, требуя проведения референдума по вопро-

---

¹ Бражалович Федор Леонидович – аспирант кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. E-mail: 1_flb@mail.ru.

Ключников Михаил Игоревич – аспирант кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. E-mail: geomk@mail.ru.

Туров Никита Леонидович – аспирант кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. E-mail: nikitaturov@yandex.ru.

© Бражалович Ф.Л., Ключников М.И., Туров Н.Л., 2016

су государственного языка. Напряженность в Приднестровском регионе продолжала нарастать из-за игнорирования Кишиневом Совета трудовых коллективов. В 1990 г. во многих населенных пунктах левобережья Днестра и в Бендерах произошел ряд референдумов по вопросу создания Приднестровской АССР, где более 90% респондентов поддержали эту идею. Кишинев не признал эти результаты.

Летом того же года Верховный Совет Молдавской ССР принял декларацию независимости. Депутаты от Приднестровья не поддержали принятие декларации и покинули Верховный Совет. Осенью в г. Тирасполе на съезде местных депутатов была провозглашена Приднестровская Молдавская ССР, также включившая в свой состав г. Бендеры, расположенный на правом берегу Днестра. Существовавшие противоречия между г. Тирасполем и Кишиневом относительно сохранения СССР и последующее признание Верховным Советом МССР незаконности всех документов, по которым Молдавия (в том числе и Приднестровье) являлась частью Советского Союза, способствовали окончательному размежеванию сторон. Ответным шагом со стороны Приднестровья стало проведение выборов президента 1 декабря 1991 г. и проведенный единый референдум Приднестровской Молдавской Республики (ПМР), в котором 78% населения проголосовало за провозглашение независимости.

2. Вооруженный конфликт

Первые вооруженные столкновения между сторонами произошли осенью 1990 г. Это были стычки в местах переправ через Днестр, в то время находившихся под контролем г. Тирасполя. После подписания 28 марта 1992 г. указа президента Республики Молдова Мирчи Снегура о наведении «конституционного порядка» на территории Левобережья начался новый этап эскалации конфликта и отдельные стычки постепенно переросли в крупномасштабные боевые действия. Наиболее ожесточенные столкновения происходили в 1992 г. в районах г. Дубоссары и Бендеры. В качестве участников боевых действий, с одной стороны, выступали молдавские силы МВД, отряды национальной армии, отряды самообороны, а с другой – приднестровская республиканская гвардия, милиция и добровольцы-казаки. По итогам вооруженных столкновений с ноября 1991 г. по июль 1992 г. потери обеих сторон оценивались: со стороны приднестровцев – 203 убитых, ок. 300 раненых; с молдавской стороны – 80 убитых, ок. 500 раненых [5].

Остановить вооруженный конфликт удалось при вмешательстве России. Особая заслуга в его предотвращении принадлежит генералу Александру Ивановичу Лебедю. Перед отправлением в Приднестровье ему были поставлены следующие задачи [2]:

- 1) остановить любыми доступными средствами кровопролитие;
- 2) при необходимости обеспечить эвакуацию семей военнослужащих;
- 3) взять под жесткий контроль все базы и склады с оружием и боеприпасами;
- 4) обеспечить беспрепятственный пропуск эшелонов с боеприпасами, оружием и техникой через территорию Украины;
- 5) создать условия непрепятствования для выполнения вышеуказанных задач.

На тот момент в Приднестровье дислоцировалась 14-я армия РФ, которой командовал генерал Ю.М. Неткачев. Он выполнял приказ Министерства обороны РФ – занимать нейтралитет, несмотря на то, что с первых дней конфликта большинство офицеров и командиров частей 14-й армии решили встать на защиту Приднестровья [13]. Ю.М. Неткачев отдал приказ не поддаваться на провокации против российских военнослужащих, даже несмотря на потери – среди личного состава были погибшие, уничтожалась материальная база армии, под угрозой были склады с запасом вооружения.

23 июня 1992 г. А.И. Лебедь прибыл под именем полковника Гусева – представителя Министерства обороны РФ, направленного с целью изучения сложившейся обстановки. Во время первого совещания с командирами приднестровских вооруженных формирований стало ясно, что взаимодействие между частями 14-й армии, добровольческими и военизированными отрядами ПМР отсутствует. Первым шагом для исправления ситуации стало налаживание координации между всеми вооруженными формированиями. Возобновили деятельность военкоматы, проводились боевые стрельбы, отрабатывалось боевое слаживание подразделений, приводились в боеготовое состояние техника и вооружение. К концу июня части армии были полностью мобилизованы и готовы к боевым действиям, их численность составила 17 тыс. чел. Помимо войсковой подготовки, были выполнены задачи по выводу и эвакуации гражданского населения из Бендер, по организации питания и по медицинскому обслуживанию беженцев [13].

Военный совет 14-й армии 26 июня выступил с заявлением к главам правительств и народам Содружества Независимых Государств, в котором осуждалось применение Молдовой авиационных ударов по мирным целям Приднестровья, однако это заявление не возымело эффекта. В тот же день Александр Лебедь собрал пресс-конференцию, в которой было заявлено о «качественно другом нейтралитете – вооруженном нейтралитете», сущность которого состояла в том, что «...пока нас трогать не будут, и мы никого трогать не будем» [2]. 27 июня из Москвы пришла шифровка с предложением назначить генерала А.И. Лебеда командующим 14-й армией вместо генерала Ю.М. Неткачева, на которую был получен положительный ответ. До 28 июня

велась интенсивная артиллерийская стрельба с молдавской стороны по позициям левого берега. В Бендерах шли бои. В целях деэскалации конфликта генерал А.И. Лебедь уточнил задачи российской артиллерии: уничтожить склады с боеприпасами, ГСМ и артиллерию молдавской стороны, цели искать самим. В ночь на 30-е июня была уничтожена молдавская реактивная батарея БМ-21 «Град» на Кицканском плацдарме. 1 июля на направлении Кошница – Дороцкое была уничтожена минометная батарея, а также склад боеприпасов. 2 июля уничтожена минометная батарея, наблюдательный пункт и колонна полиции. В результате молдавская сторона потеряла до 150 чел. убитыми. К исходу 2 июля был составлен список целей для дальнейших «действий». Объектами для поражения были выбраны три базы молдавского ОПОНа, полиции и регулярной армии (одна – южнее с. Слободзея, другая – в Гербовецком лесу, третья – южнее с. Голерканы), три склада ГСМ, три артиллерийских батареи и один командный пункт. А.И. Лебедь дал добро на ведение огня по целям, и в ночь на 3 июля по вышеуказанным объектам был нанесен мощный огневой удар восемью артиллерийскими дивизионами и шестью минометными батареями. В г. Кишиневе возникла настоящая паника, молдавская сторона ожидала наступления танков 14-й армии на город.

Итогом решительных действий 14-й армии и вооруженных формирований, воевавших на стороне ПМР, под командованием генерала А.И. Лебеда, стала встреча президентов Молдовы и России, состоявшаяся 3 июля в Москве. Это была первая попытка разрешения конфликта в политическом русле.

3. Соглашение о прекращении огня и ввод миротворцев

Сложившаяся ситуация во взаимоотношениях непризнанной ПМР и Молдовы в начале 1990-х гг. не могла разрешиться самостоятельно и требовала участия «третьей стороны». Военно-политическое вмешательство России в конфликт между Приднестровьем и Молдовой способствовало прекращению вооруженного конфликта. Для урегулирования ситуации мирным путем 21 июля 1992 г. в Москве при участии Б.Н. Ельцина, М.И. Снегура и в присутствии И.Н. Смирнова было подписано «Соглашение о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республика Молдова» [17]. Основные положения данного соглашения сводились к следующему [18]:

- 1) конфликтующие стороны обязались предпринять меры к полному прекращению огня, отвести войска, вооруженную технику из «Зоны безопасности»;
- 2) для обеспечения контроля за прекращением огня, отвода войск и вооружений в этой зоне создавалась Объединенная Контрольная Комиссия

(ОКК), состоящая из представителей трех сторон, участвующих в урегулировании конфликта;

3) комиссия использует в своей работе группы военных наблюдателей, ей в подчинение передаются созданные на добровольной основе воинские контингенты миротворческих сил сторон, участвующих в выполнении данного соглашения (совместные миротворческие силы – СМС);

4) комиссия совместно обеспечивает поддержание правопорядка в г. Бендеры и прилегающих селах;

5) части 14-й армии Вооруженных Сил РФ, дислоцированные в Республике Молдова, будут соблюдать нейтралитет. Обе стороны в конфликте берут на себя обязательство уважать нейтралитет и воздерживаться от любых противоправных действий в отношении военного имущества, военнослужащих этой армии и членов их семей. Вопросы о статусе армии, порядке и сроках ее поэтапного вывода будут определены в ходе переговоров между Россией и Молдовой.

В течение определенного промежутка времени благодаря отсутствию военной конфронтации между ПМР и РМ происходило уменьшение численности совместных миротворческих сил. 20 марта 1998 г. в Одессе представители Молдовы и ПМР заключили «Соглашение о мерах доверия и развития контактов между Республикой Молдова и ПМР», которое обговаривало следующие положения [19]:

1) сокращение в двухмесячный срок численного состава миротворческих сил Молдовы и ПМР в «Зоне безопасности» до 500 военнослужащих с каждой стороны со штатной боевой техникой и вооружением;

2) сокращение количества стационарных КПП и совместных постов МС, замена их мобильным патрулированием;

3) направление в «Зону безопасности» миротворцев четырех сторон. Данное соглашение регулировало подключение к миротворческой операции группы военных наблюдателей Украины, а также представителей ОБСЕ на основе принципов сотрудничества.

Соглашение также фиксировало новый формат миротворческой операции, как «3+2», где Молдова и ПМР выступают как стороны конфликта, Россия и Украина – гарантами стабильности в регионе и посредники, ОБСЕ – посредник. В 2005 г. формат соглашения был трансформирован в формат «5+2», придав США и ЕС статус наблюдателей. Разграничителями конфликта выступали сами стороны конфликта и СМС, а не ОБСЕ. Формат «5+2» не позволяет добиться урегулирования конфликта, «заморозив» его: с одной стороны, не происходит эскалации конфликта и вооруженных действий, но и к реальному мирному урегулированию оно не приводит. При этом единого блока документов всех миротворческих соглашений нет ни у одной из сто-

рон, что создает условия для трансформации СМС. Формат соглашения «5+2» будет действенным при эскалации конфликта, когда можно будет объективно оценить действия участников конфликта с точки зрения разных международных акторов.

В 2009 г. в совместном заявлении президентов Молдовы, ПМР и России была отмечена стабилизирующая роль миротворцев и целесообразность замены российского миротворческого контингента мирогарантийной операцией под эгидой ОБСЕ только после урегулирования приднестровского конфликта [16].

Вопреки соглашению с 2011 г., ОБСЕ требует вывода российских войск с целью «преобразования существующего механизма поддержания мира в многонациональную гражданскую миссию с международным мандатом со стороны ОБСЕ». В 2013 г. в Стамбуле принята резолюция «Процесс приднестровского урегулирования» [12], требующая изменить формат существующей миротворческой операции. Парламентская ассамблея ОБСЕ считает, что «определение особого правового статуса Приднестровского региона в составе Республики Молдова наряду с укреплением и обеспечением суверенитета, независимости и территориальной целостности Республики Молдова в ее международно-признанных границах составляет основную цель процесса урегулирования приднестровского конфликта». Россия же не планирует выводить свой контингент, т.к. по договорам 1992 г. и 1998 г. она является страной-гарантом стабильности в регионе.

4. Попытки политического урегулирования

Из фазы «горячего конфликта» приднестровский конфликт перешел в фазу «замороженного», оставшись неразрешенным. Власти непризнанной республики указывают на множество существующих политических и социально-экономических противоречий между сторонами: языковой вопрос, идеология, разные «геополитические векторы» сторон, различия в экономических моделях и т.п., чем аргументируют невозможность воссоединения с ней. В свою очередь, официальный Кишинев называет Приднестровский регион зоной криминального режима и контрабанды. В середине 1990-х гг. было подписано три меморандума «Об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем» [6], однако существенных изменений по их итогам не последовало.

В 2003 г. заместителем руководителя Администрации Президента РФ (впоследствии – руководителем Аппарата Правительства РФ) Д.Н. Козаком был разработан проект, получивший наименование «Меморандум Козака», который предусматривал федерализацию Молдовы, в рамках которой Приднестровье и Гагаузия должны были получить особый статус, позволяющий

им блокировать законопроекты, не соответствующие их интересам [8]. Также проект позволял данным автономиям размещать на своей территории российские войска сроком на 20 лет в качестве гаранта урегулирования конфликта. Однако в последний момент его подписание было сорвано Президентом Молдовы Владимиром Ворониным. В 2005 г. Президент Украины Виктор Ющенко предложил собственный план урегулирования конфликта, однако данная инициатива не нашла поддержки [11]. В 2006–2007 гг. следствием очередного политического кризиса в отношениях между г. Кишиневом и Тирасполем стала фактическая экономическая блокада Левобережья. С 2007 г. каких-либо существенных предложений по урегулированию конфликта не было предоставлено.

В ходе переговорного процесса продолжается непростое взаимодействие г. Кишинева и Тирасполя в рамках контактов политических представителей сторон: со стороны Молдовы – Бюро по реинтеграции Правительства Республики Молдова (глава Бюро подчиняется Заместителю Премьер-министра страны), со стороны Приднестровья – Министерство иностранных дел ПМР. Продолжается и совместная деятельность в рамках рабочих групп по мерам укрепления сотрудничества и развитию взаимодействия (10 экспертных групп по разным вопросам взаимодействия – в сферах экономики и торговли, образования, транспорта, социальным вопросам, таможи и т.п.) [4]. Военно-политическое взаимодействие и обсуждение вопросов безопасности продолжается в рамках ОКК, при посредничестве ОБСЕ, а также в рамках периодических встреч представителей сторон в формате «5+2» (Молдова, Приднестровье, ОБСЕ, Россия, Украина, США и ЕС).

Приднестровский конфликт на политическом уровне остается замороженным, и предпосылок к его разрешению не наблюдается. На уровне же общественных отношений между жителями обоих берегов Днестра неразрешимые противоречия отсутствуют [7, 9], что, по мнению авторов, представляет собой позитивную «базу» для возможного будущего урегулирования конфликта [20].

5. «Зона безопасности»

Соглашение от 1992 г. регулировало так называемую «Зону безопасности». «Зона безопасности» имеет протяженность до 225 км и ширину 12–24 км, расположена между конфликтующими сторонами и разделена на 3 участка: Северный, Центральный и Южный [19]. Северный участок выделен «условно» – боевых действий в его пределах не велось. «Зона безопасности» покрывает, главным образом, территорию непризнанной ПМР (примерно 60% территории) и меньшую часть собственно территории Молдовы. В «Зоне» также определен район с повышенными мерами безопасности с центром в г.

Бендеры. В г. Бендеры и в Дубоссары располагаются военные комендатуры СМС, коменданты которых обладают соответствующими полномочиями, которые утверждены ОКК [10]. В пределах этих зон было размещено более 40 миротворческих постов, которые располагались на основных транспортных магистралях, а также на мостах в пределах «Зоны безопасности». СМС взяло под контроль понтонные переправы и плотину Дубоссарской гидроэлектростанции. Впоследствии, после стабилизации ситуации в регионе, количество постов было сокращено до 15. При отсутствии разграниченного пространства безопасности между двумя сторонами, «Зона безопасности» является основой взаимоотношений Молдовы и Приднестровья в вопросах безопасности и в системе региональной стабильности в целом.

Российский миротворческий контингент был введен в «Зону безопасности» в ночь с 31 июля на 1 августа 1992 г. и выполняет следующие задачи [5]:

- 1) восстановление мира и поддержание правопорядка в регионе, создание предпосылок для его разрешения мирным путем;
- 2) контроль за соблюдением режима безопасности в зоне урегулирования конфликта и сбором информации о фактах нарушения противоборствующими сторонами принятых договоренностей по поддержанию мира и правопорядка;
- 3) несение службы на стационарных односторонних, совместных двухсторонних и трехсторонних постах путем наблюдения, контроля, досмотра и пропуска транспортных средств, грузов и лиц, въезжающих или выезжающих в «Зону безопасности».

До 1996 г. миротворческий контингент от России комплектовался из частей, расположенных в России, однако с течением времени было принято решение о комплектовании личного состава миротворческих сил России в Приднестровье из числа проживающих здесь граждан РФ (в Приднестровье значительное число граждан также обладает паспортами РФ). На Днестре располагаются два батальона, укомплектованные по миротворческому штату: один дислоцируется непосредственно в зоне безопасности, а второй находится в пункте постоянной дислокации, где военнослужащие РФ проходят подготовку в соответствии с международными стандартами подготовки миротворцев. Основная часть российского миротворческого батальона дислоцирована в г. Бендеры и несет службу в южной части «Зоны безопасности». На центральном участке выполняет задачи отдельная рота, расквартированная в г. Дубоссары. В российском воинском контингенте СМС проходят службу

только граждане РФ, все они являются военнослужащими по контракту, солдат срочной службы среди миротворцев нет (рис. 1).¹

---

¹ По информации, полученной в ходе официальной встречи географов-исследователей со старшим военным начальником российского миротворческого контингента в Приднестровском регионе Республики Молдова полковником В.В. Ближенским 01.02.2014 г. в г. Тирасполь (в рамках экспедиционного исследования кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова «Трансграничное взаимодействие как фактор разрядки и нейтрализации политических конфликтов (на примере Молдовы и Приднестровья)», проведенного при поддержке лаборатории геополитических исследований Института географии РАН в период с 27 января по 5 февраля 2014 г.)

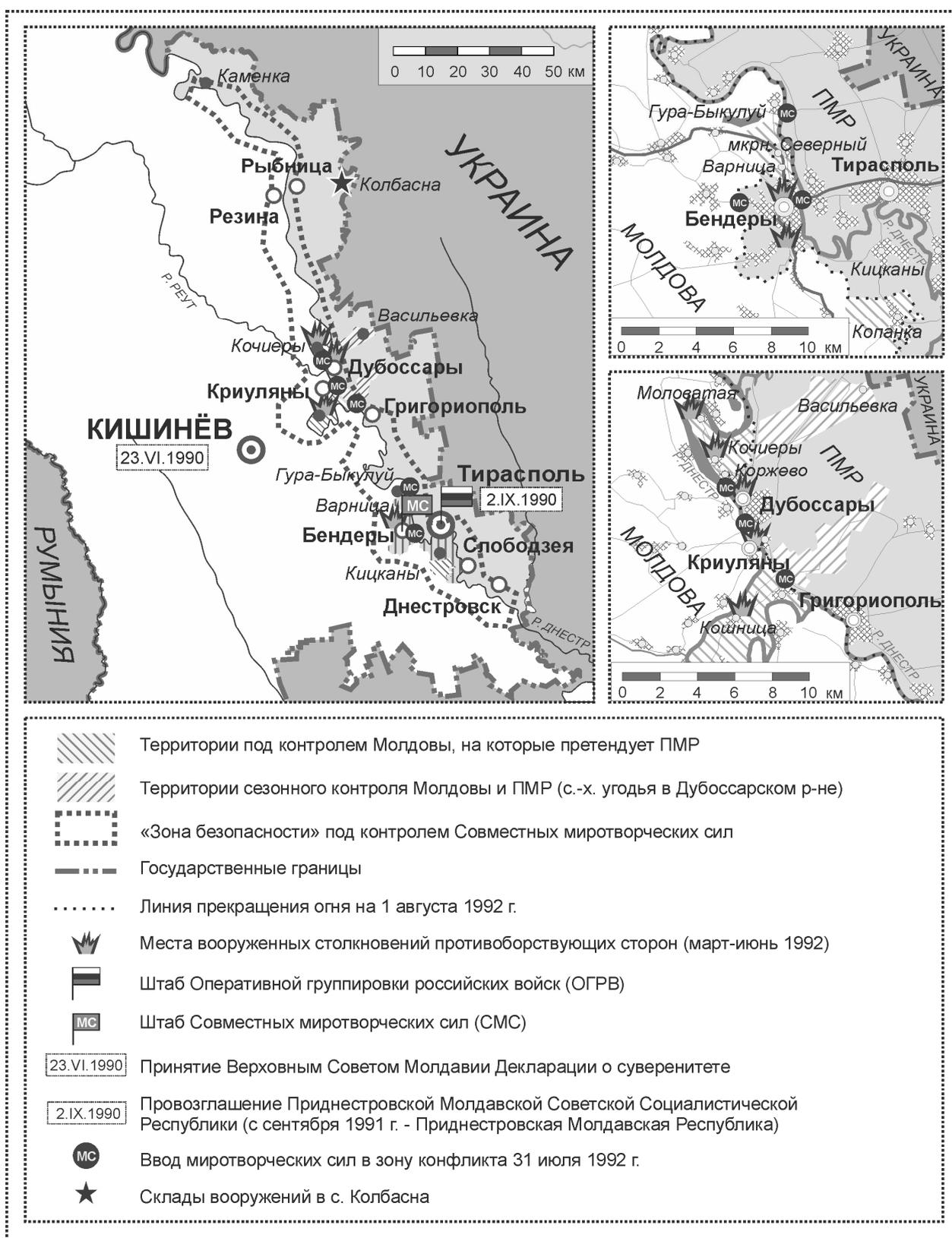

Рис. 1. Приднестровский конфликт. Составлено авторами на основе: [1, 15]

6. Склады вооружений в с. Колбасна

В районе с. Колбасна сегодня по-прежнему находятся склады вооружения (1411 артиллерийский склад) [3]. Этот склад был создан в 1949 г. и служил стратегическим арсеналом западного военного округа СССР, а впоследствии предназначался для снабжения 14-й армии. Основную часть боеприпасов сюда завезли после вывода советских войск из бывшей ГДР, Чехословакии и других европейских стран. В советские годы склады несли действительно смертоносный заряд. По состоянию на 2000 г., объемы вооружений и боеприпасов, принадлежащих России, в Приднестровье составляли около 42 000 т. По Стамбульским соглашениям было вывезено более 20 000 т. боеприпасов, происходила их утилизация и на месте. В 2003 г. вывоз оружия был остановлен из-за неподписания Молдовой меморандума Козака, после чего было принято решение, что российское оружие и российские военные останутся здесь до полного урегулирования конфликта. По предварительным данным, на складе по различным оценкам хранится от 19 000 до 21 500 т. боеприпасов: снаряды, авиабомбы, мины, гранаты, патроны. Из них 57% – просрочены для использования и транспортировки. Колбасна располагается всего в 4 км от границы с Украиной, что после событий марта 2014 г. беспокоит руководителей Украины, которые боятся потенциального использования вооружений против страны.

7. Роль совместных миротворческих сил в поддержании мира и безопасности в Приднестровье

В настоящее время в составе Оперативной группы российских войск (ОГРВ) в Приднестровье находятся около 1,5 тысяч российских военнослужащих, которые дислоцируются в регионе в соответствии со статьями 2 и 4 Соглашения от 21 июля 1992 г. Приднестровская сторона предлагает увеличить численность российского миротворческого контингента до 2 400 чел. и восстановить летную эскадрилью СМС для моментального реагирования в случае каких-либо инцидентов. За сохранение действующего формата СМС выступают как официальные власти Приднестровья, так и ее население. Молдова же, напротив, настаивает на том, что на территории Приднестровского региона, части территории Молдовы, присутствие СМС неоправданно¹.

Главным, и, несомненно, положительным итогом совместной миротворческой деятельности можно считать то, что в регионе отсутствует открытое вооруженное противостояние. Об эффективной деятельности контингента говорят некоторые цифры: на начало 2014 г., с момента ввода в зону

---

¹ По информации, полученной в ходе официальной встречи географов-исследователей с главой Бюро по реинтеграции Республики Молдова Г. Баланом и представителем в ОКК от Республики Молдовы Э. Бумбаком 29.01.2014 г.

конфликта, российские миротворцы за нарушение режима безопасности задержали 133 219 чел., изъяли более 265 единиц стрелкового оружия, 155 030 патронов и 1 396 ручных гранат, обнаружили и обезвредили 13 778 взрывоопасных предметов, в том числе 6 467 противопехотных мин, 2 870 противотанковых мин, 222 различных фугаса [5]¹.

За время пребывания совместных миротворческих сил в регионе не зафиксировано случаев протестного настроения местного населения. Присутствие СМС помогло не только остановить боевые действия, но и создать условия для мирного урегулирования приднестровского конфликта. [21] Сами стороны конфликта самостоятельно не имеют возможности разрешить конфликт, поэтому присутствие миротворческих сил в «Зоне безопасности» представляется жизненно необходимым. Обе стороны конфликта имеют разные позиции относительно состава миротворцев: если ПМР хочет оставить нынешний формат СМС², то Молдова планирует трансформировать СМС путем замены российских миротворцев международными наблюдателями [14]. Саму деятельность миротворческих сил в регионе стоит признать успешной, т.к. главное, – удалось предотвратить эскалацию конфликта. Подтверждением является тот факт, что ОБСЕ в 2009 г. высоко оценил деятельность СМС в урегулировании конфликта между ПМР и Молдовой.

8. Невоенная роль российских миротворцев

Помимо осуществления основных задач, военнослужащие российского миротворческого контингента совместно с молдавскими и приднестровскими коллегами так или иначе участвуют и в общественной жизни региона. Так, совместно с молдавскими и приднестровскими партнерами, личный состав МС неоднократно участвовал в мероприятиях по увековечиванию памяти погибших в Великой Отечественной войне в «Зоне безопасности», принимал участие в захоронении, открытии памятников и памятных плит воинам погибших при освобождении Молдавии – в г. Дубоссары, с. Гура-Быкулуй, Шерпенском и Кицканском плацдарме.

Кроме того, известны и факты активной помощи населению обоих берегов Днестра военнослужащими российских миротворческих сил при различных чрезвычайных ситуациях³. Так, в 2009 г. в районе одного из миро-

---

¹ По информации, полученной в ходе официальной встречи географов-исследователей со старшим военным начальником российского миротворческого контингента в Приднестровском регионе Республики Молдова полковником В.В. Ближенским 01.02.2014 г.

² По информации, полученной в ходе официальной встречи географов-исследователей с членами ОКК от Приднестровья 03.02.2014 г.

³ По информации, полученной в ходе официальной встречи географов-исследователей со старшим военным начальником российского миротворческого контингента в Приднестровском регионе Республики Молдова полковником В.В. Ближенским 01.02.2014 г.

творческих постов сержант В.П. Бытич с риском для жизни спас провалившихся под лед озера молдавских детей, за что был поощрен лично Президентом Молдовы. В 2012 г. в г. Дубоссары военнослужащий МС РФ спас тонущую гражданку Молдовы, упавшую с парома в воду Днестра. В 2013 г. в районе поста миротворцев у моста через Днестр, в г. Бендеры, во время ДТП загорелся легковой автомобиль, и военнослужащие поста первыми пришли на помощь пострадавшим, под угрозой взрыва вытащив пассажиров и оказав им медицинскую помощь, за что были поощрены руководством Приднестровья. В случае возникновения чрезвычайных ситуаций налажено взаимодействие всех трех контингентов в помощи населению. Так, во время наводнений, паводков военнослужащие разворачивают полевые кухни для обеспечения местного населения горячей пищей; во время сильных снегопадов зимой 2013 г. из состава российского контингента выделялись тягачи для эвакуации застрявшего на дорогах общественного транспорта и большегрузных автомобилей (среди которых были и большегрузы из Молдовы, Италии, Испании).

Таким образом, кроме непосредственного участия миротворцев в предотвращении военной эскалации конфликта, невоенная деятельность миротворцев также способствует в значительной мере снятию социальной напряженности в регионе и установлению доверия между обоими берегами Днестра.

Заключение

Сегодня, в связи с событиями 2014–2015 гг. на Украине и усилением блокады Приднестровья как со стороны Украины, так и Молдовы, проблема непризнанной ПМР вновь обострилась. На фоне политических событий, экономических войн и кризиса важно не забывать о проблемах простых жителей обоих берегов Днестра (среди которых немало и граждан России). Десятки тысяч людей должны продолжать полноценно жить, не опасаясь за свое социальное и экономическое благополучие. Только сохранение текущего формата миротворческой миссии и присутствие российских миротворцев способны обеспечить мир и стабильность на берегах Днестра. Приднестровье является для России своеобразным «якорем», мешающим вступлению Молдовы в ЕС и продвижению НАТО на Восток [22], поэтому ПМР стратегически важна для РФ. В современных геополитических условиях власти Украины блокируют Приднестровье, опасаясь военного вмешательства России на юго-запад Украины (лишение Украины выхода к Черному морю). Создание экономической блокады с двух сторон провоцирует, казалось бы, российских миротворцев на активные действия, однако именно их невмешательство в конфликт является гарантом сохранения мира в регионе. Важно присутствие российских миротворцев и в контексте региональной европейской безопасности: охрана склада в Колбасне (одного из крупнейших в Европе) предот-

вращает потенциальное «расползание» хранящихся там боеприпасов и запасов вооружений и использование их криминальными структурами и террористами в многочисленных «горячих точках» нашей планеты.

Библиографический список

1. Атлас. Приднестровская Молдавская Республика. История / под ред. А.З. Волкова, И.Н. Галинского, Н.П. Тельнова, А.А. Темникова, И.И. Крисько и др. Тирасполь, 2007. 64 с.
2. Бергман М. Как Александр Лебедь остановил войну в Приднестровье // Ava. Md. URL: <http://ava.md/projects/history/020795-kak-aleksandr-lebed-ostanovil-voinu-v-pridnestrov-e.html>.
3. Бергман: Если арсенал в Колбасне взорвется – разнесет половину Молдовы // Noi.Md. URL: http://www.noi.md/ru/news_id/10653#x.
4. Бюро по реинтеграции // Правительство Республики Молдова. URL: <http://www.gov.md/ru/biroul-pentru-reintegrare>.
5. Возникновение и развитие вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова // Министерство обороны РФ. URL: http://structure.mil.ru/mission/peacekeeping_operations/more.htm?id=10336232@cmsArticle.
6. Герцен А.А. Быть ли Молдавии федерацией? // География. 2001. №20(603).
7. Герцен А.А. Молдавия, Приднестровье // Двадцать лет разделенного единства: экспедиционные записки. Смоленск: Ойкумена, 2012. 314 с.
8. Герцен А.А. Эволюция административно-территориального деления Молдавии: дис. ... к.геогр.н. М., 2010.
9. Заяц Д.В., Колосов В.А. Молдова и Приднестровье: национальное строительство, территориальные идентичности, перспективы разрешения конфликта // Вестник Евразии. 2001. №1. С.88–122.
10. Информация Об особенностях миротворческой операции в Приднестровье, проводимой под эгидой Российской Федерации в период с 21 июля 1992 г. по январь 2014 г. (для экспертной группы исследователей МГУ им. М.В. Ломоносова), б/н от 03.02.2014 // Объединенная контрольная комиссия. Делегация от Приднестровской Молдавской республики.
11. Ожиганов Э.Н. Этнополитический конфликт в Приднестровье: причины и развитие (1989–1992 гг.) // Приднестровская Молдавская Республика: до и после референдума 17 сентября 2006 г. / Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2006. №20(308). С.29. URL: http://www.council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/25772.

12. ПА ОБСЕ приняла резолюцию по молдавско-приднестровскому урегулированию // Regnum. URL: <http://regnum.ru/news/polit/1679630.html>.
13. Памяти Александра Ивановича Лебеда // Приднестровец.рф. URL: <http://приднестровец.рф/pridnestrove-novosti/news/bendery/pamyati-aleksandra-ivanovicha-lebedya>.
14. Президент Молдавии высказался за вывод российских военных из Приднестровья // ТАСС. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2523501>.
15. Приднестровский вооруженный конфликт, 1992 (карта) // Атлас офицера: председатель главной редакционной коллегии С.Б. Иванов. М.: ВТУ ГШ, 2006. 608 с. С. 380.
16. Россия, Молдавия и Приднестровье продолжат прямые контакты для активизации урегулирования // Интерфакс. URL: <http://www.interfax.ru/russia/69060>.
17. Соглашение «О принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республика Молдова» // Российский миротворец. URL: <http://www.peacekeeper.ru/ru/?module=pages&action=view&id=89>.
18. Соглашение «О принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республика Молдова» // Официальный сайт Делегации представителей в Объединенной контрольной комиссии от Приднестровской Молдавской Республики. URL: <http://www.okk-pridnestrovie.org/dokument-1.htm>.
19. Справочно-аналитическая информация «Об особенностях проведения миротворческой операции в Приднестровье» // Официальный сайт Делегации представителей в Объединенной контрольной комиссии от Приднестровской Молдавской Республики. URL: <http://www.okk-pridnestrovie.org/spravka.htm>.
20. Трансграничное взаимодействие как фактор разрядки и нейтрализации политических конфликтов (на примере Молдовы и Приднестровья) Белова Е.Д., Бражалович Ф.Л., Гладкий А.С., Ключников М.И. [и др.] // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2014» / отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, К.К. Андреев, М.В. Чистякова.
21. Трансграничное взаимодействие как фактор разрядки и нейтрализации политических конфликтов (на примере Молдовы и Приднестровья). Белова Е.Д., Бражалович Ф.Л., Гладкий А.С., Ключников М.И. [и др.]. Отчет по итогам экспедиции 2015 г. кафедры СЭГЗС географического факультета МГУ в Республику Молдова. М.: каф. СЭГЗС, геогр. ф-т МГУ, 2015. 30 с.

22. *Туров Н.Л.* Республика Молдова как объект геополитических устремлений Румынии // Центр стратегических оценок и прогнозов. URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/500/respublika-moldova-kak-obekt-geopoliticheskikh-ustremlenij-rumynii-6446>.

RUSSIAN PEACEKEEPING OPERATION IN TRANSNISTRIA: PAST AND PRESENT

F.L. Brazhalovich

Postgraduate Student, Department of Social-Economic Geography of Foreign Countries, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University

M.I. Klyuchnikov

Postgraduate Student, Department of Social-Economic Geography of Foreign Countries, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University

N.L. Turov

Postgraduate Student, Department of Geography of World Economy, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University

The article briefly considers the reasons and background for the Transnistria-Moldova conflict and stages of the peacekeeping operation in Transnistria. The presence of the peacekeeping force (including Russian peacekeepers) in the conflict zone is of strategic importance for European security since it prevents a potential escalation of the conflict. The existing OSCE negotiation format «5+2» is not perfect, but it appears to be the only way to guarantee peace and stability in the region.

Keywords: Transnistria; Moldova; Russian peacekeepers; Transnistria-Moldova conflict.

References:

1. Atlas. The Pridnestrovian Moldavian Republic. History. 2nd ed., ext. Ed. by A.Z. Volkova, I.N. Galinskiy, N.P. Tel'nov, A.A. Temnikov, I.I. Krisko et. al. Tiraspol, 2007. 64 p. (In Rus.).
2. *Bergman M.* How Alexander Lebed stopped the war in Transnistria. AVA. MD. Available at: <http://ava.md/projects/history/020795-kak-aleksandr-lebed-ostanovil-voinu-v-pridnestrov-e.html>. (In Rus.).
3. *Bergman M.* If the arsenal in Kolbasna explodes, it will destroy a half of Moldova. NOI md. Available at: http://www.noi.md/ru/news_id/10653#x. (In Rus.).

4. Bureau on reintegration. Government of the Republic of Moldova. Available at: <http://www.gov.md/ru/biroul-pentru-reintegrare>. (In Rus.).
5. The emergence and development of the armed conflict in the Transnistrian region of the Republic of Moldova. Ministry of Defense of the Russian Federation. Available at: http://structure.mil.ru/mission/peacekeeping_operations/more.htm?id=10336232@cmsArticle. (In Rus.).
6. *Gertsen A.A.* Whether Moldova will be a federation. *Geography*. 2001. №20(603). (In Rus.).
7. *Gertsen A.A.* Moldova, Transnistria. Twenty years of divided unity: expeditionary notes. Smolensk: Oykumena Publ., 2012. P.117–140. (In Rus.).
8. *Gertsen A.A.* The evolution of administrative-territorial division of Moldova. Cand. geogr. sci. diss. Moscow, 2010. (In Rus.).
9. *Zayats D.V., Kolosov V.A.* Moldova and Transnistria: national construction, territorial identity, prospects for the conflict settlement. *Acta Eurasica*. 2001. №1. P.88–122. (In Rus.).
10. Information on the peacekeeping operation in Transnistria carried out under the auspices of the Russian Federation during the period from 21 July 1992 to January 2014 (for the expert group of MSU researchers), 02.03.2014. Joint Control Commission. Delegation from the Pridnestrovian Moldavian Republic. (In Rus.).
11. *Ozhiganov E.N.* Ethno-political conflict in Transnistria: causes and development (1989-1992). The Transnistrian Moldavian Republic: before and after the referendum of September 17, 2006. Analytical Bulletin of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. 2006. №20 (308). P.29. Available at: http://www.council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/25772 (In Rus.).
12. OSCE Parliamentary Assembly adopted a resolution on the Moldovan-Transnistrian settlement. *Regnum*. Available at: <http://regnum.ru/news/polit/1679630.html>. (In Rus.).
13. In memory of Alexander Lebed. Pridnestrovets.RF. Available at: <http://приднестровец.рф/pridnestrove-novosti/news/bendery/pamyati-aleksandra-ivanovicha-lebedya>. (In Rus.).
14. Moldovan President called for the withdrawal of Russian militaries from Transnistria. TASS. Available at: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2523501>. (In Rus.).
15. Transnistrian armed conflict, 1992 (Map). Atlas of Officer. Ed. by S.B. Ivanov. M., Directorate of Military Survey, General Staff Publ., 2006. P. 380. (In Rus.).

16. Russia, Moldova and Transnistria will continue direct contacts to intensify settlement. Interfax. Available at: <http://www.interfax.ru/russia/69060>. (In Rus.).
17. The agreement «On principles of peaceful settlement of the armed conflict in the Transnistrian region of the Republic of Moldova». Russian peacekeeper. Available at: <http://www.peacekeeper.ru/ru/?module=pages&action=view&id=89>. (In Rus.).
18. The agreement «On principles of peaceful settlement of the armed conflict in the Transnistrian region of the Republic of Moldova». Official website of the Delegation of representatives in the Joint Control Commission from the Pridnestrovian Moldavian Republic. Available at: <http://www.okk-pridnestrovie.org/dokument-1.htm>. (In Rus.).
19. Reference and analytical information «On peculiarities of the peacekeeping operation in Transnistria». Official website of the Delegation of representatives in the Joint Control Commission from the Pridnestrovian Moldavian Republic. Available at: <http://www.okk-pridnestrovie.org/spravka.htm>. (In Rus.).
20. *Belova E.D., Brazhalovich F.L., Gladkiy A.S., Klyuchnikov M.I., and others* Cross-border cooperation as a factor for detente and neutralization of political conflicts (a case study of Moldova and Transnistria). Proc. of the International Youth Science Forum "Lomonosov-2014". Ed. by A.I. Andreev, A.V. Andriyanov, E.A. Antipov, K.K. Andreev, M.V. Chistyakova. (In Rus.).
21. *Belova E.D., Brazhalovich F.L., Gladkiy A.S., Klyuchnikov M.I., and others* Cross-border cooperation as a factor for detente and neutralization of political conflicts (a case study of Moldova and Transnistria). Scientific expeditionary report. M., Department of Human Geography of Foreign Countries, Faculty of Geography, MSU. 2015. 30 p. (In Rus.).
22. *Turov N.L.* The Republic of Moldova as an object of Romania's geopolitical aspirations. Center for Strategic Studies and forecasts. Available at: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/500/respublika-moldova-kak-obekt-geopoliticheskikh-ustremlenij-rumynii-6446>. (In Rus.).

УДК-327(470+571)

**КОНСТРУИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО
В ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ
ВЫСТРАИВАНИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С РОССИЕЙ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Д.С.Плотников¹

В статье рассматривается конструирование исторического прошлого в государствах Центральной Азии. Определяется место России в исторических образах, а также выявляется влияние идеологических доктрин на формирование внешнеполитического курса стран Центральной Азии в отношении России.

Ключевые слова: Центральная Азия; идентичность; мифы; символы; внешняя политика; традиции; Россия.

Появление новых государств на политической карте мира сопровождается формированием новых опорных мифов, которые преподносят существование этих государственных единиц в качестве исторической закономерности, вытекающей из глубины веков. Происходит, как бы выразился Э.Хобсбаум, «изобретение традиций». С его точки зрения, ««изобретенная традиция» — это совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели — повторение,.. «традиции, которые кажутся старыми или претендуют на то, что они старые, часто оказываются совсем недавнего происхождения и нередко — изобретенными» [17].

Представляется, что формирование традиций и новых опорных мифов в государствах Центральной Азии оказывает прямое воздействие на выстраивание внешнеполитического курса страны. Это можно выявить посредством проведения сравнительного анализа процесса формирования исторических образов в государствах Центральной Азии, определение места России в этих

---

¹ Плотников Дмитрий Сергеевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: plotnikov.perm@mail.ru.

© Плотников Д.С., 2016

образах и сопоставление полученных данных с политикой стран центрально-азиатского региона в отношении России.

Образование независимых государств Центральной Азии актуализировало задачи легитимации политической системы и поиск новых основ государственности. Десоветизация политических систем стран Центральной Азии открыла поиск новых основ идентичности. Не последнюю роль в этом сыграл ислам.

Ислам исторически более основательно укоренился у оседлых народов Центральной Азии, в связи с чем «возвращение» к мусульманской идентичности характерно в большей степени для таких стран региона, как Узбекистан и Таджикистан. Тем не менее, для светских правителей Центральной Азии, получивших должности руководителей республик по партийной линии во времена СССР, исламизация политики представляла и представляет собой вызов и угрозу. В результате десоветизация, хотя и сопровождалась риторической поддержкой ислама и строительством мечетей, но религиозные нормы не отразились на политических контурах новых основ государственности.

Каждая страна региона искала новых исторических «героев», новые опорные мифы, новые источники легитимации (в том числе в форме «удревнения» собственной истории и государственности). Особняком стояла необходимость выстраивания идеологических доктрин, подчеркивающих значимость указанных стран в региональной и мировой системе координат.

В Узбекистане в качестве ключевой исторической фигуры, подчеркивающей избранность узбекского народа, его историческое значение, выбран Тамерлан, в честь которого в республике «было названо великое множество улиц, районов и хозяйств» [15], воздвигнуты памятники на центральных площадях. Изображение одного из таких памятников украшает лицевую сторону купюры номиналом в 500 сум. Фигура Тамерлана призвана не только заполнить идеологический вакуум, возникший после краха СССР, но и указать узбекскому народу на ту великую роль, которую он играл в прошлом, с проекцией на настоящее и будущее. Президент И. Каримов неоднократно предъявлял территориальные претензии соседним государствам (в том числе, Киргизии и Таджикистану) на том основании, что эти территории некогда входили в состав «Великого Узбекского государства» [16]. Таким образом, история с позиции узбекского руководства, служит инструментом, оправдывающим геополитические амбиции.

По мнению И.Каримова, которого эстрадные певцы сравнивают с Тамерланом [8], проекция славного исторического прошлого должна способствовать сохранению достоинства и величия современных узбеков, которые должны жить и работать в Узбекистане, а не добиваться признания в других странах. «В Узбекистане сейчас не много ленивых людей. Я называю лени-

выми тех, кто едет в Москву и подметает там улицы и площади. Это отвратительно, когда узбеки едут туда за куском хлеба... в настоящее время (*в Узбекистане – прим. Авт.*) нет попрошайек, поскольку человеческое достоинство им не позволяет этого делать»[4]. СССР И.Каримовым воспринимается в качестве «тоталитарного режима» [5], а Узбекистан – как колония, предоставляющая метрополии сырье (прежде всего, хлопок).

В Казахстане в качестве исторической фигуры, знаменующей славное прошлое, выступают деятели культуры и науки, такие как Аль-Фараби и Акбай. Акбай Кунанбаев (1845–1904) – казахский поэт и философ, основоположник казахской письменной литературы. Аль-Фараби (около 870–950 г.) – арабский ученый, родившийся на территории современного Казахстана. Именем Аль-Фараби назван один из ведущих университетов Казахстана. Образ Аль-Фараби и Акбая неоднократно использовался в качестве изображения на лицевой стороне тенге. Для современного Казахстана на символическом уровне характерна апелляция к кочевой культуре региона. Образ юрты, скачущего в степи всадника, парящего над степью орла часто используются в государственных символах республики. Кочевая подвижность гармонирует с объявленной внешнеполитической позицией, нацеленной на формирование «многовекторного» курса г. Астаны.

В ходе встречи с активом г. Астаны президент Н. Назарбаев объявил о том, что в 2015 г. народ отметит грандиозную юбилейную дату – 550 лет казахской государственности [2]. Есть мнения, что попытки «удревнения» истории Казахстана активизировались после воссоединения Крыма и России весной 2014 г.

Особой популярностью в Казахстане пользуются фильмы, прославляющие степных завоевателей. Такие фильмы с казахстанским участием, как «Кочевник» и «Монгол», пользовались поддержкой властей.

Руководство Казахстана удачно использовало идеологию «евразийства» для сплочения тюркских и славянских этнических групп, составляющих основу казахстанской нации. Стремление заменить коммунистическую идеологию евразийством проявилось, в частности, в переименовании ведущего университета страны в «Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева» [14]. Юридическое закрепление статуса русского языка позволило Казахстану избежать межэтнических столкновений и выстроить политическую нацию, где представители разных этнических групп лояльны в отношении государственных институтов. Дальновидность казахстанской стратегии очевидна на фоне украинского кризиса 2014 г., когда альтернативная стратегия, направленная на вытеснение на периферию русского языка из официального делопроизводства в Украине обострила межнациональные отношения и усугубила раскол в обществе. Напомню, что казахский этнос, как

и другие слои советского общества, серьезно пострадал от непродуманных и порой преступных действий И.Сталина, в особенности это касается коллективизации. При этом страдания казахского народа в этот период не подаются в современной интерпретации в качестве этнических чисток, в отличие от украинского подхода к «голодомору».

Евразийская идеология также способствовала позиционированию Казахстана в качестве центра притяжения между Востоком и Западом. Данная концепция позволяет Казахстану не только избежать внутривнутриполитических конфликтов, но и выстраивать добрососедские отношения с соседними державами, выгодно используя свое геополитическое положение (реализация проектов «Север-Юг» и «Шелковый путь» - яркое тому подтверждение).

Таким образом, Казахстан удачнее использует идейно-символическое наследие, чем Узбекистан, где преобладает конфликтное позиционирование в регионе, что обостряет и без того натянутые узбекско-таджикские и узбекско-киргизские отношения, изматывающие стороны в региональном противостоянии.

Наибольшие усилия по «удревнению» собственной истории характерны для Туркменистана. История туркмен, в культовой книге конструирующей основы современного Туркменистана «Рухнаме» (авторство которой приписывают первому президенту - С. Ниязову), начинается примерно 5000 лет тому назад, когда появился мистический предок народа – Огуз хан. Образ Огуз Хана используется на туркменском манате, его именем названа главная телебашня страны и дворцовый комплекс. В Ашхабаде в честь Огуз хана названа улица и фонтанный комплекс на пути из аэропорта имени Туркменбаши в центр города. По мнению современных специалистов, «советские туркмены как нация зародились в 1924 г., когда впервые появляется само понятие «Туркменистан» [3]. Для придания значимости и древности туркменской государственности эксплуатируется образ Тургул-Бека (изображение которого украшает лицевую сторону маната). Тургул-Бек – полководец из Центральной Азии, совершивший успешные завоевания ряда территорий Центральной Азии и Ближнего Востока в XI в. Древность и величие современного Туркменистана исходит из апелляции к сельджукской империи, изображение одного из султанов которой – Ахмада Санджара, украшает лицевую сторону купюры номиналом в пять туркменских манат.

В отличие от Казахстана, Туркменистан позиционирует российское присутствие в регионе в качестве «ига». В этом контексте Гоекдепинское сражение 1881 г. между российскими и туркменскими войсками с поражением последних – самая большая трагедия туркменского народа [3].

Педалирование величия туркменского народа на фоне дискредитации соседей создает плодотворную базу для проведения изоляционистского

внешнеполитического курса республики.

Небывалый даже по меркам Центральной Азии культ личности Сапармурата Ниязова проявился в повсеместном изображении портрета первого Президента – Туркменбаши (отца всех туркмен), в том числе и на туркменских манатах образца до 2009 г. Имя Туркменбаши используется в названии городов, поселков, столичного аэропорта, есть орден Туркменбаши, школа его имени и т.д.

После смерти С.Ниязова в декабре 2006 г. и прихода к власти Гурбангулы Бердымухаммедова произошло некоторое сворачивание культа личности Первого президента Туркменистана. Помимо первых лиц государства в республике на государственном уровне прославляются деятели культуры и, прежде всего, Махтумкули (туркменский поэт, считающийся классиком туркменской литературы, воспеваемый еще в советские времена).

Таджикистан, переживший кровопролитную гражданскую войну в 1990-е годы, осторожно относится к формированию новых символов нации. Таджикистан – единственная из республик Центральной Азии, где в качестве символов на официальных купюрах изображены профессиональные революционные деятели и партийные руководители советского прошлого (Шириншо Шотемор и Мирзо Турсун-Заде). Шириншо Шотемор является одним из организаторов создания Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики. Вместе с тем, он возглавлял операции по уничтожению басмачей и их «пособников» в Таджикистане. Таким образом, официальный Душанбе не стремится на символическом уровне разорвать связь собственной государственности с советским периодом.

Современный Таджикистан в идеологии официальных властей предстает в качестве наследника древнего государства Саманидов. 9 сентября 1999 г. Таджикистан торжественно отпраздновал 1100-летие государства Саманидов, воспринимаемого в качестве первого государства таджиков. В следующем 2000 г. таджикский рубль был заменен сомани – чье название также отсылает к древней истории таджикского народа. Особым почтением в современном Таджикистане пользуется имир династии Саманидов, основатель государства в Средней Азии – Исмаил Самани (живший в IX–X вв). Образ этого правителя изображен на национальной валюте современного Таджикистана. Душанбе активно продвигает образы классиков таджико-персидской литературы, таких как Абуабдулло Рудаки. В 2008 г. в Таджикистане отметили 1150-летие со дня его рождения. Изображение этого человека украшает самую крупную купюру в Таджикистане. Празднуя 17-ю годовщину образования независимого государства Таджикистан в современных границах, президент республики Э.Рахмон в телеобращении к нации отметил: «Семнадцать лет назад древняя, культурная, стоявшая у истоков цивилизации таджикская

нация добилась великого и священного завоевания - государственной независимости, и сейчас мы с вами с чувством огромной гордости и достоинства отмечаем это славное событие - торжество исторической справедливости и восстановление преемственности нашей новой государственности с системами государственности наших предков, имеющими многотысячелетнюю историю» [12]. В отличие от кочевых народов Центральной Азии, Таджикистан не испытывает дефицита исторических персон, и власти удачно апеллируют к древним опытам государственности.

В Кыргызстане преимущественно прославляются деятели культуры (в том числе и советского периода). Существует и культ кыргызстанского сказочного чудо-богатыря Манаса, именем которого назван город, столичный аэропорт и университет, в честь которого воздвигнуты памятники. Высшая награда Кыргызстана именуется орденом «Манаса». В Кыргызстане существует даже отдельное направление исследований под названием «манасоведение». Ярким символом современного Кыргызстана является юрта, украшающая флаг республики и символизирующая кочевые традиции кыргызского народа. Подкрепляли кочевые устои на символическом уровне изображения всадника и орла на кыргызском соме образца 1993 г.

Одним из признаков отсутствия кардинального разрыва с советским прошлым служит празднование дня защитника отечества в Таджикистане и Кыргызстане по советской традиции – 23 февраля, тогда как власти Туркменистана, Казахстана и Узбекистана предпочли перенести это торжество на иные даты.

Еще одним показателем восприятия советского прошлого странами региона, является тот акцент, с которым подается материал о распаде СССР (и в целом периода конца XIX–XX веков) в школьных учебниках, рекомендуемых соответствующими государственными ведомствами. Восприятие исторических событий отличается пестротой. Как отмечает школьный учитель с 25 летним стажем из г. Алматы, в Казахстане «за минувшие 20 лет отношение к событиям 1991 г. менялось уже трижды. Был момент, когда времена Советского Союза упорно называли "коммунистическим игмом" и периодом "советской колонизации Казахстана". Сегодня ситуация изменилась. Например, в учебнике Всемирной истории половину страницы отвели освещению общесоюзного референдума 17 марта 1991 г.» [11]. В Таджикистане в школьном учебнике по истории период распада СССР оценивается как потеря. «В результате распалась великая держава, которая объединяла много народов и являлась могущественной», - пишут авторы учебника История таджикского народа» [11]. В Кыргызстане распад СССР в школьных учебниках описывается «нейтрально» [11].

В Узбекистане, как и в Туркменистане, история конца XIX–XX вв. трак-

туется «с точки зрения гегемонии русских, которая стала всеобъемлющей в советский период, особенно при большевиках и коммунистах» [13].

Таким образом, идейно-символическое позиционирование стран региона существенно отличается. Если Таджикистан и Кыргызстан сохранили советскую преемственность в символическом смысле, то Туркменистан и Узбекистан пошли на радикальный разрыв с этим периодом, который воспринимается в качестве колониального. Казахстан сформулировал принципиально иную символическую парадигму, выстроенную на сочетании тюркского и славянского начал с безусловным преобладанием первой составляющей в казахстанской символике.

По результатам проведенного анализа можно выделить 3 группы стран в зависимости от занимаемого Россией места в формировании исторических опорных мифов. Первая группа – Кыргызстан и Таджикистан, где советское прошлое органически вписывается в конструирование новых мифов с упором на национальные образы. Во второй группе, напротив, наблюдается восприятие имперской России и СССР как колонизатора, чья деятельность деструктивно сказалась на развитии народов. К данной категории стран относятся Туркменистан и Узбекистан. К третьей группе относится Казахстан, где взаимоотношения с СССР и Россией воспринимаются противоречиво, тем не менее, доминирует нейтральное или положительное восприятие сосуществования в общесоюзном государстве и не наблюдается фокусирования на темах, связанных с преступными действиями И.Сталина на территории современного Казахстана (что особенно отличает Астану от Киева).

Обретя независимость, страны Центральной Азии, стремятся легитимизировать собственную государственность и апеллируют к славному историческому наследию. В Туркменистане и Таджикистане отмечаются тысячелетние юбилеи создания первых государств. При этом, если для древней таджикской цивилизации эти даты могут быть обоснованы с позиции истории, то апелляция к сельджукам со стороны Ашхабада выглядит натянутой. Повсеместно вспоминаются древние эпосы и легендарные герои (культ богатыря Манаса в Кыргызстане). Особая роль в претензии на региональное лидерство со стороны Узбекистана [10] принадлежит Тамерлану. В качестве тренда следует отметить популяризацию литераторов и ученых из Центральной Азии. Образ юрты, скачущего в поле кочевника обладает особой притягательной силой в Кыргызстане и Казахстане. Астана, в отличие от Ташкента, выбрала мультикультурную идеологию «евразийства» (в вариации Гумилев+Назарбаев). Данный концепт сгладил вероятные этнические противоречия в разнородном казахстанском обществе и способствовал формированию гражданской нации в Казахстане.

Важно выяснить, коррелирует ли образ России и СССР в мифотворчест-

ве стран Центральной Азии с выстраиванием внешнеполитического курса с г. Москва.

Страны первой группы (Таджикистан и Кыргызстан) и Казахстан объединены с Россией в военно-политический союз ОДКБ. Кыргызстан и Казахстан участвуют в экономическом объединении ЕАЭС. Ведутся дискуссии о членстве Таджикистана в ЕАЭС. При этом г. Москва, Астана и Минск размышляют о необходимости включать г. Душанбе в экономическое объединение, учитывая слабые экономические позиции Таджикистана [1].

Со странами третьей группы (Туркменистан и Узбекистан) у России выстраиваются сложные отношения. Следует отметить, что последовательная политика Казахстана на сотрудничество с Россией в военно-политической области, заключающаяся в использовании ее ресурсов в модернизации казахстанских вооруженных сил, контрастирует с конфликтной стратегией Узбекистана. Лишь ухудшение отношений Узбекистана с США и Западной Европой вследствие жёсткого подавления мятежа в Андижане в мае 2005 г. способствовало корректировке внешней политики Ташкента. Критика узбекского президента за нарушение прав человека привела к закрытию американской военной базы на территории Узбекистана в Карши-Ханабад в ноябре 2005 г., а также способствовала интенсификации российско-узбекских отношений. Восстановление членства Узбекистана в ОДКБ в августе 2006 г. было призвано обезопасить Ташкент от нападков со стороны Запада. Снятие санкций с Узбекистана и нормализация отношений со странами Запада, по мнению президента И. Каримова, делали бессмысленным нахождение Узбекистана в патронированных Москвой военно-политических и экономических организациях. Выход из этих организаций был делом времени, поскольку он «развязывал руки» узбекскому лидеру и позволял проводить более жесткую внешнюю политику в отношении сопредельных Кыргызстана и Таджикистана [10].

Казахстан, в отличие от Узбекистана, решил все территориальные проблемы посредством демаркации границы с Россией и Китаем. Отсутствие территориальных споров, вооруженных инцидентов на границе и доверительные отношения с соседями выгодно отличают Казахстан от Узбекистана. Поднимают международный авторитет Астаны инициативы в области создания глобального антиядерного движения [6], попытки посредничества в конфликте между Россией и Украиной [7], а также периодическое использование казахстанской столицы в качестве площадки для встреч (например, в 2016 г. в Астане запланировано проведение каспийского саммита).

Официальный Туркменистан, как отмечалось выше, крайне негативно оценивает свое прошлое в составе Российской империи или СССР. Обретя независимость, Ашхабад выдвинул стратегию неучастия в военно-

политических и экономических союзах. Туркменистан отличает не только изоляционистский внешнеполитический курс (проявляющийся в том числе и в правилах, осложняющих выезд за рубеж), но и давление на русское население страны посредством административных ресурсов. Так, в 2003 г. в Туркменистане был ратифицирован закон о прекращении двойного гражданства. Граждане страны были поставлены перед выбором, либо покинуть страну, либо отказаться от иностранного гражданства. На тот момент в Туркменистане проживало около 150 тыс. чел., имеющих двойное гражданство [9].

На внешнеполитическое взаимодействие России со странами региона влияет комплекс факторов, среди которых определенный вес имеют исторические образы государств Центральной Азии и место России в этих идеологических доктринах. Система ценностей, конструируемая представителями власти, создает определенные поле для маневров, выходить за рамки которого весьма проблематично из-за угрозы подрыва легитимности. Например, Израиль и Саудовскую Аравию объединяет опасение роста мощи Ирана в регионе, но Эр-Рияд не может пойти на публичный диалог с Тель-Авивом по причине полувекового конструирования образа врага в лице Израиля с позиций местных СМИ. Выделенные в статье три группы стран определенно по-разному позиционируют себя в регионе и имеют разные стратегии во взаимоотношениях с Москвой. Ташкент и Ашхабад стремятся дистанцироваться от Москвы, воспринимая ее в качестве имперского центра. Бишкек и Душанбе, напротив, стремятся извлечь выгоду от сотрудничества с Москвой, воспринимая ее в качестве гаранта собственной стабильности. Астана также стремится извлечь пользу из российско-казахстанских отношений, при этом Казахстан намерен усилить свои позиции посредством проведения «многовекторного» внешнеполитического курса.

Библиографический список

1. Андрей Казанцев: Таджикистан будет непростой ношей для ЕАЭС. [Электронный ресурс]. URL: <http://regnum.ru/news/polit/1966419.html>. (дата обращения: 01.01.2016).
2. В 2015 г. Казахстан отметит 550-летие государственности. [Электронный ресурс]. URL: <http://el.kz/m/articles/view/Президент-Нурсултан-Назарбаев-В-следующем-году-страна-будет-отмечать-550-летие-казахского-государства>. (дата обращения: 01.01.2016).
3. Гавровская Е.А. Независимый Туркменистан: идеологические аспекты национальной политики. Идеи и идеалы. М., 2010. № 1(3), т. 2. С.118.

4. Ислам Каримов назвал трудовых мигрантов ленивыми. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.azattyq.org/content/karimov-nazval-migrantov-lenivymi/25029301.html>. (дата обращения: 01.01.2016).
5. Ислам Каримов о СССР и тоталитарном режиме. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stanradar.com/news/full/12144-islam-karimov-o-sssr-i-totalitarnom-rezhime.html?page=83>. (дата обращения: 01.01.2016).
6. Назарбаев выступил с инициативой глобального антиядерного движения. [Электронный ресурс]. URL: http://total.kz/politics/kazakhstan/2015/10/27/nazarbaev_vyistupil_s_initsiativo_y_globalnogo_antiyadernogo_dvijeniya (дата обращения: 01.01.2016).
7. Нурсултан Назарбаев становится главным миротворцем. [Электронный ресурс]. URL: <http://thenews.kz/2014/12/29/1750263.html> (дата обращения: 01.01.2016).
8. Опальная узбекская певица Юлдуз Усманова спела «гимн» Исламу Каримову. [Электронный ресурс]. URL: <http://365info.kz/2015/12/opalnaya-uzbekskaya-pevitsa-yulduz-usmanova-spela-gimn-islamu-karimovu/> (дата обращения: 01.01.2016).
9. От гражданства приказано отказаться Демоскоп. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0541/gazeta017.php> (дата обращения: 01.01.2016).
10. *Плотников Д.С.* Региональные амбиции Узбекистана сквозь призму российской политики в Центральной Азии // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2015. №2. С. 46–56
11. Распад СССР в школьных учебниках: России, Украины, Беларуси, Латвии, Киргизии, Таджикистана, Казахстана, Армении, Грузии, Молдавии и Германии. [Электронный ресурс]. URL: <http://nasledie.ru/?q=node/2314> (дата обращения: 01.01.2016).
12. Республика Таджикистан отмечает 17-ю годовщину своей государственной независимости. [Электронный ресурс]. URL: http://www.tajikemb.kg/index.php?id=161&Itemid=67&option=com_content&task=view (дата обращения: 01.01.2016).
13. Россия в узбекских учебниках по истории. [Электронный ресурс]. URL: <http://baursak.kz/blog/ussr/1585.html#.VoZRFFPp0lQ> (дата обращения: 01.01.2016).
14. Сайт Евразийского национального университета им. Н.Л.Гумилева. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.enu.kz/ru/> (дата обращения 01.01.2016).
15. Тамерлан вместо Ленина. [Электронный ресурс]. URL: <http://strana.lenta.ru/uzbekistan/timur.htm> (дата обращения 01.01.2016).
16. Узбекистан: вступление в НАТО и территориальные претензии. [Электронный ресурс]. URL:

http://www.inosmi.ru/12_uz/20130708/210759352.html (дата обращения: 01.01.2016).

17. Хобсбаум Э. Изобретение традиций. Кембридж, 1992.

CONSTRUCTING THE PAST OF CENTRAL ASIA IN THE CONTEXT OF BUILDING RELATIONS WITH RUSSIA AT THE PRESENT STAGE

D.S. Plotnikov

Candidate of Political Sciences, Department of Political Sciences, Perm State University

The article considers the historical heritage of Central Asia in the context of the relations with Russia. The author reveals the place of Russia in historical images, as well as the impact of ideological doctrines on shaping the foreign policy of Central Asian countries towards Russia.

Keywords: Central Asia; identity; myths; symbols; foreign policy; traditions; Russia.

References:

1. Andrey Kazantsev: Tajikistan will be a heavy burden for the EAEC. Available at: <http://regnum.ru/news/polit/1966419.html> (accessed 01.01.2016). (In Rus.).
2. In 2015 Kazakhstan will celebrate the 550th anniversary of its statehood. Available at: <http://el.kz/m/articles/view/Президент-Нурсултан-Назарбаев-В-следующем-году-страна-будет-отмечать-550-летие-казахской-государстве> (accessed 01.01.2016). (In Rus.).
3. *Gavrovskaya E.A.* Independent Turkmenistan: ideological aspects of national policy. Ideas and Ideals Novosibirsk. 2010. Vol.2. № 1(3). 118 p. (In Rus.).
4. Islam Karimov called migrant workers lazy. Available at: <http://rus.azattyq.org/content/karimov-nazval-migrantov-lenivymi/25029301.html> (accessed 01.01.2016). (In Rus.).
5. Islam Karimov about the USSR and totalitarian regime. Available at: <http://www.stanradar.com/news/full/12144-islam-karimov-o-sssr-i-totalitarnom-rezhime.html?page=83> (accessed 01.01.2016). (In Rus.).
6. Nazarbaev has initiated a global anti-nuclear movement. Available at: http://total.kz/politics/kazakhstan/2015/10/27/nazarbaev_vyistupil_s_initsiativo_y_globalnogo_antiyadernogo_dvijeniya (accessed 01.01.2016). (In Rus.).
7. Nursultan Nazarbayev becomes the main peacemaker. Available at: <http://thenews.kz/2014/12/29/1750263.html> (accessed 01.01.2016). (In Rus.).

8. The disgraced Uzbek singer Yulduz Usmanova sang a "hymn" to Islam Karimov. Available at: <http://365info.kz/2015/12/opalnaya-uzbekskaya-pevitsa-yulduz-usmanova-spela-gimn-islamu-karimovu/> (accessed 01.01.2016). (In Rus.).
9. It is ordered to renounce citizenship. Demoscope. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0541/gazeta017.php> (accessed 01.01.2016). (In Rus.).
10. *Plotnikov D.S.* Regional ambitions of Uzbekistan in the light of Russia's policy in Central Asia. Review of Political Science. 2015. № 2. P. 46–56. (In Rus.).
11. The dissolution of the USSR in school textbooks of Russia, Ukraine, Belarus, Latvia, Kyrgyzstan, Tajikistan, Kazakhstan, Armenia, Georgia, Moldova and Germany. Available at: <http://nasledie.ru/?q=node/2314> (accessed 01.01.2016). (In Rus.).
12. The republic of Tajikistan celebrates the 17th anniversary of its independence. Available at: http://www.tajikemb.kg/index.php?id=161&Itemid=67&option=com_content&task=view (accessed 01.01.2016). (In Rus.).
13. Russia in Uzbek history textbooks. Available at: <http://boursak.kz/blog/ussr/1585.html#.VoZRFFPp0lQ> (accessed 01.01.2016). (In Rus.).
14. L.N. Gumilev Eurasian National University website. Available at: <http://www.enu.kz/ru/> (accessed 01.01.2016). (In Rus.).
15. Tamerlan instead of Lenin. Available at: <http://strana.lenta.ru/uzbekistan/timur.htm> (accessed 01.01.2016). (In Rus.).
16. Uzbekistan: Joining NATO and territorial claims. Available at: http://www.inosmi.ru/12_uz/20130708/210759352.html (accessed 01.01.2016). (In Rus.).
17. *Hobsbawm E.* The invention of tradition. C., 1992. (In Rus.).

УДК-327:356/359

БРИКС и РОССИЯ: ВОЕННЫЙ АСПЕКТ

*Р.И. Шевченко*¹

В статье рассматривается вопрос военного потенциала в странах группы БРИКС, отдельно акцентируется внимание на Российской Федерации. Рассматривается вопрос взаимозависимости военного и политического факторов, в частности, подчёркивается, что на данный момент нет предпосылок для оформления объединения БРИКС в формальный военный альянс. В заключение делается вывод о том, что военный фактор может стать объединяющим для всех участников БРИКС, если рост потенциала сотрудничества в этой сфере будет продолжен.

Ключевые слова: БРИКС; аспект; глобальная безопасность; военный альянс; вооружение; развивающиеся страны; международные отношения.

Упоминание объединения БРИКС² в военной доктрине Российской Федерации обуславливает концентрацию внимания на данном аспекте сотрудничества. Несмотря на то, что государства, входящие в группу БРИКС, не декларируют создание военного альянса, представляется интересным изучить потенциал, который существует в этой сфере.

Цель статьи – исследовать влияние военного фактора на усиление позиций объединения БРИКС.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- оценить затраты стран группы БРИКС на вооружение;
- проанализировать взаимосвязь военного и политического факторов;
- выяснить значение военного потенциала для будущего развития объединения БРИКС.

На сегодняшний день наиболее адекватные показатели оценки военного потенциала представлены данными Стокгольмского международного института исследования проблем мира (англ. Stockholm International Peace

---

¹ Шевченко Радмила Игоревна - аспирант кафедры политических наук и международных отношений, Крымский Федеральный университет им. В.И. Вернадского, Республика Крым, Россия. E-mail: radmila_mila_sh@mail.ru.

² БРИКС – Федеративная Республика Бразилия, Российская Федерация, Республика Индия, Китайская Народная Республика и Южно-Африканская Республика.

© Шевченко Р.И., 2016

Research Institute) – независимого международного института изучения проблем мира и глобальной безопасности, а также вопроса контроля над вооружением.

К областям исследования данной организации, относятся:

- сфера региональной и глобальной безопасности;
- вооруженные конфликты и управление ими;
- военные расходы и вооружение;
- контроль над вооружениями, разоружение и нераспространение вооружений.

Стокгольмский международный институт исследования проблем мира (SIPRI) ежегодно презентует книгу, в которой докладываются результаты проведённых исследований. Впервые такой ежегодный отчёт был опубликован в 1969 г. Отчётами SIPRI пользуются политики и журналисты, различные международные организации, а также исследователи, интересующиеся проблемами вооруженных конфликтов, глобальной безопасности, военных расходов, контролем над вооружением и другими аспектами [8].

Чтобы оценить затраты стран группы БРИКС на вооружение, предлагаем обратиться к таблице ниже:

Таблица 1

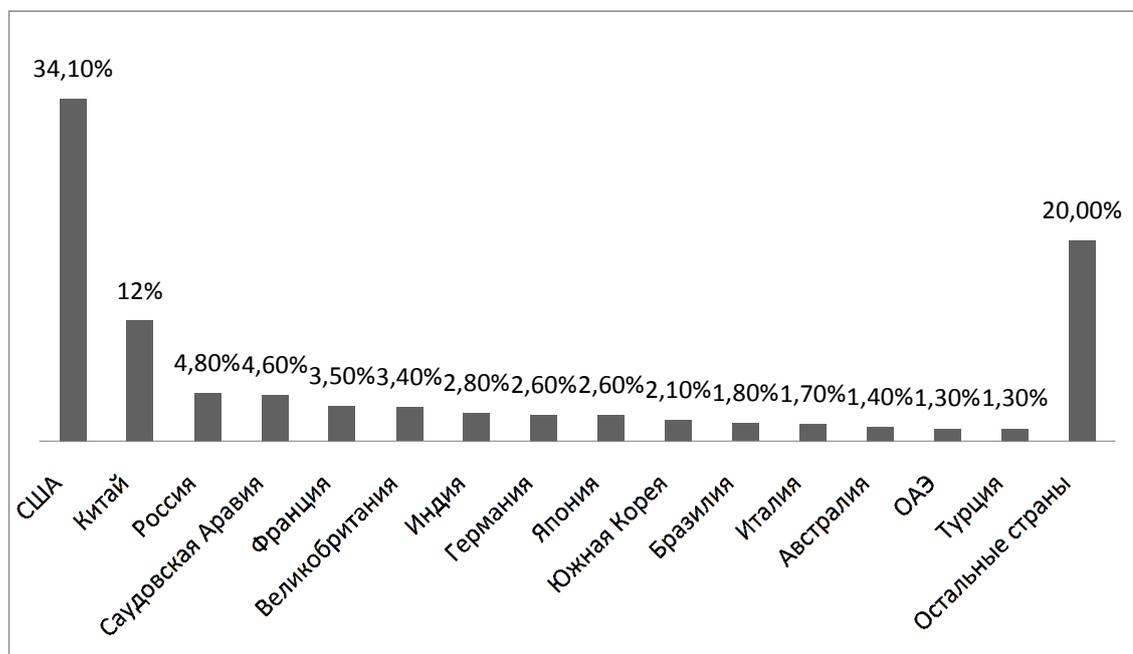
Военные расходы государств – участников БРИКС согласно данным SIPRI за 2014 г.¹

Страна	Расходы, млрд \$	Доля от ВВП, %	Доля от мир. расходов, %
Бразилия	31,7	1,4	1,8
Россия	84,5	4,5	4,8
Индия	50,0	2,5	2,8
КНР	216,0	2,1	12,0
ЮАР ²	41,08	1,2	–

Для того чтобы сравнить расходы данных стран с расходами других мировых держав, достаточно взглянуть на следующую диаграмму:

¹ Источник: SIPRI Military Expenditure Database 2015, <http://milexdata.sipri.org>

² Данные по ЮАР представлены 2013 г. (последние из доступных данных) и исчисляются в млн долларов.

Источник: SIPRI Military Expenditure Database 2015 [9]

Рис. 1. Доля мировых расходов на вооружение в 2014 г.
(на основе 15 государств с высоким % расходов)

Таким образом, суммарные военные расходы участников БРИКС в 2014 г. составили практически 400 млрд дол., а четыре из пяти государств группы вошли в число пятнадцати стран, расходующих наибольшие средства на вооружения. Аналитики SIPRI приводят интересную статистику: в период с 2005 по 2014 гг. рост военных расходов составил в Бразилии – 41, Индии – 39, России – 97, Китае – 167% [10].

Опубликованный за 2014 г. доклад Стокгольмского международного института исследований проблем мира (СИПРИ) о состоянии расходов на вооружение приводит данные, согласно которым Российская Федерация находится на третьем месте после США и Китая. Согласно этому же докладу, в сравнении с 2013 г., расходы России выросли на 8,1%, что составило 84,5 млрд дол. или 4,5 % от ВВП. США в 2014 г. уменьшили военные расходы на 6,5 %, но тем не менее, сохраняют лидирующую позицию в списке стран, чьи военные расходы исчисляются миллиардами. В целом общие затраты США составили 610 млрд дол. или 3,5% от ВВП. По оценкам СИПРИ, Китай стабильно сохраняет процентный показатель от ВВП, варьируя от 2 до 2,2 %. По сравнению с 2013 г. показатель военных расходов вырос на 9,7% и на

данный момент составляет 216 млрд дол. [6]. Также нельзя не отметить, что три страны из пяти, входящих в состав БРИКС, имеют ядерное оружие.

По мнению Е.Н. Корендясова, директора Центра российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки Института Африки РАН «БРИКС относится к числу ключевых игроков на мировом рынке вооружений и военной техники. На страны БРИКС приходится свыше 33% мирового экспорта оружия (2009–2013 гг. в постоянных ценах 1990 г.), а мировом импорте – 19%. В рамках БРИКС бесспорно лидирует Россия»[1].

В своём выводе относительно лидерства России в экспорте оружия среди участников БРИКС, Е.Н. Корендясов опирается на следующую таблицу:

Таблица 2

**Торговля вооружениями и военной техникой стран БРИКС:
2010-2014 гг. (млн дол. США)¹**

Страна	Экспорт			Импорт		
	Всего	В страны БРИКС	Доля стран БРИКС, %	Всего	Из стран БРИКС	Доля стран БРИКС, %
Бразилия	301	0	–	1573	165	10%
Россия	37383	18992	51%	480	0	–
Индия	74	0	–	21036	14752	71%
Китай	7612	0	–	6880	4071	57%
ЮАР	641	66	10%	526	0	–
ИТОГО	46011	19058	41%	30495	18988	63%

Нужно отметить, что как и появление Банка развития БРИКС, как некоего ответа западным финансовым интригам, военный блок стран-участниц может возникнуть лишь в том случае, когда это будет действительно необходимо. В настоящее время государства-участники не испытывают такой необходимости, ввиду отсутствия общей реальной, а не потенциальной угрозы. Несмотря на то, что БРИКС имеет «целый комплекс совпадающих стратегических интересов», по мнению российского президента В.В.Путина, «планов формирования военно-политического альянса на основе БРИКС нет» [2].

Из всех государств, входящих в состав БРИКС, прямое давление, со стороны США оказывается сейчас только на Россию. В декабре 2014 г. пре-

¹ Источник: SIPRI. Arms Transfers. Databasa. Подсчёты Е.Н.Корендясова

зидент России утвердил новую редакцию военной доктрины, предусматривающую «расширение взаимодействия с государствами-участниками БРИКС» [7].

Однако можно констатировать, что давление на Россию со стороны США не является общей угрозой группы БРИКС. Лишь, если каждая из стран-участниц будет уверена, что существует непосредственная угроза для ее политической, экономической и социальной стабильности со стороны запада, могут возникнуть предпосылки для формального военного объединения. Российская военная мощь имеет достаточный потенциал. События в Сирии, на Украине и Крыму доказывают, что Россия может противодействовать силам Североатлантического блока. Индия и Китай также обладают ядерным оружием и сильным военно-морским флотом [11].

Военный альянс НАТО и сейчас уступает по показателю общей численности вооруженных сил странам БРИКС. В ближайшем будущем, учитывая стабильную тенденцию развития Китая и Индии, разница в количественном показателе увеличится ещё больше. Количество ядерных боеголовок сил НАТО превосходит военную мощь стран БРИКС, однако эти цифры не являются точным показателем баланса сил. Россия имеет достаточно мощное стратегическое оружие. В этом отношении не стоит также недооценивать Китай.

Очевидно одно, что США будет препятствовать трансформации БРИКС в военный альянс, потому что для Запада это будет означать непредсказуемые последствия, явно противоречащие их интересам. Все государства-участники БРИКС очень осторожно высказываются насчёт идеи военного союза, рассматривая в приоритете лишь вариант военно-технического сотрудничества, с помощью которого будет осуществляться обмен новейшими технологиями и опытом [2].

Интересен также для рассмотрения рейтинг военной мощи стран мира. Он позволяет оценить мощь всех мировых армий. Выяснить это возможно с помощью индекса Global Firepower (GFP). Индекс объединяет в себе различные показатели, по которым и проводится анализ. Всего учитывается более 50 различных показателей. Учитывается численность кадрового состава армии и резерва, количество самолётов, танков, кораблей и другой военной техники. Включены в индекс транспортная инфраструктура страны, добыча нефти, размер государственного долга, финансирование военной сферы и другие параметры, способные повлиять на боеспособность армии. По состоянию на январь 2015 г. в базу данных GFP включены 126 государств. Этот рейтинг считается одним из самых авторитетных в мире. Основная цель базы данных GFP является сбор и анализ данных о вооружённых силах государств и ранжирование стран по показателям мощи национальных армий. По ре-

результатам подсчётов армия государства получает оценку, так называемый, Power index – (PwrIndx), отражающий приблизительные возможности той или иной армии. Индекс отображается десятичной дробью с четырьмя знаками после запятой. Лучшим результатом считается показатель индекса 0,0000, что в реальности, разумеется, невозможно. Для большей объективности вводятся дополнительные бонусные и штрафные баллы. Фактическую объективность должны обеспечить ввод следующих данных:

- не учитывается ядерное оружие (обусловлено это тем, что относительно небольшое количество стран имеет данный вид оружия);
- учитываются географические особенности государства;
- учитывается не только количество вооружений и техники;
- учитывается производство и потребление некоторых ресурсов;
- государства, не имеющие выхода к морю, не получают штрафные баллы за отсутствие ВМС;
- ограниченные возможности военного флота учитываются штрафными баллами;
- не учитываются особенности политического и военного руководства страны [4].

Согласно последним данным, первая десятка наиболее мощных армий мира выглядит следующим образом:

Таблица 3

Страна	PwrIndx:
1. США	0,1661
2. Россия	0,1865
3. Китай	0,2315
4. Индия	0,2695
5. Великобритания	0,2743
6. Франция	0,3065
7. Южная Корея	0,3098
8. Германия	0,3505
9. Япония	0,3838
10. Турция	0,4335

Бразилия занимает 22 место в списке с PwrIndx 0, 7063, а ЮАР – 32 место с PwrIndx – 0, 9233 [5].

Таким образом, можно отметить, что три из пяти стран группы БРИКС входят в десятку мощнейших армий мира, и не просто входят, а занимают первые три позиции, уступив лишь армии США. По мнению аналитиков, все государства, занимающие первые строчки в данном рейтинге, уделяют большое внимание своим вооруженным силам, в первую очередь, с финансовой стороны. Данные выводы авторов рейтинга подтверждаются иными источниками. Выше были рассмотрены и проанализированы данные Стокгольмского института исследований проблем мира (SIPRI), где оценивались расходы на вооружение этих же государств. Данные, которые приведены там, вполне соотносимы с данным рейтингом. Хотя, разумеется, неправильно было бы считать, что лишь финансирование нового оснащения, закупка техники и оружия являются единственными важными факторами. Грамотная и слаженная работа разных структур вооруженных сил и грамотное управление – также является основой для попадания страны в верхние позиции рейтинга.

Библиографический список

1. Военно-техническое сотрудничество в рамках БРИКС [Электронный ресурс]. URL: <http://interaffairs.ru/read.php?item=13166> (дата обращения: 09.12.2015).
2. Интервью с В.В. Путиным, информационное агентство «ИТАР-ТАСС», 15 июля 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46218> (дата обращения: 30.11.2015).
3. ИТАР-ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <http://itar-tass.com/infographics/7870> (дата обращения: 07.09.2015).
4. Сайт Глобальный индекс военной мощи 2015 (Global Firepower Index 2015) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalfirepower.com/> (дата обращения: 21.01.2016).
5. Ранжирование стран по военной мощи. Полный список стран мира. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalfirepower.com/countries-listing.asp> (дата обращения: 26.01.2016).
6. Сложная простота военных расходов// Независимая газета [Электронный ресурс]. URL: http://nvo.ng.ru/nvo/2015-06-05/1_sipri.html?id_user=Y (дата обращения: 07.12.2015).
7. О военной доктрине РФ: Указ президента РФ от 26 дек. 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> (дата обращения: 30.12.2014).

8. Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sipri.org> (дата обращения: 03.09.2015).
9. SIPRI Military Expenditure Database 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://milexdata.sipri.org> (дата обращения: 23.12.2015).
10. SIPRI publications – Embargo milex fact sheet. SIPRI. Facts Sheet. April 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://books.sipri.org/files/FS/SIPRIFS1504.pdf> (дата обращения: 12.10.2015).
11. Why a BRICS military bloc won't happen in a hurry [Электронный ресурс]. URL: http://in.rbth.com/blogs/2015/05/18/why_a_brics_military_bloc_wont_happen_in_a_hurry_43163.html (дата обращения: 07.09.2015).

THE MILITARY ASPECT OF RUSSIA'S COOPERATION WITH BRICS

R.I. Shevchenko

Postgraduate Student, Department of Political Sciences and International Relations, V.I. Vernadsky Crimean Federal University

The article discusses the military potential of the BRICS countries, special attention being paid to the Russian Federation. The issue of the military and political factors interdependence is studied. In particular, it is emphasized that at the moment there are no preconditions for the BRICS group to gain the formal status of a military alliance. It is concluded that the military factor can become unifying for all BRICS members providing there is further growth of potential for cooperation in this sphere.

Keywords: BRICS; aspect; global security; military alliance; armament; developing countries; international relations.

References:

1. Military and technical cooperation within BRICS. Available at: <http://interaffairs.ru/read.php?item=13166> (accessed 09.12.2015). (In Rus.).
2. Vladimir Putin's Interview to TASS Russian News Agency on July 15, 2014. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/46218> (accessed 30.11.2015). (In Rus.).
3. Military potential of the NATO and BRICS countries/ Available at: <http://itar-tass.com/infographics/7870> (accessed 09.12.2015). (In Rus.).

4. Global Firepower Index 2015. Available at: <http://www.globalfirepower.com> (accessed 21.01.2016). (In Rus.).
5. The ranking of countries by military strength. The full list of countries. Available at: <http://www.globalfirepower.com/countries-listing.asp> (accessed 26.01.2016). (In Rus.).
6. Sophisticated simplicity of military spending. Independent newspaper. Available at: http://nvo.ng.ru/nvo/2015-06-05/1_sipri.html?id_user=Y (accessed 07.12.2015). (In Rus.).
7. RF Presidential Decree of December 26, 2014 "On the military doctrine of the Russian Federation". Available at: <http://www.rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> (accessed 30.12.2014). (In Rus.).
8. Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). Available at: <http://www.sipri.org> (accessed 30.12.2014). (In English).
9. SIPRI Military Expenditure Database 2015. Available at: <http://milexdata.sipri.org> (accessed 23.12.2015). (In English).
10. SIPRI publications – Embargo Milex Fact Sheet. SIPRI Facts Sheet. 2015. April. Available at: <http://books.sipri.org/files/FS/SIPRIFS1504.pdf> (accessed 23.12.2015). (In English).
11. Why a BRICS military bloc won't happen in a hurry. Available at: http://in.rbth.com/blogs/2015/05/18/why_a_brics_military_bloc_wont_happen_in_a_hurry_43163.html (accessed 07.09.2015). (In English).

УДК-327.1

ПОЗИЦИЯ ТУРЦИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К КУРДСКОМУ ВОПРОСУ В СИРИИ

*О.А.Мазур*¹

Усиление курдского сирийского меньшинства в результате политического конфликта в Сирии и стремление курдов к федерализации сирийского государства вызвало крайнее недовольство Турции. Анкара воспринимает процесс автономизации на севере Сирии как прямую угрозу своей безопасности по нескольким причинам. Во-первых, в Турции проживает значительное курдское меньшинство, которое может использовать достижения своих курдских собратьев в своих целях. Во-вторых, во главе процесса автономизации сирийских курдов стоит Партия демократического союза, которая имеет тесные связи с Рабочей партией Курдистана, вот уже более 30 лет ведущей подрывную деятельность против турецкого правительства. В-третьих, государственная философия Турции опирается на идеи сильного национального государства, где все признаются турками. Любая автономия вынудит Турцию значительно изменить свою национальную идею. Таким образом, Анкара будет препятствовать любым попыткам сирийских курдов организовать автономии на севере Сирии.

Ключевые слова: Сирийские курды; Партия демократического союза; Турция; федерализация; Рабочая партия Курдистана.

Промежуточным итогом сирийской гражданской войны стало усиление сирийского курдского меньшинства и его претензии на широкую автономию в пределах Сирии, которая, по мысли курдов, после завершения войны должна подвергнуться федерализации. В ноябре 2013 г. лидер ведущей курдской Партии демократического союза Салих Муслим без консультаций со своими партнерами из другой курдской сирийской партии – Курдского национального совета - объявил о создании переходного автономного правительства в Сирийском Курдистане. В соответствующей декларации было выдвинуто предложение разбить курдские территории на три зоны, каждая из которых будет подчиняться местной администрации. 21 января 2014 г. было объявле-

---

¹ Мазур Ольга Анатольевна - аспирант ИСАА МГУ, кафедра «Политология Востока». E-mail: olga.mazur.89@mail.ru.

© Мазур О.А., 2016

но о создании «самоуправляемого кантона» Джазира, 27 января – кантона Кобани и 29 января – кантона Африн, в каждом из которых были выбраны необходимые органы власти.

Эти действия вызвали предсказуемую резкую реакцию Анкары. Министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу заявил, что «автономия не может провозглашаться в одностороннем порядке» [8].

Наступление Исламского государства (террористическая суннитская группировка, в прошлом связанная с иракским филиалом «Аль-Кайды», впоследствии стала самостоятельной боевой структурой, действующей на территории Сирии и Ирака [1, 65]) с лета 2014 г. на Ирак и Сирию изменило позиционирование сирийских курдов на региональной и международной аренах. Особый вес курды приобрели во время боев за сирийский город Кобани, населенный в основном курдами и дающий ИГ в случае победы контроль над участком сирийско-турецкой границы. Летом 2015 г. кровавая осада города, которая длилась почти год, была снята курдскими сирийскими силами Отрядов народной самообороны при поддержке американских военно-воздушных сил и иракских курдских военизированных структур «пешмерга».

Успехи курдов в противостоянии силам Исламского государства продолжились летом 2015 г. В июне был освобожден сирийский город Тель-Абьяд и установлен контроль над важной трассой, соединяющей этот город и сирийскую столицу ИГ Ракку. Благодаря этому курды объединили в единое пространство два свободных курдских кантона Джазиру и Кобани, которые до этого были разделены. Уже к зиме 2016 г. автономное образование курдов в Сирии, которое получило название Рожава, включило в свой состав 3 независимых кантона – Африн, Кобани и Джазира с городом Тель-Абьяд и прилегающими к нему территориями. В марте 2016 г. сирийские курды заявили о федерализации.

Вышеперечисленные факты свидетельствуют о возросшей роли сирийских курдов в гражданском противостоянии в Сирии. Сирийские курды стали одной из ведущих военных сил, важным политическим игроком, с которым региональные и международные силы вынуждены считаться и договариваться. Так, США стремятся заручиться поддержкой курдов в борьбе с Исламским Государством. В октябре 2014 г. вопреки предупреждениям и недовольствам Турции американские самолеты сбросили военную и медицинскую помощь Отрядам народной самообороны. После предоставления курдам вооружений Госдепартамент США впервые заявил, что «Партия демократического союза не есть то же самое, что Рабочая партия Курдистана в соответствии с американским законодательством» [9], по которому Рабочая партия Курдистана названа террористической структурой [7]. Это заявление стало

началом выстраивания партнерских отношений США и Партии демократического союза и еще больше охладило турецко-американские отношения.

Помимо предоставления оружия и прикрытия военных акций сирийских курдов против боевиков ИГ с воздуха Вашингтон предпринял попытку объединить разрозненные силы сирийской оппозиции и курдов, противостоящих террористам. 12 октября 2015 г. было объявлено о создании союза «Демократические силы Сирии», состоящего из подконтрольной Америке сирийской оппозиции и курдов. Цель союза – борьба с Исламским государством.

Участие России в войне в Сирии с целью борьбы с терроризмом сделало вопрос контактов Москвы и сирийских курдов неизбежным. Встречи российских дипломатов с курдами Сирии начались еще летом 2015 г. Тогда делегация ПДС во главе с главой Салихом Муслимом приезжала в Москву для установления более тесных отношений. 1 октября 2015 г. на встрече с журналистами российский министр иностранных дел Сергей Лавров заявил, что Россия поставляет курдам, которые воюют с Исламским государством, оружие через иракское правительство. Он добавил, что курды принимают участие в работе информационного центра в Багдаде по борьбе с ИГ [4].

Важным моментом в российско-курдских отношениях стала атака турецких ВВС на российский бомбардировщик Су-24 24 ноября 2015 г. Можно предположить, что трагедия с российским самолетом стала результатом налаживания отношений России и курдов, своеобразным предупреждением Анкары о недопустимости устанавливаемых контактов.

26 ноября 2015 г. Россия развернула высокоточную зенитно-ракетную установку С-400 на авиабазе Хмеймим в Латакии, которая на сотни километров вокруг прикрывает сирийское небо от полетов авиации других стран и структур [3]. Это помогло сирийским курдам без опасения турецкой реакции продвигаться на западном берегу р. Евфрат. В декабре 2015 г. Отряды народной самообороны «Демократические силы Сирии» взяли под контроль стратегическую плотину Тишрин на р. Евфрат. В декабре 2015 г. авиаудары России по силам сирийской оппозиции, поддерживаемой Турцией, позволили курдам перейти в наступление в западном анклав Африн. Эти военные шаги нарушили планы Президента Турции Р. Эрдогана создать «зону безопасности» на севере Сирии между Кобани и Африном. Россия также настаивает на включении сирийских курдов в мирный переговорный процесс.

Связка США-курды, интенсификация российско-курдских контактов, а также объявление курдов о федерализации на севере Сирии видится Анкарой как непосредственная угроза безопасности страны. Это объясняется несколькими факторами.

Во-первых, в самой Турции проживает около 20 млн курдов. Они активно выступают за предоставление им автономных прав и свобод, признания их идентичности, поддерживают сирийских братьев, имеют с ними тесные контакты. Между тем признание курдской идентичности и предоставление курдам прав потребует весомых изменений в турецкой государственной философии, которая зиждется на кемалистских идеях сильного национального государства, где все граждане называются турками [11, 147].

Во-вторых, на территории турецкого государства базируется Рабочая партия Курдистана, которая с 1970-х гг. ведет подрывные акции против турецкого правительства и причисляется к террористическим организациям в ряде европейских стран, а также в США. Анкара отвечает постоянными зачистками лагерей боевиков РПК и сочувствующих им. В текущий момент борьба накалилась до предела, часто приходят сообщения о взрывах в турецких городах. Правительство обвиняет Рабочую Партию Курдистана и продолжает карательные акции в курдских районах страны.

В-третьих, курдское сирийское движение за автономию в пределах Сирии возглавляет Партия демократического союза, которая считается сирийским отделением РПК и имеет с ней тесные военные и идеологические связи. В случае возникновения курдской сирийской автономии, эти территории могут стать базой активистов РПК, которые беспрепятственно будут пересекать сирийско-турецкую границу и продолжать подрывную деятельность в Турции с возможностью укрыться в пределах суверенного государства. Также успехи сирийских братьев на поле автономизации могут стать толчком для турецких курдов к повторению такого же сценария в Турции. Это делает невозможными доверительные дипломатические контакты между Анкарой и лидерами ПДС, которые, например, установились между Турцией и иракскими курдами. Масла в огонь подливает и прекращение в июле 2015 г. заключенного в марте 2013 г. мирного договора с представителями РПК.

В-четвертых, Анкара высказывает опасение по поводу того, что формирование сирийскими курдами автономии приведет к распаду Сирии и возникновению на границе плохо управляемых и контролируемых раздробленных территорий. Таким образом, любые попытки курдов Сирии продвинуться к федерализации воспринимаются Анкарой как неминуемая угроза, что заставляет турецкое правительство разными способами препятствовать сирийским курдам на пути к автономии.

Во время обороны г. Кобани Отряды народной самообороны обратились к своим братьям, проживающим в соседних государствах, с просьбой о помощи. Однако турецкое правительство, обладающее контролем над единственным свободным коридором для поставок вооружений курдским ополченцам, долгое время держало его закрытым. И только под давлением

Вашингтона и Президента Курдского автономного района Ирака Масуда Барзани 21 октября 2014 г. курдские отряды «пешмерга» получили разрешение Анкары перейти границу для оказания поддержки Отрядам народной самообороны.

После освобождения Тель-Абьяда и его присоединения к курдской автономии, президент Турции Тайип Реджеп Эрдоган не исключил возможность проведения Анкарой военных действий против сирийских курдов. При этом Турция не ограничивается решительными заявлениями: в конце октября 2015 г. турецкие военные дважды провели обстрел сирийских ополченцев, которые переправлялись к западу от р. Евфрат [2]. Также имеются данные о том, что Анкара тайно помогает Исламскому государству набирать наемников в Турции, которые приезжают со всего света и направляются в Сирию как раз через турецкую границу. Более того, Анкару обвиняют в финансировании ИГ через продажу добытой боевиками нефти в Ираке и Сирии, а также в обучении террористов в лагерях на своей территории [10].

Анкара предпринимает и дипломатические акции, выражающие недовольство турецкого правительства действиями США, России и курдов. Так, в октябре 2015 г. в МИД Турции были вызваны американский и российский послы, которые получили предупреждение о невозможности предоставления военной поддержки ПДС [5]. В январе 2016 г. вице-премьер Турции Нуман Куртулмуш выдвинул обвинения курдам в том, что они проводят этнические чистки против туркмен в контролируемых ими регионах. Несомненно, суть этого заявления заключалась в негативной реакции западного общества, которое крайне болезненно реагирует на вопросы прав и свобод человека.

Президент Турции Р. Эрдоган неустанно инициирует тему «зоны безопасности» на севере Сирии, как раз в тех регионах, где воюют курдские Отряды народной самообороны. Еще в июле 2015 г. Вашингтон и Анкара заключили договор об использовании турецкой базы «Инджирлик» для нанесения прицельных ударов по боевикам ИГ. В августе 2015 г. было подписано соглашение о совместных американо-турецких акциях против террористов Исламского государства. При этом стороны коснулись и вопроса организации «зоны безопасности» на севере Сирии, которая была описана Эрдоганом как «территория, свободная от террора, на которой могут временно разместиться перемещенные лица и беженцы» [6]. Между тем так называемая «зона безопасности» на самом деле нацелена на предотвращение продвижения сирийских курдов вдоль сирийско-турецкой границы на запад страны к г. Африн, что фактически приведет к объединению разрозненных анклавов в одно территориально-политическое пространство. Еще в начале декабря, уклоняясь от договора по этому поводу, американцы заявили, что формирование такой зоны потребует многочисленных средств и военных ресурсов на земле,

прежде всего людских, что противоречит стратегии Обамы по минимизации людского присутствия США в зонах конфликтов на Ближнем Востоке. Курды же своим декабрьским продвижением на запад страны нарушили планы Эрдогана. Между тем сохраняется реальная возможность односторонних акций Турции по перенесению границы вглубь сирийской территории с целью создания буферной зоны.

Таким образом, Анкара имеет ряд причин выступать против сирийских курдов и их планов по федерализации сирийского государства. Это, несомненно, приведет к продолжению реакционной политики Анкары в связи с планами по автономизации Сирийского Курдистана, что может еще больше запутать региональные и международные связи и затянуть сирийский конфликт на неопределенный срок.

Библиографический список

1. Ахмедов В.М. Роль исламского фактора в общественно-политическом развитии арабских стран Ближнего Востока и его эволюция в условиях сирийского кризиса. М., 2015. 123 с.
2. Давутоглу: армия Турции нанесла два удара по позициям сирийских курдов // РИА Новости. 2015. 27 окт. URL: <http://ria.ru/world/20151027/1308810265.html>.
3. Зенитный ракетный комплекс С-400 заступил на боевое дежурство в Сирии // 1 канал. 2015. 26 нояб. URL: <http://www.1tv.ru/news/world/297031>.
4. Лавров: Россия поставляет оружие курдам через правительство Ирака // РИА Новости. 2015. 01 окт. URL: <http://ria.ru/world/20151001/1294752952.html>.
5. МИД Турции вызвал послов России и США из-за помощи сирийским курдам // РБК. 2015. 14 окт. URL: <http://www.rbc.ru/politics/14/10/2015/561e1b279a794727ec8432f3>.
6. Президент Турции Эрдоган рассказал о планах по обустройству «зоны безопасности» в Сирии // RT. 2015. 28 дек. URL: <https://russian.rt.com/article/139183>.
7. Foreign Terrorist Organizations // US Department of State. URL: <http://www.state.gov/j/ct/rls/other/des/123085.htm>.
8. Kurdish Declaration of Autonomy in Syria Rejected by Turkey // RUDAW. 2013. 14 нояб. URL: <http://rudaw.net/english/middleeast/syria/14112013>.
9. Marie Harf. Deputy Spokesperson. Daily Press Briefing. Washington DC. October 20, 2014. US Department of State. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2014/10/233166.htm>.

10. *Phillips David L.* Research Paper: ISIS-Turkey List. New York: Columbia University, 2015. URL: http://www.huffingtonpost.com/david-l-phillips/research-paper-isis-turke_b_6128950.html.
11. Taspinar Omer. *Kurdish Nationalism and Political Islam in Turkey: Kemalist Identity in Transition*. New York: Routledge, 2005. 267 p.

TURKEY'S POSITION TOWARDS THE KURDISH ISSUE IN SYRIA

O.A.Mazur

Postgraduate Student, Institute of Asian and African Countries,
Lomonosov Moscow State University

With the Syrian crisis escalation, the Kurdish minority in Syria has become stronger and gained military and political clout, which caused great Turkish displeasure. Ankara regards the rising Kurdish autonomy in the north of Syria as a direct threat to its national security for several reasons. First, there is a numerous Kurdish minority in Turkey, which can use the achievements of its Syrian brethren to their advantage. Second, the Kurdish autonomy moves are headed by the Democratic Union Party, which is considered to be a wing of the Kurdistan Workers' Party, conducting the war against the Turkish government and included in the list of terrorist organizations in Turkey. Third, the Turkish state philosophy is based on ideas of the strong national state where every citizen is considered to be a Turk. Any autonomy will make Turkey significantly change its national idea. That is why Ankara will prevent any Kurdish attempts to organize autonomy in Syria.

Keywords: Syrian Kurds; Democratic Union Party; Turkey; federalization; Kurdistan Workers' Party.

References:

1. *Ahmedov V.* The role of the Islamic Factor in socio-political development in the Arab countries of the Middle East and its evolution during the Syrian crisis. M., 2015. 123 p. (In Rus.).
2. Davutoglu: the Turkish Army has stricken against positions of the Syrian Kurds. RIA Novosti. 2015. 27 October. Available at: <http://ria.ru/world/20151027/1308810265.html>. (In Rus.).
3. S-400 surface-to-air missile system has started its duty. Channel One Russia. 2015. 26 November. Available at: <http://www.1tv.ru/news/world/297031>. (In Rus.).

4. Lavrov: Russia provides Kurds with the Russian weapons through the Iraqi Government. RIA Novosti. 2015. 01 October. Available at: <http://ria.ru/world/20151001/1294752952.html>. (In Rus.).
5. The Ministry of Foreign Affairs of Turkey has ordered out Russian and American Ambassadors because of the help provided for the Syrian Kurds. RBC. 2015. 14 October. Available at: <http://www.rbc.ru/politics/14/10/2015/561e1b279a794727ec8432f3>. (In Rus.).
6. President of Turkey Erdogan has informed about his plans to set up a “safety zone” in Syria. RT. 2015. 28 December. Available at: <https://russian.rt.com/article/139183>. (In Rus.).
7. Foreign Terrorist Organizations. US Department of State. Available at: <http://www.state.gov/j/ct/rls/other/des/123085.htm>. (In English).
8. Kurdish Declaration of Autonomy in Syria Rejected by Turkey. RUDAW. 2013. 14 November. Available at: <http://rudaw.net/english/middleeast/syria/14112013>. (In English).
9. Marie Harf. Deputy Spokesperson. Daily Press Briefing. Washington DC. October 20, 2014. US Department of State. Available at: <http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2014/10/233166.htm>. (In English).
10. *Phillips David L.* Research Paper: ISIS-Turkey List. New York: Columbia University, 2015. Available at: http://www.huffingtonpost.com/david-l-phillips/research-paper-isis-turke_b_6128950.html. (In English).
11. *Taspinar Omer.* Kurdish Nationalism and Political Islam in Turkey: Kemalist Identity in Transition. New York: Routledge, 2005. 267 p. (In English).

К сведению авторов

«Вестник Пермского университета. Серия Политология» – периодическое издание, в котором публикуются результаты исследований в различных субдисциплинах политической науки: политическая теория, политическая социология, политическая регионалистика, политическая философия, сравнительная политология, политическое управление.

Журнал входит в список ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

Журнал выходит 4 раза в год.

После выхода из печати полнотекстовые версии номеров размещаются на интернет-сайте журнала и на интернет-сайте научной электронной библиотеки – elibrary.ru

Обращаем внимание, что, посылая статью для публикации в журнале «Вестник Пермского университета. Серия Политология», автор тем самым дает согласие на ее размещение в открытом доступе на интернет-сайте журнала (в случае принятия к публикации).

Требования к оформлению статей:

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 1 п.л. (40 тыс. знаков, включая пробелы, надписи и сноски). Тексты принимаются только в электронном виде по адресу: politvestnik-perm@yandex.ru.

Текст оформляется в формате Word через 1 интервал, шрифт Times New Roman, размер 14; поля: правое 2 см, левое 3 см, сверху и снизу по 2,5 см.

Оформление ссылок: автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется **Библиографический список**, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Вначале указываются источники на русском языке, затем – на иностранных.

Правила оформления: в тексте статьи ссылки оформляются в квадратных скобках, где указываются две цифры: первая – порядковый номер источника в списке литературы, вторая – страница [3, 68].

Библиографический список должен сопровождаться переводом русскоязычных источников на английский язык (References) с указанием в конце источника (In Rus.).

В начале файла с текстом статьи должны размещаться:

- название статьи на русском и английском языках.
- краткая (8–10 строк) аннотация и ключевые слова на русском и на английском языках;
- авторская справка на русском и английском языках с указанием места работы, должности, ученой степени и звания автора, адреса электронной почты.

Information for the authors

Electronic submissions: Authors are invited to submit articles through e-mail to politvestnik-perm@yandex.ru.

Manuscripts guidelines: The length for articles is no more than 40000 symbols, including notes and references.

Title page should include:

- authors' name (in Russian and English), affiliations, e-mail address and mobile phone;
- title of the article (in Russian and English);
- abstract (700–800 symbols) and 5 or 6 key words in Russian and English.

All text must be in Word with a 14-point font (Times New Roman) with 1-inch borders.

At the end of the text is placed a list of references (numbered in alphabetical order).

Formatting the references. The author must refer to the sources of citation/s, statistics and other information. The references are listed at the end of the article as References, where the sources are alphabetically listed with a No. for each. In the description of a reference a place of edition must be present with the publishers' name (except for periodicals), and the year of publishing. First Russian-language sources must be listed followed by foreign ones. How to format a reference:

In the text body: [3, 68].

Articles that do not conform to those rules will not be considered.

Вестник Пермского университета.
Политология
2016. № 2

Review of Political Science
2016. № 2

Научное издание

Редактор *Л.Л. Савенкова*
Корректор *Л.Л. Соболева*
Компьютерная верстка *Н.М. Беляевой*

Подписано в печать ____.____.2016. Выход в свет ____.____.2016.
Формат 60x84/16. Усл. печ. 10.93. Тираж 500 экз. Заказ ____.

Адрес учредителя, издателя и редакции:
614990, г. Пермь, ул. Генкеля, 8, каб. 302
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
кафедра политических наук

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография ПГНИУ:
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Распространяется бесплатно и по подписке